

А. Г. М.

№ 84

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

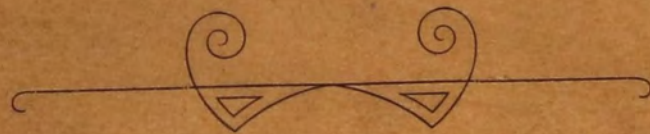

~~17179.~~

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
БЭЙ-ШАНЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ

СРЕДНЕЙ АЗИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ.

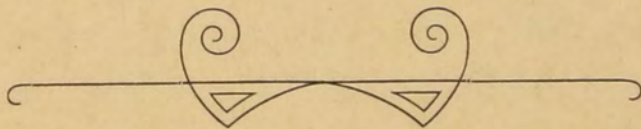
1898.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
БЭЙ-ШАНЯ

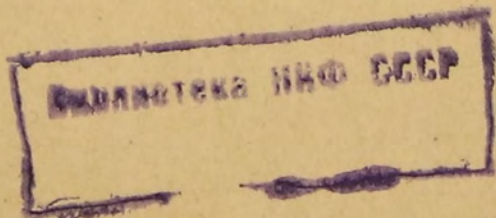
ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ
СРЕДНЕЙ АЗИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ.

1898.

1

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

89108

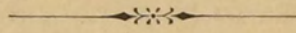
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческая географія Средней Азіи, не смотря на весьма цѣнные труды Дегиня, Клапрота, Ремюза, Вивіенъ де С. Мартена, Риттера, Іакинфа, Ст. Жюльена, Юля, Потье и многихъ другихъ остается еще весьма мало изученной. Послѣднія изслѣдованія внутреннихъ областей стараго континента, давшія столь много для познанія его природы и топографіи, обошли почти полнымъ молчаніемъ прошлую жизнь его обитателей. Среди путешественниковъ, столь славно и много потрудившихся на поприщѣ изслѣдованій Средней Азіи, было мало лицъ, интересовавшихся ея исторіей и археологіей. Вотъ почему всѣ послѣднія завоеванія въ области современной географіи этой части Азіи мало просвѣтляли тотъ туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые, посвятившіе свои труды изученію исторіи народовъ, въ ней обитающихъ и обитавшихъ. Труды по географіи Азіи общаго характера и даже детальныя маршрутныя описанія путешественниковъ оказывались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пригодными для пользованія историковъ, потому что обыкновенно въ нихъ отсутствовали тѣ детали, одна только комбинація коихъ и могла бы дать увѣренность въ правильности отождествленія историческихъ мѣстностей съ современными.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями Средней Азіи, вынесеннымъ изъ путешествій, совершавшихся, впрочемъ, съ иными цѣлями, я взялъ на себя трудъ помочь историкамъ обратиться въ нѣкоторыхъ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ, которые ставитъ намъ историческая географія Средней Азіи. Но кропотливый и мало благодарный трудъ этотъ еще не законченъ. Тѣмъ

временемъ рѣшаюсь напечатать настоящую работу, которая явилась плодомъ изученія исторической литературы Азіи и должна будетъ составить первыя три главы приготавлиаемаго мною къ печати второго тома «Описанія путешествія въ Западный Китай» *).

При этомъ пользуюсь случаемъ выразить свою глубочайшую признательность Н. А. Аристову, который любезно дѣлился со мною своими обширными свѣдѣніями по исторіи Средней Азіи.

*) Въ этихъ видахъ эта книга печатается всего лишь въ ста экземплярахъ.

ГЛАВА I.

Пустыня, лежащая между Тянь-шанемъ и горами системы Куэнь-луня, рисовалась въ нашемъ воображеніи частью каменистой, частью лёсово-солончаковой равниной, мѣстами слегка приподнятой и въ центральной своей части всхолмленной относительно невысокими грядами, сложенными, главнымъ образомъ, изъ наносовъ гальки и глины. Но не такой она оказалась въ дѣйствительности. Уже къ сѣверу отъ станціи Куфи, намъ стали попадаться выходы кварцеваго песчаника, дальше же передъ нами развернулся вполне горный ландшафтъ, гдѣ древніе метаморфическіе сланцы (глинистый, слюдяной, тальковый и кремнистый), мраморы, кварциты, филлиты, разнообразныя граниты, гранититы, порфириты, діабазы, рѣже діориты и сіениты, въ особенности же гнейсы, то слагались въ относительно довольно высокія гряды горъ, то распадались въ мелкосопочникъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ уходившій въ обѣ стороны отъ дороги. Однимъ словомъ, мѣстность пріобрѣла здѣсь тотъ же характеръ, что и къ западу отсюда, въ горахъ Чоль-тага ¹⁾; а такъ какъ такія же горы, какъ насъ увѣряли и какъ мы въ этомъ убѣдились сами впоследствии, тянулись и далеко на востокъ, до меридіанальной долины р. Эцинъ-гола и даже до Ала-шаня, то явилась необходимость пріискать какое-либо общее названіе для всей этой обширной горной страны, давно уже переживающей періодъ полнаго разрушенія. Мы остановились на китайскомъ наименованіи этихъ горъ — Бэй-шань, что значитъ — «Сѣверныя горы», такъ какъ онѣ, дѣйствительно, лежатъ къ сѣверу отъ большой дороги въ западныя владѣнія

¹⁾ См. Грумъ-Гржимайло «Описаніе путешествія въ Западный Китай», т. I, стр. 381—417.

Китая ¹⁾). Такимъ образомъ, съ мѣстнымъ китайскимъ названіемъ мы поступили точно также, какъ прежніе географы поступили съ мѣстными же китайскими названіями Нань-шань, Тянь-шань и Куэнь-лунь, распространивъ ихъ съ одного края горъ на цѣлую систему послѣднихъ.

Въ настоящее время Бэй-шань—пустыня, прокармливающая на своихъ западныхъ и восточныхъ окраинахъ рѣдкое тюркское и монгольское населеніе. Нѣкогда же горная страна эта кипѣла жизнью, обеспечивая существованіе народовъ и царствъ. Въ ея долинахъ разыгрывались событія крупнаго значенія, и не разъ ея скалистые горы были безмолвными свидѣтельницами битвъ, исходъ коихъ приводилъ въ движеніе народныя массы на всемъ безграничномъ пространствѣ Внутренней Азіи.

Исторія Бэй-шаня есть въ то же время и исторія различныхъ тангутскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ ордъ, которыя то достигали здѣсь наивысшаго могущества, то снова обращались въ ничто... Я не имѣю въ виду углубляться въ эту исторію, но думаю, что связанный пересказъ ея главнѣйшихъ моментовъ здѣсь будетъ не лишнимъ.

Но предварительно еще одно замѣчаніе.

Я уже употребилъ для Бэй-шаня, въ качествѣ его характеристики, наименованіе пустыни. Таковой онъ и является въ дѣйствительности, да таковой, безъ сомнѣнія, онъ былъ и въ то время, когда его населяли юэджи, хунны и другіе кочевые народы. Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія. Если присмотрѣться къ современной картѣ распространенія кочевыхъ племенъ, то легко убѣдиться въ томъ, что въ область ихъ перекочевокъ всегда входятъ какъ мѣстности съ обильнымъ орошеніемъ, хорошей, преимущественно степной, растительностью, такъ и районы болѣе пустынные, куда они удаляются на зиму, и гдѣ ихъ скотъ находитъ, хотя и скудный, но зато вполне обеспеченный отъ снѣжныхъ заносовъ кормъ. И чѣмъ идеальнѣе сочетаніе такихъ угодій: тучныхъ пажитей для лѣтенокъ и мѣстностей, хотя и съ рѣдкой травянистой растительностью, но зато въ большей или меньшей степени обеспеченныхъ отъ глубокихъ снѣговъ—для зимовій, тѣмъ цѣннѣе является оно для номадовъ. Вотъ почему Бэй-шань игралъ у нихъ видную роль до тѣхъ только поръ, пока въ ихъ власти находились и сѣверныя подгорья Нань-шаня; когда же

¹⁾ Въ древности горы эти были извѣстны у китайцевъ подъ именемъ Хэ-ли-шань.

здѣсь осѣли китайцы, когда вдоль южныхъ предѣловъ Бэй-шаня протянулась стѣна, остановившая ихъ перекочевки на югъ, чѣмъ и была, по выраженію китайской лѣтописи, «отсѣчена правая рука у кочевыхъ», то послѣдніе должны были отхлынуть на сѣверъ и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань.

Съ незапамятныхъ временъ тангуты или, какъ ихъ называютъ китайцы—западные цяны населяли бассейнъ Эцзинъ-гола, т. е. центральный Нань-шань и восточную половину Бэй-шаня. Преданіе гласитъ, что еще въ XXIII вѣкѣ до Р. Хр. миѳическій китайскій государь Яо, потѣснивъ ихъ отсюда на западъ, нѣкоторую ихъ часть поселилъ въ мѣстности Сань-вэй, которую, справедливо, нѣтъ-ли, но приурочиваютъ къ нынѣшнимъ округамъ Ань-си и Дунь-хуань (т. е. Шачжоу) ¹⁾. Что такое отождествленіе правдоподобно, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что позднѣе китайская лѣтопись заставляетъ саньвэйскихъ цяней граничить на западѣ съ уже знакомыми намъ народцами чеши и шаньшань, а на югѣ съ маньскими племенами, которыя въ тѣ отдаленныя времена еще населяли долины верхняго Хуань-хэ.

Въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія исторія западныхъ цяновъ намъ мало извѣстна. Вѣроятно, ихъ однообразная пастушеская жизнь разнообразилась только обычными у кочевниковъ междоусобіями и войнами съ своими восточными сосѣдями, которые въ ту эпоху, руководимые своими воинственными князьями, не разъ успѣвали накладывать на нихъ свою тяжелую руку. Окончательно покорены они были китайцами, однако, лишь въ 1293 г. до Р. Хр. Впрочемъ, господство китайцевъ надъ Хэси ²⁾ было на этотъ разъ не особенно продолжительнымъ, потому что уже столѣтіе спустя мы видимъ ихъ снова воюющими съ тангутами и, повидимому, безъ особеннаго успѣха, такъ какъ послѣдующіе вѣка китайской исторіи

¹⁾ I. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора» I, стр. 2; II, стр. 219. Ab. Remusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 78. Успенскій «Страна Кука-норъ или Цинь-хай» (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VI, стр. 104 и слѣд.). Legge «Chinese classics», III, 1, стр. 126, примѣч. (цит. по A. d. Michels). «Гора Сань-вэй, говоритъ Legge, находилась къ юго-востоку отъ Дунь-хуана: сюда государемъ Шунемъ переселены были самые непокорные и наиболѣе преступные изъ народа мяо». Приходится такимъ образомъ думать, что мѣстность Сань-вэй издавна служила мѣстомъ ссылки самыхъ безпокойныхъ элементовъ населенія Китая. Въ «Histoire géographique des seize royaumes», ouvr. trad. par Abel des Michels, II, стр. 69, говорится однако: «Selon le commentaire de Lieou-tchao, citant le Tsin-chou-ti-tao-ki, dans le district de Cheou-yang (Шоу-янъ) se trouvait la montagne de San-oueï dans laquelle habitaient les San-Miao.

²⁾ Областью Хэси называлась въ древности страна, лежащая къ западу отъ Хуань-хэ, т. е., точнѣе, совокупность нынѣшнихъ областей (фу): Лянъ-чжоу и Гань-чжоу, и округовъ (чжоу): Су-чжоу и Аньси.

отмѣчены безпрестанными войнами съ западными цынами ¹⁾. Наконецъ, въ исходѣ VIII вѣка до Р. Хр. цыны до того усилились, что отняли у китайцевъ всѣ земли на востокъ до истоковъ р. Вэй-шуй.

Господство тангутовъ надъ Лань-чжоу'скимъ округомъ продолжалось до IV в. до Р. Хр., когда китайцы ихъ снова потѣснили за р. Эцзинь-голь. Около 214 г. императоръ Ши-хуанъ-ди отбросилъ ихъ еще далѣе къ западу и довелъ постройкой знаменитую великую стѣну до поворота на сѣверъ Желтой рѣки. Самое осуществленіе этого грандіознаго сооруженія показываетъ, что Китай въ эту эпоху чувствовалъ себя особенно могущественнымъ. Но на сѣверѣ нарождавшаяся уже новая сила, которая вскорѣ явилась опаснымъ соперникомъ объединившейся при Цинахъ Китайской имперіи. Это были хунны ²⁾, овладѣвшіе послѣдовательно бассейномъ Керулэна, Ордосомъ и Бэй-шанемъ, гдѣ они столкнулись сначала съ юэчжисцами ³⁾,

¹⁾ Изъ событій этого времени особенно замѣчательнъ походъ Му-вана, который, преслѣдуя тангутовъ, въ 964 г. до Р. Хр. доходилъ до Гуньву (т. е. Хами).

²⁾ Подъ именемъ хуньюй хунны были извѣстны китайцамъ уже въ миѳическія времена Яо (2357—2255 до Р. Хр.); во времена династіи Чжеу (1122—225) это названіе измѣнилось въ хяньюнь и, наконецъ, во времена династіи Цинь (255—206) въ хунну (Іакинфъ. — «Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», I, стр. 2, прим. 1; Neumann—«Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung», стр. 25).

³⁾ Іакинфъ такъ опредѣляетъ границы юэчжискихъ кочевій: «Отъ Дунь-хуана на сѣверъ, отъ Великой Стѣны при Ордосѣ—на сѣверо-западъ до Хами». (Исторія Тибета и Хухунора, I, стр. 17, примѣчаніе). Въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ Средней Азіи» мы находимъ слѣдующія указанія по тому же предмету: «Домъ Юэчжи первоначально занималъ страну между Дунь-хуаномъ и хребтомъ Ци-лянъ-шань», т. е. Хамійскими горами (III, стр. 6). «За четыре вѣка до Р. Хр. вся страна Хэси находилась подъ народомъ юэчжи» (IV, стр. 85) и—«Чжанъ-ѣ есть названіе области (нынѣ Гань-чжоу), открытой въ 111 г. до Р. Хр. на земляхъ, которыя въ періодъ «Брани царствъ», т. е. съ 480 по 223 г. до Р. Хр., находились подъ домомъ Юэчжи». См. также Abel Rémusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 75—76; «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 221. В. Григорьевъ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 254—255, Visdelou «Histoire de la Tartarie» въ «Supplément de la Bibliothèque orientale», стр. 19. Gaubil «Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang», въ «Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois», XV, стр. 451, и М. Brosset «Relation du pays de Ta-ouan» въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, III, стр. 424.

Изъ этихъ данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что въ IV в. до Р. Хр. юэчжисцы владѣли всѣмъ Бэй-шанемъ и частью наньшаньскаго подгорья. Не они-ли нанесли тангутамъ первый ударъ, отторгнувъ у нихъ огромную территорію Бэй-шаня? Или, можетъ быть, они явились въ Хэси уже послѣ того, какъ ея овладѣли усунь? (См. Успенскій «Страна Кукэ-норъ или Цинь-хай», стр. 108). Въ китайскихъ лѣтописяхъ мы не находимъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Равнымъ образомъ, мы не знаемъ, откуда были родомъ юэчжисцы. По этому поводу излагались самые разнообразныя взгляды. Visdelou считалъ ихъ отраслью восточныхъ монголовъ, кочевавшихъ въ Нью-ланѣ (Нурханѣ), въ Маньчжуріи; Klaproth («Tableaux historique de l'Asie», стр. 132) высказался за тибетское ихъ происхожденіе, но въ дополнительной замѣткѣ къ тому же сочиненію, на стр. 287, отказался отъ такого предположенія, причисливъ и ихъ къ народамъ бѣлокурой расы. Въ виду этого Риттеръ юэчжи-гетовъ принялъ уже за отрасль германскаго племени. Cunningham («Journal of the Asiatic Society of Bengal», XXXII), не соглашаясь ни съ одной изъ этихъ гипотезъ, настаивалъ на принадлежности юэчжи къ народамъ тюркской крови. Наконецъ, Vivien de Saint-Martin въ «Mémoire sur les Huns Blanc ou Ephtalites des historiens byzan-

а затѣмъ и тангутами. Юэчжисцы вынуждены были бѣжать на за-

tins» въ «Etudes de géographie ancienne», 1850, стр. 292—295 и 307—351, выводилъ ихъ изъ Тибета. Къ этому послѣднему взгляду на происхожденіе юэчжи присоединилось и большинство ученыхъ, писавшихъ по этому предмету позднѣе, напримѣръ, Рихтгофенъ («China», I, стр. 439—441, 544, 546) и въ самое послѣднее время Аристовъ («Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», отд. оттискъ, стр. 17).

Юэчжи Ханской династіи были впослѣдствіи извѣстны у китайцевъ подъ именемъ ѣда или идань (въ IV и V вѣкахъ); персы ихъ называли гайталами, армяне—тедалами, арабы—кушанами, греки—индо-скиѳами, византійскіе писатели—бѣлыми хуннами и эфталитами. Въ джа-тахъ, нынѣ населяющихъ оба берега р. Инда, Vivien de Saint-Martin видитъ потомковъ юэчжи.

Но вмѣстѣ съ симъ V. de St.-Martin'омъ было высказано и другое предположеніе, а именно, что юэчжи—тоже, что тухоло Сюань-Цзана, т. е. тохары.

Страбонъ, говоря о тохарахъ, замѣчаетъ, что они вышли изъ страны Заяксартской, въ которой сидѣли до нихъ саки; упоминаетъ о тохарахъ также и Юстинъ, какъ о кочевникахъ изъ глубины Азіи, вторгнувшихся въ предѣлы Греко-Бактрійскаго царства и воевавшихъ съ парянами (аньси-китайцевъ); наконецъ, и Сюань-Цзанъ говоритъ, что страна къ юго-западу отъ Лобъ-нора въ древности принадлежала народу тухоло. Все это вполне оправдываетъ возможность отождествить юэчжи съ тохарами.

Но я сомнѣваюсь въ вѣрности такого отождествленія, и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Страбонъ, говоря о заяксартскихъ скиѳахъ, наводнившихъ Согдіану и Бактріану, упоминаетъ о тохарахъ въ числѣ другихъ народовъ: асіевъ, пасіановъ и сакарауловъ. Изъ сохранившагося оглавленія потерянной исторіи Трога Помпея видно, что его XLI книга повѣствовала о томъ, какъ скиѳскіе народы саранки и асіаны покорили Бактрію и Согдіану, а книга XLII о томъ, какъ асіаны подѣлались царями у тохаровъ.

Послѣднее указаніе особенно цѣнно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что тохары были не побѣдителями, а побѣжденнымъ народомъ. Оно, повидимому, относится къ I или даже II вѣку до Р. Хр. Но мы имѣемъ о тохарахъ и болѣе раннія извѣстія, восходящія къ VII вѣку до Р. Хр. Такъ, гвоздеобразныя надписи намъ говорятъ, что знаменитый ассирійскій царь Сеннахерибъ (704—680) подчинилъ своей власти народъ тохари, который жилъ въ своихъ городахъ, расположенныхъ на неприступныхъ горныхъ высяхъ (горы Нуригъ—вѣроятно горы верховій Инда и его сѣверныхъ притоковъ), подобно птицамъ въ гнѣздахъ, и другой народъ дахэ, обитавшій также въ недоступныхъ горахъ, разрушивъ у него 33 города. О тохарахъ же, какъ о народѣ, привозившемъ въ Индію шелкъ и желѣзо, говорится и въ Магабхаратѣ.

Сопоставляя эти извѣстія о тохарахъ, мы приходимъ къ заключенію, что задолго до нашей эры народъ этотъ населялъ неприступныя выси Кафиристана, Кабулистана, а, можетъ быть, даже Когистана и Гильгита; что съ теченіемъ времени онъ спустился съ этихъ горъ и смѣшался съ одноплеменнымъ ему иранскимъ населеніемъ Согдіаны, Бактріаны и Восточнаго Туркестана, передавъ ему въ качествѣ побѣдителя и свое племенное имя, и что затѣмъ, въ свою очередь, онъ былъ покоренъ сначала греками, а тамъ саками и юэчжисцами. Юэчжисцы, какъ кочевники, могли дать Тохарестану лишь династію, но не могли ассимилировать, поглотить всего его населенія. Оттого-то, когда династія эта пресѣклась и государство распалось на множество мелкихъ владѣнницъ, народное названіе получило перевѣсъ передъ династическимъ, и китайцы стали называть всю страну Тухоло. При этомъ они писали: «тухолоscopy и иданьцы живутъ здѣсь смѣшанно» (Иакинфъ—«Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 202 и 255). И далѣе: о тухоло, что «они имѣютъ нравъ кроткій и трусливый, черты лица некрасивыя и грубыя» (въ такихъ выраженіяхъ они всегда описывали иранцевъ; см. St. Julien «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», стр. 455); и объ иданьцахъ, что это были потомки юэчжи, даже въ VIII вѣкѣ сохранившіе еще свой кочевой бытъ («обыкновеніями сходны съ тукіэсами», Иакинфъ, ib. стр. 256). Мнѣ кажется, что именно это мѣсто китайскихъ сказаній очень важно, такъ какъ указываетъ на то, что китайцы подъ именами тухоло и идань разумѣли два различныхъ народа.

Для полнаго разъясненія вопроса о народѣ тохарахъ представляется существенно необходимымъ рѣшить также вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ Дахя китайскаго посла Чжань-Цяна? Въ позднѣйшихъ китайскихъ описаніяхъ Западнаго края говорится, что «Дахя есть Тухоло» (Иакинфъ, ib., стр. 256). Между тѣмъ Чжань-Цянь доносилъ, что Дахя есть названіе не государства и не народа, а династіи: «Когда юэчжи, идучи на западъ, разбилъ ихъ

падъ ¹⁾; только небольшая вѣтвь ихъ уклонила на югъ, въ долину Сининской рѣки, гдѣ и продолжала существовать, не смѣшиваясь съ окрестными племенами вплоть до конца II вѣка по

(кого? очевидно, что названіе кореннаго населенія Бактріаны осталось неизвѣстнымъ Чжанъ-Цяню), то они поддались дому Дахя» (Іакинфъ, ib, стр. 8). Кто же были эти дахя, въ лицѣ коихъ тохары искали защиты отъ кочевниковъ юэчжи? На это даетъ намъ отвѣтъ Страбонъ, который пишетъ, что «Δάχι» были «σχιδίχον ἔθνος», можетъ быть одно изъ отдѣленій саковъ, которые и управляли Тохарестаномъ до его окончательнаго покоренія юэчжи.

Рихтгофенъ, въ подтвержденіе гипотезы о тождествѣ юэчжи и тохаровъ, приводитъ еще нижеслѣдующія соображенія: «Dass aber früher die Yue-tshi diesen Handel wenigstens auf einem Theil der Strecke, vielleicht bis Ladak, in ihrer Hand gehabt hatten (здѣсь говорится о торговлѣ желѣзомъ и шелкомъ, которую велъ съ Индіей голубоглазый и бѣлокурый народъ; очевидно— древніе иранцы, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, были бѣлокуримъ и голубоглазымъ народомъ), wird dadurch erhärtet, dass sie unter allen Völkern des Tarym-Backens und seiner Umgebungen dasjenige sind, über dessen Bekehrung zum Buddhismus wir die frühesten Nachrichten haben. Denn bei den kleinen Yue-tshi gab es, nach chinesischen Berichten aus dem Jahre 550 n. Chr. einen Tempel des Buddha, welcher damals 842 Jahre alt, mithin im Jahre 288 v. Chr. errichtet worden war (Deguignes въ «Mém. de l'Acad. R. des Inscr., XI, 1780, стр. 215). Dies erklärt es auch, dass sie einen indischen Namen schon so früh tragen und mit sich nehmen konnten, während die anderen Sanscritnamen der Völker und Orte im Tarym-Bocken erst viel später entstanden sind». Все это построение должно, однако, рухнуть, потому что въ основаніе его легло неточно переданное китайское извѣстіе; въ дѣйствительности же «Малыми Юэчжи» называлась въ V в. та часть юэчжійскаго народа, которая при Цидоло овладѣла южными скатами Гиндукуша и основала тамъ особое владѣніе, столицей которому служилъ городъ Фу-лэу-ша (Пурушанпура, Пешаверь), на югъ отъ Боло (Балха?). «Въ 10 ли къ востоку отъ этой столицы, говоритъ Ма-дуанъ-линь, есть ступа, посвященная Буддѣ, имѣющая 350 шаговъ въ окружности и 80 чан'овъ высоты; отъ времени построенія этой ступы до 8-ого года правленія Вудинъ (550 по Р. Хр.) прошло 842 года» (Григорьевъ «Кабулистанъ и Кафиристанъ», дополненія, стр. 810). Изъ сего видно, что пешаверская ступа, построенная вѣроятно индійскимъ властителемъ Асока, не можетъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ народу юэчжи.

Наконецъ, мнѣ остается еще сказать, что противорѣчитъ гипотезѣ Vivien de St.-Martin'a также и то обстоятельство, что, по свидѣтельству Көрпен'а («Die Religion des Buddha», II, стр. 42; цит. по Н. Yule—введеніе къ «A Journey to the source of the river Oxus by Captain John Wood», стр. XXVII), тибетцы и понынѣ зовутъ жителей Восточнаго Туркестана—Thagar. Въ тибетскомъ сочиненіи «Миньчжунъ хутукты», переводомъ части коего мы обязаны Васильеву, находятся слѣдующія на этотъ счетъ интересныя указанія: «рѣка Бақшу (Вахшъ) вытекаетъ изъ С. З. стороны (отъ?) Дисэ, находящейся въ Тодарской (Тохарской) странѣ, и, направляясь къ западу, проходитъ черезъ Балхъ, Бухару, Хиву и не подалеку отъ Румъ впадаетъ въ море, называемое Манасарвара». «Р. Сита (Таримъ) выходитъ изъ С.-З. отрасли Гандеса и, миновавъ Яркендъ и др., впадаетъ въ соленое море, въ Тодарской странѣ Турфанъ». («Географія Тибета», стр. 5) А если такъ, то свидѣтельство Сюань-Цзана получаетъ новое для насъ значеніе, указывая на восточный предѣлъ распространенія иранской расы въ доисторическія времена. Что же касается до показаній Страбона, то не надо забывать, что они писались по слухамъ и, притомъ, столѣтіе спустя послѣ завоеванія Тохарестана юэчжисцами, когда, какъ свидѣтельствуется о томъ китайская исторія (Іакинфъ, ib, стр. 118—119), даже «сосѣднія государства стали называть ихъ владыкъ гуйшуанскими государями, и только китайскій дворъ удержалъ имъ прежнее названіе—Большихъ Юэчжи».

¹⁾ Модэ поразилъ юэчжи въ 177 г. до Р. Хр. («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 23). Полагаютъ, что юэчжи бѣжали на западъ, слѣдуя сѣвернымъ подножіемъ Тянь-шаня. Въ долинѣ р. Или они столкнулись съ народомъ сэ, т. е. саками, которыхъ и потѣснили на западъ. Но въ долинѣ р. Или они оставались недолго. Подъ напоромъ усуней они должны были уйти отсюда въ вышнюю Сыръ-дарьинскую область, гдѣ вновь встрѣтились съ саками. Послѣдніе тогда обрушились на Греко-Бактрійское царство и, пройдя Гиндукушъ, остановились въ долинѣ

Р. Хр. ¹⁾. Что касается тангутовъ, владѣвшихъ еще, какъ кажется, въ эту эпоху большею частью Наньшанскихъ горъ, то они, не будучи въ силахъ противиться напору хунновъ, откочевали на югъ, въ область Амдо.

Легко покоривъ западныхъ цяновъ и юэчжи, ханъ хунновъ Модэ ²⁾ отважился произвести нападеніе и на самый Китай. Обстоятельства ему настолько благоприятствовали, что уже годъ спустя, т. е. въ 200 г. до Р. Хр., онъ вынудилъ императора Тай-цзу Гао-ди заключить съ нимъ миръ на условіяхъ крайне позорныхъ и отяготительныхъ для Китая ³⁾. Позднѣе (въ 177 г. до Р. Хр.) Модэ покорилъ Восточный и Западный Туркестаны, земли современной Бухары и Туркменіи и такимъ образомъ, распространилъ свои владѣнія до береговъ Каспійскаго моря ⁴⁾.

Преемники Модэ не отличались воинственностью. Послѣдующіе 50 лѣтъ мира, который нарушался лишь незначительными пограничными стычками, разслабляющимъ образомъ подѣйствовали на силы кочевниковъ, такъ что, когда, наконецъ, китайцы рѣшились разорвать трактатъ 200 года и съ значительнымъ войскомъ перешли границу (въ 129 г. до Р. Хр.), то они уже не встрѣтили ни въ Ордосѣ, ни далѣе къ западу сколько нибудь мужественнаго отпора. Спасаясь отъ китайскихъ полчищъ, ханъ Ичисѣ въ 123 г. вынужденъ былъ покинуть привольныя долины Инъ-шаня и перенести свою ставку на сѣверъ, къ подножіямъ сумрачнаго Хангая. Но и

р. Инда (Гибинь). Въ свою очередь юэчжи перешли Аму-дарью въ 128 г. до Р. Хр., нѣсколько позднѣе овладѣли Кабуломъ (См. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», III, стр. 55, гдѣ говорится, что юэчжійскіе государи владѣли Гаофу, т. е. Кабуломъ, въ эпоху составленія первыхъ записокъ о Западномъ Краѣ, т. е. между 74 и 39 годами, а также Григорьева—Дополненія къ «Кабулистану и Кафиристану» Риттера, стр. 795; слѣдую китайскому компилятору Ма-дуань-линю, Pauthier въ «Examen méthodique des faits qui concernent l'Inde», въ «Journal Asiatique», 1839, troisième série, VIII, стр. 265, это событіе относитъ къ нѣсколько позднѣйшему времени, а именно къ 26 г. до Р. Хр.), а затѣмъ и долиной Инда и основали такъ называемое Индо-Скиѣское царство, время паденія коего въ точности неизвѣстно.

¹⁾ См. І. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора; I, стр. 33, 43, 56, 66 и 72. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азии», III, 7 и 55. Правильнѣе было бы сказать, что до конца II в. по Р. Хр. мы находимъ въ китайскихъ лѣтописяхъ указанія на существованіе племени юэчжи въ долинѣ Сининской рѣки. См. однако указаніе Іакинфа на то, что «юэчжи и донынѣ (какъ слѣдуетъ понимать это «донинѣ»?) живутъ неподалеку отъ Си-нинъ-фу на западѣ, подъ названіемъ И-цунъ-ху». («Опис. Чжунг. и Вост. Туркест.», стр. XLV).

²⁾ Neumann, op. cit., стр. 32, утверждаетъ, что правильнѣе писать Мао-дунъ (Mao-tun)

³⁾ Такъ какъ договоры на подобныхъ же условіяхъ заключались китайцами и впослѣдствіи, то у китайскихъ историковъ они получили особый терминъ «хо-цынъ», что значитъ договоръ основанный на мирѣ и родствѣ. Условія такихъ договоровъ состояли въ томъ, что китайскій дворъ, выдавая царевну за иноземнаго владѣтеля, обязывался въ то же время ежегодно вносить послѣднему извѣстное количество даровъ.

⁴⁾ Іакинфъ. «Записки о Монголіи», ч. III, стр. 11. Visdelou, op. cit., стр. 19.

сюда по его слѣдамъ проникли китайцы и въ 119 г. нанесли ему здѣсь два пораженія: одно у береговъ Байкала, другое въ неизвѣстной мѣстности близъ Хангайскихъ горъ.

Побѣдоносный исходъ китайскаго похода имѣлъ огромное значеніе для дальнѣйшей исторіи Средней Азіи, такъ какъ съ этого момента китайцы впервые ¹⁾ получили доступъ на западъ, въ Хэси и земли бассейна Тарима. Ихъ движеніе туда, ставшее вскорѣ стихійнымъ, опредѣлило всю дальнѣйшую судьбу Притяньшанья; болѣе того, если вникнуть глубже въ ходъ послѣдующихъ событій, то окажется даже, что и всѣ главнѣйшіе моменты изъ жизни народовъ, населявшихъ когда-либо современный Синь-цзянь, находятся въ причинной связи съ этимъ движеніемъ.

Еще въ 121 г. китайскому полководцу Хо-цюй-бину удалось проникнуть за Хуанъ-хэ до р. Тао-лай (Си-хэ), на берегу которой и основать укрѣпленіе Цю-цюань, нынѣ г. Су-чжоу ²⁾. Когда же разбитые хунны бѣжали изъ-подъ Нань-шаня на сѣверъ ³⁾, то ничто уже не могло помѣшать китайцамъ укрѣпиться въ Хэси ⁴⁾. Къ этому времени (а именно къ 111 г. до Р. Хр.) относится основаніе городовъ: Чжанъ-ѣ-гюнь (Гань-чжоу), Юй-мынь-гуань, Минь-ань (Аньси) и Дунь-хуань-цзюнь. Такимъ образомъ гранью китайскихъ владѣній на западѣ явились пески Болунъ-дуй (Кумъ-тагъ), за которыми простирались уже земли Восточнаго Туркестана.

Во II вѣкѣ до Р. Хр. исторія застаётъ Восточный Туркестанъ раздѣленнымъ на множество владѣній, о размѣрахъ коихъ можно составить себѣ понятіе изъ того факта, что девять или даже десять такихъ княжествъ въ общей совокупности едва равнялись нынѣшнему Турфанскому округу ⁵⁾. Что такое дробленіе земель не

¹⁾ Походъ Му-вана былъ не болѣе какъ блестящій эпизодъ китайской военной исторіи. Въ ту отдаленную эпоху раздробленный Китай не былъ готовъ къ колонизаторской дѣятельности.

²⁾ Въ «Запискахъ о Монголіи», III, стр. 14, ошибочно сказано, что Хо-цюй-бинъ проникъ только до Гань-чжоу. Кромѣ Су-чжоу тѣмъ же полководцемъ основанъ былъ и городъ Вэй-цзюнь или Ву-вэй, нынѣ Лянъ-чжоу.

³⁾ «Послѣ сего (т. е. послѣ погрома въ 119 г.) хунны далеко уклонились и по южную сторону пустыни уже не было княжескихъ стойбищъ... (Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», ч. I, стр. 41).

⁴⁾ Важное значеніе захвата Хэси сознавали и сами китайцы, что видно изъ нижеслѣдующихъ словъ лѣтописца: «Государь Ву-ди, ... открывъ черезъ сіе дорогу въ Юй-мынь, пресѣкъ цынамъ сообщеніе съ хуннами» (І. Бичуринъ «Ист. Тиб. и Хух.», I, стр. 18).

⁵⁾ Эти владѣнія слѣдующія: Хуху (Токсунъ), Билу задній (Сынгимъ), Гѣ и Цыѣ (оба по р. Булурюкъ-бауръ), Юйлиши (Лемджинъ и Субаши), Даньми западный (Ханьду), Даньми восточный (Пичанъ), Чешу (Турфанъ) и Билу передній (Кара-ходжа). Сверхъ того, вѣроятно, и Лю-чжунъ (Лукчунъ), что видно изъ слѣдующаго: «При династіи Хань въ Лю-чжунѣ былъ китайскій правитель страны» («Собр. свѣд.», IV, 44).

было послѣдствіемъ удѣльной системы правленія, это доказываетъ намъ вся исторія Восточнаго Туркестана, гдѣ владѣнія распадались и объединялись только насильственнымъ путемъ. Но въ такомъ случаѣ, что же это были за владѣнія, и каковы были отношенія ихъ владѣтелей другъ къ другу?

Хотя трудно доказать, что владѣнія греко-бактрійскихъ государей, простираясь на Согдіану и Маргіану, въ то же время когда либо распространялись и на востокъ отъ Памира, захватывая часть Восточнаго Туркестана ¹⁾, тѣмъ не менѣе едва-ли подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что свою культуру и весь строй государственной и общественной жизни этотъ послѣдній заимствовалъ съ запада ²⁾, изъ древней Бактріаны, съ которой его связывали, при сходственномъ племенномъ составѣ населенія, какъ общія вѣрованія, такъ и торговые интересы ³⁾. О государственномъ же строѣ Бактріаны вотъ что сообщаютъ намъ китайскія лѣтописи того времени.

«Въ Бактріи (Дахя), простирающейся къ югу отъ рѣки Амударьи (Гуй-шуй), ведутъ осѣдлый образъ жизни; имѣютъ города; обычаи жителей сходны съ ферганскими (даваньскими); *не имѣютъ верховнаго главы, но каждый городъ управляется самостоятельно*» ⁴⁾.

Это цѣнное извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе и у арабскихъ историковъ.

«Сильной монархической власти, которая сдерживала бы произволъ поземельной аристократіи въ Мавераннагрѣ (т. е. «Зарѣчьи») не было. Вопреки словамъ нѣкоторыхъ персидскихъ историковъ, власть Сассанидовъ, возстановившихъ Персидскую монархію, никогда не простиралась на Мавераннагрѣ. Что касается мѣстныхъ владѣтелей, то они были только первыми дворянами. Подобно своимъ подданнымъ, они назывались дихканами ⁵⁾ и, вообще, болѣе напоминали древне-греческихъ базилевсовъ, чѣмъ азійскихъ деспотовъ. О вла-

¹⁾ Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. V) опредѣляетъ, однако, границы Бактріаны на востокъ по Цунъ-лину и Тибетскимъ горамъ (à l'orient l'empire était limité par les montagnes du Tybet et la chaîne de Tsoung-ling). Ср. также Григорьевъ «Греко-Бактрійское царство», стр. 29.

²⁾ Когда китайцы впервые проникли въ Восточный Туркестанъ, то они уже всюду нашли здѣсь искусственное орошеніе полей и вполне развитую городскую жизнь.

³⁾ Что торговыя связи Восточнаго Туркестана съ Бактріей, а черезъ нее и съ Индіей, продолжались и много позднѣе, послѣ того даже, какъ юэджи на развалинахъ грекобактрійскаго государства основали индоскиѣское царство, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что владѣтели Восточнаго Туркестана посылали нерѣдко въ Китай произведенія далекой Индіи и въ томъ числѣ даже слоновъ и львовъ. (См. Abel Rémusat, «Histoire de la ville de Khotan», стр. 27, 86, 95).

⁴⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азии», III, стр. 8. Abel Rémusat, «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 220.

⁵⁾ Дихканами называютъ теперъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

дѣтелѣ Бухары, носившемъ титулъ бухарь-кудата, т. е. господина Бухары, Нершахи говоритъ слѣдующее: «Среди нихъ (т. е. дворянъ) былъ знатный дихканъ, котораго называли бухарь-худатомъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ древняго дихканскаго рода, владѣль обширными землями, и большая часть народа состояла изъ его крѣпостныхъ и служителей». Дихканами называли даже самыхъ сильныхъ мѣстныхъ владѣтелей, царей ферганскаго и самаркандскаго. Размѣры отдѣльныхъ владѣній большею частью были очень невелики; такъ въ долину Зеравшана мы находимъ цѣлый рядъ такихъ государствъ. Дихканы, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, жили въ укрѣпленныхъ замкахъ; даже въ эпоху Саманидовъ замокъ считался еще необходимой принадлежностью каждаго помѣстья. Ихъ отличительнымъ признакомъ былъ золотой поясъ, увѣшанный кинжалами. Иногда подъ властью такихъ дихкановъ объединялось нѣсколько владѣній, даже обширныя области, какъ, на примѣръ, Фергана, Согдъ, Шашъ (Ташкентъ); но какъ непрочно была власть такихъ царей, видно изъ того, что въ каждой изъ трехъ названныхъ областей были періоды, когда царя вовсе не было, и вся власть находилась въ рукахъ аристократіи»¹⁾.

Такой политической строй господствовалъ, вѣроятно, въ Туркестанѣ съ незапамятныхъ временъ. «Царство, основанное въ Туркестанѣ Діодотомъ I, пишетъ Григорьевъ²⁾, было не монархія, а скорѣе союзъ государствъ, въ которомъ одно изъ нихъ, именно занимавшее Бакتریану собственно, первенствовало предъ прочими по силѣ и богатству и признавалось ими главенствующимъ. Страны, заключающіяся въ бассейнахъ Аму и Сыра, постоянно почти являются въ исторіи раздѣленными на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ владѣній, слабѣйшія изъ которыхъ подчиняются въ извѣстной мѣрѣ сильнѣйшимъ. Разливается на эти страны какой-либо завоевательный потокъ извнѣ, съ юго-запада или сѣверо-востока, помянутыя единицы потопляются имъ и какъ бы исчезаютъ; но лишь только силы завоевателей начинаютъ слабѣть, и падаетъ ихъ могущество, тотчасъ же воспріимлетъ краемъ прежній политической его строй, и опять всплываютъ наверхъ тѣ же мелкія государства съ двумя, тремя преобладающими надъ ними. Такой порядокъ вещей, есть основаніе думать, существовалъ въ означенныхъ странахъ и до обращенія ихъ въ области Персидскаго царства

¹⁾ Бартольдъ. «Нѣсколько словъ объ арийской культурѣ въ Средней Азіи». («Среднеазиатскій Вѣстникъ» іюнь, 1896).

²⁾ «Греко-Бактрійское царство», стр. 27—28.

при Ахеменидахъ. При преемникахъ Александра персидскихъ сатраповъ замѣнили здѣсь греческіе». Они не преминули воспользоваться первыми затрудненіями Селевкидовъ, чтобы завоевать себѣ независимость. «Но независимость греческихъ эпарховъ приняла здѣсь *мѣстную форму*: слабѣйшія изъ нихъ признали себя подручниками сильнѣйшаго».

Все сказанное о Западномъ Туркестанѣ вполне примѣнимо и къ Восточному, гдѣ къ тому же физическія условія страны благоприятствовали удержанію долѣе, чѣмъ на западѣ, древняго арійскаго строя общественной и государственной жизни, измѣнившася подъ вліяніемъ Китая только въ одномъ отношеніи: въ усиленіи монархическаго принципа. Послѣдній получилъ здѣсь замѣтное развитіе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ китайское правительство надѣлило восточно-туркестанскихъ владыкъ титулами князей различныхъ степеней, въ зависимости отъ богатства и обширности ихъ владѣній.

«Китайскій дворъ, читаемъ мы у Иакинфа ¹⁾, по покореніи Восточнаго Туркестана, и большія и малыя владѣнія, въ знакъ взаимной ихъ независимости, назвалъ—«го», т. е. царствами, а ихъ владѣтелей различными княжескими титулами. Различіе въ степеняхъ между ними состояло только въ неравномъ числѣ княжескихъ чиновниковъ, утверждаемыхъ императоромъ».

Дѣйствительно, это очень интересный фактъ: владѣтели Восточнаго Туркестана до знакомства своего съ Китаемъ хотя и носили титулы ²⁾, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ, въ ихъ политикѣ по отношенію къ этой державѣ, стало не послѣднюю роль играть стремленіе добиться и грамоты на китайскій титулъ.

Изъ владѣній Восточнаго Туркестана, лежавшихъ въ предѣлахъ Бэй-шаня или по сосѣдству съ нимъ, китайскія лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ: о Шаньшани, Цзюймо, Юйли, Вэйсюй, Яньци, о рядѣ упомянутыхъ выше владѣній нынѣшняго Турфанскаго округа, о Шаньго и Иву.

Постараемся съ возможной точностью опредѣлить ихъ бывшее мѣстоположеніе и границы.

Изъ перечисленныхъ владѣній съ наибольшей точностью можно установить мѣстоположеніе Яньци. Яньци принято отождествлять

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 37, прим. 2.

²⁾ Это, по крайней мѣрѣ, извѣстно для нѣкоторыхъ изъ туркестанскихъ владѣтелей, такъ, напримѣръ, кучаскій владѣтель титуловался «баемъ», харашарскій—«луномъ», и т. д. Различные титулы носили также и владѣтели Западнаго Туркестана.

съ современнымъ Карашаромъ. Что отождествленіе это не вполнѣ правильно, это, между прочимъ, видно изъ нижеслѣдующаго, сохранившагося въ китайскихъ лѣтописяхъ, описанія окрестностей этого города: «Столица владѣтеля Яньци съ трехъ сторонъ (у Иакинфа сказано: съ четырехъ сторонъ, что не вяжется съ послѣдующимъ) окружена горами, съ четвертой озеромъ Хай-шуй; почему владѣтель, полагаясь на это, не имѣлъ предосторожности»¹⁾. При одномъ уже взглядѣ на карту легко убѣдиться, что древній Яньци не могъ занимать мѣста современнаго Карашара. Онъ долженъ былъ находиться дальше къ западному концу озера, гдѣ подгорья хребта Кокъ-тепе всего ближе подступаютъ къ берегу Баграшъ-куля. Дѣйствительно, здѣсь, въ 18 верстахъ къ востоку отъ сѣвернаго устья ущелья Конче-дарьи, довелось Пѣвцову натолкнуться на развалины древняго обширнаго города, о которомъ у туземцевъ сохранилось преданіе, что онъ былъ выстроенъ китайцами во времена Танской династіи²⁾. Но китайскія лѣтописи, хотя и говорятъ, что около половины XII вѣка Яньци обращенъ былъ въ губернской городъ (фу), не упоминаютъ, однако, о построеніи новаго города, изъ чего нельзя не вывести заключенія, что развалины Тань-ванъ-чинъ не что иное, какъ остатки древняго Яньци.

Иакинфъ помѣщаетъ Вэйсуй въ долину Цаганъ-тунге (Алго). Если, однако, вѣрны приводимыя въ китайской лѣтописи разстоянія, то владѣніе это не могло находиться къ востоку отъ Яньци далѣе нынѣшняго селенія Ушакъ-тала.

О владѣніи Шаньго В. Григорьевъ замѣчаетъ нижеслѣдующее: «Владѣніе это, по точному опредѣленію смежныхъ съ нимъ отовсюду владѣній и разстоянія его отъ нихъ, помѣщаемъ мы смѣло на сѣверномъ берегу Лобъ-нора, около впаденія въ это озеро р. Тарима»³⁾.

Какъ ни категорично это опредѣленіе, его слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать ошибочнымъ.

Вотъ, что читаемъ мы о Шаньго у Иакинфа: Народъ живетъ въ горахъ, гдѣ добываетъ желѣзо, а хлѣбъ покупаетъ въ Яньци и Вэйсуй; отъ перваго находится на юго-востокъ, отъ Юйли (Курли) на востокъ, на югъ же смежно съ Цзюймо и Шаньшанью. Разстояніе резиденціи, выраженное въ ли, слѣдующее: отъ Яньци —

¹⁾ Иакинфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 216.

²⁾ «Труды Тибетской экспедиціи», ч. I, стр. 337.

³⁾ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 35.

160; отъ Юйли—240 и отъ Вэйсуй—260. Владѣтель постоянно живетъ у подошвы горы (т. е. не въ городѣ) ¹⁾. Эти данныя вполнѣ опредѣленно указываютъ намъ на бывшее мѣстонахожденіе Шаньго. Это долина Сынырѣ, Сангырѣ или, какъ ее намъ называли въ Лукчунѣ, Сынгимѣ ²⁾, заключенная между хребтами Курукъ-тагъ и Синбирскимъ.

Сыныромъ называютъ теперь только небольшое селеніе, основанное не болѣе полустолѣтія тому назадъ. Но что Сынырѣ, подъ именемъ котораго понималась, можетъ быть, вся система богатыхъ водою долинъ между Курукъ-тагомъ и Чоль-тагомъ, къ западу отъ меридіана Токсуна, былъ населенъ и въ древнія времена, въ этомъ убѣждаютъ насъ встрѣченныя Козловымъ развалины древняго укрѣпленія, остатки надмогильныхъ памятниковъ, слѣды селеній, постройки, частью уже уничтоженныя дѣйствіемъ воды, и древніе рудники ³⁾. Но это еще не все по части остатковъ старины въ этой части Бэй-шаня. Привожу нижеслѣдующую выдержку изъ моего письма на имя секретаря Географическаго Общества, помѣченнаго 8 января 1890 г.: «Развалинъ въ Сынгимѣ (Сынырѣ) множество. Ежегодно изъ Лукчуна отправляются туда кладо-искатели, которые за свой трудъ не остаются въ убыткѣ, ибо золотыхъ и серебряныхъ издѣлій находятъ тамъ порядочно; сверхъ того, много мѣдныхъ кувшинчиковъ, кадилъницъ и тому подобныхъ вещей, которыя и сбываются ими лукчунскимъ мѣдникамъ. Не смотря на всѣ мои старанія, я ничего не могъ добыть изъ этихъ остатковъ уйгурскихъ древностей (такъ какъ туземцы приписываютъ эти развалины уйгурамъ), ни даже ихъ письменъ, которыя, какъ мнѣ сообщали, всего чаще попадаются вмѣстѣ съ пшеничными зернами въ особеннаго вида глиняныхъ кувшинахъ; встрѣчаются также листики, исписанные кругомъ, въ футлярахъ изъ дерева или рога, но листики эти очень хрупки и при развертываніи ломаются и разрываются» ⁴⁾.

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азій», III, стр. 88. «Ср. Description orographique du Turkestan Chinois», trad. du «Si-yu-t'ou-tché» par Camille Imbault-Huart въ «Publications de l'École des langues orientales vivantes», XVI, 1881, стр. 85—88.

Въ другомъ мѣстѣ («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVII) Іакинфъ высказывается о мѣстоположеніи Шаньго еще болѣе опредѣленно: «Шаньго лежало въ песчаныхъ горахъ за сто ли отъ оз. Бостана на югъ. Сіи горы простираются отъ Эгярцытага черезъ песчаную степь въ непрерывныхъ холмахъ и буграхъ, почему самое владѣніе китайцами названо Шаньго, что значитъ: Горное владѣніе».

²⁾ См. т. I, стр. 382 и 401.

³⁾ Козловъ говоритъ впрочемъ только о свинцовыхъ рудникахъ. (См. «Русскій Инвалидъ», 1894 г. № 36, 37 и 184).

⁴⁾ «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», XXVI 1890, стр. 294.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы съ большей долей увѣренности отождествить Шаньго съ Сангыромъ или Сыныромъ.

Юйли совершенно правильно приурочивается Григорьевымъ къ Корлѣ¹⁾; но такъ какъ южныя границы этого владѣнія намъ неизвѣстны, то крайне трудно опредѣлить и мѣстоположеніе Цзюймо, бывшаго съ нимъ въ эту сторону смежнымъ. Впрочемъ, разстояніе, показанное отъ Хотана (1480 ли), въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Цзюймо на сѣверѣ граничило не только съ Юйли, но и съ Шаньго, даетъ намъ поводъ думать, что владѣніе это находилось при устьяхъ Черчень-дарьи и Тарима или даже, можетъ быть, нѣсколько сѣвернѣе, примѣрно, близъ нынѣшняго селенія Тыккеликъ, къ сѣверо-востоку отъ котораго, близъ стараго русла Конче-дарьи, дѣйствительно, еще и до сихъ поръ уцѣлѣли развалины древняго города, носящія названіе Эмпень. Кстати замѣчу, что за два вѣка до Р. Хр. Конче-дарья уже составляла притокъ Тарима, а не впадала самостоятельно въ оз. Лобъ-норъ²⁾, которое въ то отдаленное время мало чѣмъ отличалось отъ нынѣшняго: оно имѣло въ длину около 200 верстъ (410 ли), въ ширину около 100 (200 ли), и настолько при этомъ густо проросло тростникомъ, что уже тогда китайцы называли его тростниковымъ озеромъ Пу-чанъ-хай³⁾.

¹⁾ На стр. 215 перваго тома «Опис. пут. въ Зап. Китай» Корля (Курля) ошибочно отождествлена съ Кюйли, владѣніемъ, лежавшимъ по Тариму западнѣе Корли. Въ Шуй-цзинъ-чжу сказано: «Рѣка владѣнія Янь-ци, по выходѣ изъ Си-хай'я (Баграшъ-куля), проходитъ черезъ владѣніе Юй-ли-го и, выйдя на западъ изъ ущелья Тѣ-гуанъ-чу въ Песчаныхъ горахъ (Ша-шань), течетъ на ЮЗ.; затѣмъ она проходитъ у города Лянъ-чэнъ (древнее названіе современнаго города Корли), гдѣ изъ нея отводятъ арыки для орошенія полей; отсюда она, извиваясь, протекаетъ на Ю., проходитъ на западъ владѣнія Цюй-ли (Кюйли) и, повернувъ на ЮВ., проходитъ у столицы владѣнія Цюй-ли, послѣ чего, направляясь на югъ, впадаетъ въ рѣку» (Таримъ). Цитировано изъ «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ», пер. Поповымъ.

²⁾ См. однако любопытную японскую карту, изданную въ 1714 году и имѣющую китайскій титулъ «Си-юй-тянь-чжу-чжи-ту», что значитъ «Карта западнаго края и пяти Индій», на которой кака-то рѣка показана отдѣльно впадающей въ «Пу-чанъ-хай» (приложена къ 2 тому «Mémoires relatifs à l'Asie» Klaproth'a). Vivien de Saint-Martin полагаетъ, что эта карта лишь уменьшенная копія съ карты, приложенной St. Julien'омъ ко 2 тому «Mémoires sur les contrées occidentales»; вѣроятно, однако, что какъ та, такъ и другая—копіи съ неизвѣстнаго намъ китайскаго оригинала. Къ заключенію этому не трудно прийти, если ближайшимъ образомъ сравнить обѣ карты между собою.

У Иакинфа («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана» стр. XXIX) также читаемъ: «Хайду-голь впадаетъ въ него (т. е. въ оз. Лобъ-норъ) съ сѣверо-запада изъ оз. Бостона. Эргюль, вливающаяся съ запада, составляется изъ пяти большихъ рѣкъ, изъ коихъ Куча-дарья и Аксударья выходятъ изъ Сѣверныхъ горъ, Кашгаръ-дарья и Яркянь-ѣстанъ изъ Луковыхъ горъ; Хотанъ-дарья составляется изъ множества ключей, выходящихъ изъ Южныхъ горъ». Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ Китайской Государственной Географіи.

³⁾ Мнѣ кажется, это указаніе очень важно, и странно, что Рихтгофенъ и Свенъ-Гединъ, старавшіеся доказать, что Лобъ-норъ, впервые описанный Пржевальскимъ, не есть Лобъ-норъ

Владѣніе Лэулянъ, впоследствии Начжи, переименованное китайцами въ Шаньшань, описывается въ китайскихъ лѣтописяхъ нижеслѣдующимъ образомъ.

Черезъ него пролегаетъ дорога въ западныя владѣнія; почва частью песчаная, частью солончаковая, почему земледѣліе возможно только въ немногихъ мѣстахъ. Преобладающая растительность камышъ, ракитникъ и тополь¹⁾; жители ведутъ кочевой образъ жизни; разводятъ лошадей и ословъ, но главнымъ образомъ вер-

ханьскихъ временъ, не обратили на него вниманія. Камышъ, какъ извѣстно, не растетъ по берегамъ соленыхъ озеръ, развѣ только при устьѣ рѣкъ, гдѣ имѣется огромный притокъ прѣсной воды; такъ, напримѣръ, имъ сплошь проросли юго-восточные берега Балхаша, но только при устьяхъ впадающихъ сюда рѣкъ, берега Эби-нора, при устьѣ Кійтына, берега Каспія при устьѣ Урала и т. д.

По поводу вновь поднятаго Свенъ-Гединомъ лобъ-норскаго вопроса я нахожу умѣстнымъ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе. Гипотеза китайцевъ, что воды Тарима уходятъ подъ землю съ тѣмъ, чтобы выступить вновь на земную поверхность въ мѣстности Одонъ-тала, конечно, парадоксальна, но она доказываетъ крайнюю наблюдательность и пытливость тѣхъ изъ нихъ, которые впервые обслѣдовали Лобъ-норъ. Именно, ихъ поразило несоотвѣтствіе между притокомъ воды въ озеро и его сравнительно небольшими размѣрами. Ясное дѣло, что вода изъ озера куда-то уходила и куда же, если не въ землю? «A l'est les fleuves coulent vers la mer salée (Lop), qui se perd sous terre», читаемъ мы у китайскаго историка Сыма Цяня, жившаго за столѣтіе до нашей эры. (Перев. Brosset jun. въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, II, стр. 422). Въ Средней Азійи многочисленны случаи, когда воды рѣкъ скрываются подъ почву для того, чтобы ниже вновь выступить на дневную поверхность въ видѣ ключей. Что же удивительнаго, что китайцы, которые своей миѳическій Куэнъ-лунъ розыскиваютъ на западѣ, перемѣстили туда же и истоки своей главнѣйшей рѣки? Не служитъ ли, однако, это соображеніе объ основаніяхъ, послужившихъ къ созданію китайской гипотезы о верховьяхъ Желтой рѣки, доказательствомъ, что и во времена Ханей Лобъ-норъ, по размѣрамъ своимъ, мало чѣмъ отличался отъ нынѣшняго озера того-же имени?

Что нынѣшнее озеро Кара-кошунъ-куль, т. е. Лобъ-норъ Пржевальскаго, есть въ то же время и Лобъ-норъ китайскихъ географовъ, это ясно видно на такъ называемой Ренатовской картѣ, составляющей вѣроятную копію китайской карты; на этой картѣ Булунзиръ (Bolun-sin) показанъ впадающимъ въ оз. Лобъ (Lär). Я не берусь сказать, было ли это возможно въ дѣйствительности, но если только когда либо связь между р. Булунзиромъ и бассейномъ Тарима существовала, то рѣка эта могла вливать свои воды только въ Кара-кошунъ-куль. Справедливости ради долженъ, однако, отмѣтить нижеслѣдующія свѣдѣнія о Лобъ-норѣ, приводимыя Палладіемъ Каааровымъ въ его замѣткѣ «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» (въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1850, IV, стр. 251), которыя подтверждаютъ гипотезу Рихтгофена—Свенъ-Гедина: «Озеро это лежитъ среди песчаныхъ равнинъ; южный берегъ его низокъ и *покрытъ кустами деревьевъ*; любопытные изъ китайскихъ путешественниковъ, поднявшись на нихъ, усматривали на югъ безчисленное множество небольшихъ озеръ, въ двѣ или три версты въ окружности». Съ одной стороны деревья на берегу доказываютъ, что озеро было прѣснымъ, но съ другой, что это озеро не могло быть Лобъ-норомъ Пржевальскаго: берега послѣдняго безлѣсны.

Къ сожалѣнію, Палладій не говоритъ, изъ какихъ дорожниковъ заимствовалъ онъ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Сводку мнѣній по лобнорскому вопросу см. въ обстоятельной замѣткѣ Козлова — «Лобъ-норъ» (въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXXIV).

Лобъ-норъ носилъ у китайцевъ еще и нижеслѣдующія названія: Янь-цзэ (Соленое озеро), Ю-цзэ и Фу-тхи-хай (Іакинфъ. «Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. XXIX).

¹⁾ У Іакинфа сказано—кленъ; но безъ сомнѣнія это ошибка («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азійи», III, стр. 39).

блюдовъ; хлѣбъ получаютъ изъ Цзюймо и другихъ владѣній; резиденція ¹⁾, имѣющая одну ли въ окружности (т. е. около 250 саж.), находится въ 720 ли на востокъ отъ Цзюймо ²⁾; на югѣ граничитъ съ владѣніемъ Жоцянь (Цайдамъ), на сѣверо-западѣ съ Шаньго, на западѣ съ Цзюймо; на сѣверѣ лежитъ дорога черезъ песчанья гряды, на востокъ черезъ сыпучіе пески ³⁾.

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что владѣніе Шаньшань занимало всю долину между Алтынъ-тагомъ и Бэй-шаньскимъ нагорьемъ до ур. Ачикъ-кудукъ ⁴⁾, гдѣ долина эта суживается до десяти верстъ ⁵⁾ и преграждается песчанами грядами Кумъ-тага ⁶⁾.

Козловъ, прошедшій въ январѣ 1894 г. отъ Лобъ-нора прямой дорогой въ Са-чжоу, въ такихъ краскахъ рисуетъ Лобнорскую впадину, замыкающуюся на востокѣ въ уроч. Ачикъ-кудукъ, что у меня не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на позднѣйшую дурную славу, мѣстность эта до начала нашей эры была вполне пригодной для жизни кочевниковъ. Къ тому же нельзя упускать изъ вида важнаго указанія, которое даютъ намъ китайскія лѣтописи: «Впослѣдствіи (т. е. около половины V вѣка по Р. Хр.), говорится въ нихъ ⁷⁾, шаньшаньскій владѣтель пришелъ въ страхъ и со своимъ народомъ бѣжалъ въ Цзюймо, наследникъ же передался Аньчжу (т. е. бѣжалъ въ Ша-чжоу). Послѣ сего шаньшаньцы (еще остававшіеся?) *опустошили свою страну, чтобы затруднить сообщеніе*». Что значитъ въ данномъ случаѣ это выра-

¹⁾ У Дегиня («Histoire général des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares Occidentaux, etc.» I, 2, стр. XI) приведено названіе ея—Гань-ни-ченъ. У Іакинфа—Гинни или Юни.

²⁾ Теоретически китайская ли равняется 267 саж. 6 фут. (Іакинфъ. «Статистич. описаніе Китайской имперіи», стр. 126). Въ древности можетъ быть она и представляла эту величину; нынѣ же ли должна приниматься сажень въ 200, не болѣе. Китайцы считаютъ, что пѣшеходъ равнымъ ходомъ проходитъ въ 1 часъ 10 ли; это и будетъ соответствовать 200 саж.

³⁾ Китаецъ Чжанъ-цянъ въ донесеніи своемъ говоритъ: «Лэулянъ и Гуши имѣли свои города на берегу Соленого озера (Лобъ-нора)». Вѣроятно, здѣсь кроется какая либо ошибка. Что однако Гуши (раздѣлившееся вскорѣ на нѣсколько владѣній) простиралось нѣкогда до Курукъ-тага, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ словъ китайской лѣтописи: «Дорога въ Западные владѣнія пролегаетъ черезъ Лэулянъ и Гуши», изъ чего какъ бы слѣдуетъ, что на сѣверѣ Лэулянъ граничила съ Гуши. Или въ то время Шаньго, какъ самостоятельное владѣніе, не существовало?

⁴⁾ Ур. Ачикъ-кудукъ находится въ 400 верстахъ къ востоку отъ устья Тарима, что вполне соответствуетъ разстоянію въ китайскихъ ли между Цзюймо и резиденціей шаньшаньскаго владѣтеля, городка Юни или Гинни.

⁵⁾ Это объ этомъ мѣстѣ Дегинь пишетъ: «A 300 li de ce lac (Еор) est un détroit entre les montagnes que l'on appellait anciennement Yo-muen-kuan» (ib., стр. XII).

⁶⁾ Впрочемъ нѣсколько позже (около 90 г. до Р. Хр.) Шаньшаньское владѣніе распространилось еще далѣе на востокъ и, занявъ всю долину, стало на востокѣ граничить съ областью Дунь-хуанъ. (Іакинфъ. «Собр. свѣд. о народахъ Средн. Азіи», III, стр. 41).

⁷⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 143.

женіе: опустошили страну? Мнѣ кажется, оно можетъ означать только одно: засыпали колодцы, потому что въ этой долинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, вода составляетъ все.

Изъ вышеизложеннаго нельзя не усмотрѣть, что въ предѣлахъ Бэй-шаня, въ эпоху утвержденія китайцевъ въ Хэси, существовало одно только владѣніе—Шаньго, часто объединявшееся съ Юйли ¹⁾, впоследствии же вошедшее въ составъ Чешискаго княжества.

Первыя сношенія китайцевъ съ западными владѣніями были дипломатическія. Китайскіе послы достигали Семирѣчья, Ферганы, Бухары и Самарканда, всюду ощупывая почву и стараясь склонить мѣстныхъ правителей къ союзу противъ хунновъ. Этого имъ не удалось, однако, достигнуть: юэчжи отказались отъ чести сражаться за китайскіе интересы, усунь же колебались. Зато эти посольства успѣли въ другомъ отношеніи: разказами о богатствахъ запада и о легкой возможности овладѣть ими они разожгли завоевательныя инстинкты императора Вуди.

89108

Уже въ 108 г. до Р. Хр. состоялась первая экспедиція въ Западный край; а затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 104 по 100 г., полководецъ Ли-гуанъ-ли совершилъ свои два знаменитые похода на Давань (Фергану), покоривъ по пути всѣ малыя и большія владѣнія Восточнаго Туркестана.

Завоевавъ Восточный Туркестанъ, китайцы, въ обезпеченіе сообщенія съ Западнымъ краемъ, вытянули рядъ сторожевыхъ башенъ до Лобъ-нора ²⁾ и къ сѣверу отъ Су-чжоу построили крѣпости Пой-янь и Хю-чжюй ³⁾. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что къ этому времени хунны, уже успѣвшіе оправиться отъ поражений, снова появились въ Бэй-шанѣ и мало по малу заняли долины р. Эцзинъ-гола и низовой р. Шулэй-хэ ⁴⁾. Въ 102 г. они отважились даже произвести нападеніе на Хэси и ограбить окрестности Гань-чжоу и Су-чжоу, а въ 101 г. выслать отрядъ противъ возвращавшагося изъ похода на Давань Ли-гуанъ-ли; но на этотъ разъ они были разбиты. Зато въ 99 г. походъ того же Ли-гуанъ-ли противъ хунновъ на сѣверъ, поперекъ Бэй-шаня, до Небесныхъ горъ, окончился для него неудачно: онъ былъ окру-

¹⁾ Это видно изъ того обстоятельства, что китайскіе лѣтописцы нерѣдко смѣшивали Юйли и Шаньго. Такъ у Иакинфа (ib., IV, стр. 76) читаемъ: «При династіи Хань и Цао-Вэй здѣсь было княжество Юйли, иначе Шаньго».

²⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 35.

³⁾ ib., стр. 26.

⁴⁾ «Собраніе свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 46.

женъ превосходными силами непріятеля и едва спасся бѣгствомъ, потерявъ до 7 тысячъ человекъ одними убитыми ¹⁾). Еще печальнѣе окончился для китайцевъ походъ 90 года ²⁾). Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлъ, Ли-гуанъ-ли, узнавъ, что все семейство его, обвиненное въ колдовствѣ, предано казни, «собралъ свои войска и покорился хуннамъ» ³⁾). Три же года спустя скончался и предпримчивый императоръ Ву-ди.

Хунны не сумѣли воспользоваться выгодами своего положенія. Не предпринимая ничего рѣшительнаго, они ограничивались только небольшими, къ тому же далеко не всегда сопровождавшимися успѣхомъ, грабительскими набѣгами на китайскія области. Впрочемъ, уже въ это время у нихъ возникли несогласія съ ухуанцами и усунями.

Въ 72 г. усунь, въ союзѣ съ китайцами, съ двухъ сторонъ напали на хунновъ. Китайцы выставили огромное войско, которое

¹⁾ На западѣ военныя операціи китайцевъ также не сопровождались успѣхомъ; такъ, попытка китайцевъ при помощи лэулянскаго ополченія и передавшихся хунновъ овладѣть Чеши оказалась неудачной («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 89); они поправили здѣсь свои дѣла только въ 88 г., захвативъ въ плѣнъ чешискаго князя (ib.). Въ 1 части того же сочиненія событіе это отнесено къ 90 г.

Къ этому времени относится сдѣланная, безъ сомнѣнія, самимъ Ли-линомъ, внукомъ Ли-гуанъ-ли, надпись на скалѣ ущелья Ванъ-сянь-линь. Вотъ, что по сему поводу мы читаемъ въ китайской лѣтописи: «Горы Ма-цзунъ-шань (высочайшій кряжъ Бэй-шаня) лежатъ на юго-востокѣ отъ Хами. По сосѣдству находится ущелье Ванъ-сянь-линь. На его вершинѣ находится впадина скалы съ надписью, относящейся къ Ли-лину. (Bretschneider. «Mediaeval researches from eastern Asiatic Sources», II, стр. 178). Судьба Ли-лина крайне интересна. Это былъ неустрашимый и славный воинъ. Пылая желаніемъ отомстить хуннамъ за пораженіе, нанесенное ими его дѣду, онъ испросилъ у императора разрѣшеніе идти противъ нихъ въ глубь пустыни. Въ своемъ распоряженіи онъ имѣлъ всего лишь пятитысячный корпусъ. Тѣмъ не менѣе, онъ прошелъ съ нимъ тысячу ли по Бэй-шаню. Будучи окруженъ здѣсь хуннами, онъ нанесъ имъ два пораженія, послѣ чего рѣшилъ отступить. Во время отступленія онъ бился не переставая, пока не израсходовалъ всѣхъ своихъ стрѣлъ. Между тѣмъ обѣщанная помощь, на которую онъ такъ рассчитывалъ, не являлась. Положеніе его стало критическимъ. Нашелся измѣнникъ, который ускорилъ развязку. Онъ увѣрилъ хунновъ, что Ли-Линъ отступаетъ изъ желанія заманить ихъ въ засаду. Увѣрившись въ этомъ, хунны отрѣзали китайцамъ отступленіе. Тогда-то, видя неизбежную гибель всего отряда, Ли-Линъ рѣшилъ сдаться. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ истребить весь его родъ. Этотъ жестокій ударъ принудилъ Ли-Лина остаться навсегда у хунновъ, которые никогда не переставали чтить въ немъ героя. Шанью женилъ его на своей дочери, возвелъ его въ княжеское достоинство и далъ въ удѣлъ земли хягасовъ, гдѣ потомки его царствовали почти до временъ Чингисъ-хана. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается главный историческій интересъ этой личности (См. Mouriac de Mailla «Histoire générale de la Chine», III, стр. 79; Иакинфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 50—51).

²⁾ Этому походу предшествовала еще одна экспедиція Ли-гуанъ-ли противъ хунновъ, окончившаяся также пораженіемъ китайскихъ войскъ (въ 97 г.; de Mailla, op. cit., стр. 81).

³⁾ Походъ этотъ вызванъ новымъ вторженіемъ хунновъ въ Хэси. Преслѣдуя ихъ, Ли-гуанъ-ли доходилъ до Тянь-шаня и Алтайскихъ горъ. Хуннами Ли-гуанъ-ли былъ принятъ съ почетомъ, но затѣмъ принесенъ ими въ жертву духамъ усопшихъ шаньюевъ — весьма цѣнное указаніе, свидѣтельствующее, что у хунновъ существовалъ обычай приносить человѣческія жертвы. (Иакинфъ, ib., I, стр. 53—55; de Mailla, op. cit., стр. 90). Этотъ обычай сохранился и у тукіэсцевъ. (См. «Византійскіе историки — Дексиппъ, Эвнаний и др.», пер. съ греч. С. Дестунисъ, Спб., 1860, стр. 422).

нѣсколькими путями выступило изъ Хэси черезъ пустыню. Походъ этотъ кончился, однако, ничѣмъ. Хунны успѣли заблаговременно отступить, и китайцамъ пришлось удовольствоваться лишь ничтожными стычками съ непріателемъ и самой скромной добычей. Къ тому же китайская колонна, выступившая изъ Су-чжоу и долженствовавшая соединиться въ Баркульской долинѣ съ вспомогательнымъ корпусомъ усуней, не могла прибыть сюда къ условному времени, что и вынудило послѣднихъ, въ свою очередь, къ отступленію. Столь неудачныя операціи союзниковъ ободрили хунновъ, которые, по удаленіи китайскихъ войскъ, не замедлили перейти въ наступленіе. Ихъ зимній походъ противъ усуней закончился однако для нихъ неудачно. На обратномъ пути въ Джунгаріи выпалъ снѣгъ, глубиной въ 10 футовъ, сопровождавшійся столь необычайной стужей, что отъ нея и безкормицы погибли всѣ экспедиціонныя лошади, весь скотъ и почти девять десятыхъ людей ¹⁾. Несчастьемъ этимъ не преминули воспользоваться враги хунновъ—динлины, которые вмѣстѣ съ ухуанцами и усунями съ трехъ сторонъ вторглись въ ихъ земли ²⁾. Такимъ образомъ 72 г. до Р. Хр. оказался роковымъ для хунновъ: отъ холода, голода и меча непріателя погибла почти половина всего населенія и такое множество лошадей и скота, что съ этихъ поръ «хунны надолго пришли въ крайнее безсиліе» ³⁾. Четыре же года спустя голодъ повторился и «отъ него вновь погибло $\frac{6}{10}$ скота и народа».

Но не смотря на это новое бѣдствіе, хунны рѣшились всѣми силами воспротивиться водворенію китайцевъ въ Чеши. «По тучности чешскихъ земель, говоритъ китайская лѣтопись, и по близости ихъ къ хуннамъ, шанью и вельможи рѣшились не допускать китайцевъ овладѣть ими» ⁴⁾.

Дѣйствительно, въ то время Чеши имѣло важное стратегическое значеніе. Это былъ крайній къ востоку культурный центръ Притяньшанья, способный прокормить много народа. Черезъ него проходили удобные пути въ Джунгарію (сѣверное Чеши), въ Китай и Западныя владѣнія. Такъ что, укрѣпись здѣсь китайцы, это не только вынудило бы хунновъ покинуть степи юго-восточной

¹⁾ Одновременно огромные снѣга выпали и на всемъ пространствѣ западной Гоби.

²⁾ Динлины, рыжеволосое, румянолицее и голубоглазое племя, жили къ сѣверу отъ хунновъ, ухуанцы къ востоку, усунь (также бѣлокурая раса) къ западу, гдѣ они занимали своими кочевьями Илійскія степи и бассейны Иссыкъ-куля и верховій Сыръ-дарьи (Нарына). Аристовъ (op. cit., стр. 122) считаетъ ихъ предками кара-киргизовъ.

³⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 64.

⁴⁾ Ib., III, стр. 91. St. Julien. «Oigours» (въ «Journal Asiatique», 1847, Mars, стр. 192).

Джунгарии, но и создало бы для нихъ въ будущемъ крайне трудныя условія борьбы съ Небесной имперіей.

Излагая историческое прошлое южной Джунгарии ¹⁾, я уже бѣгло касался этой борьбы хунновъ съ китайцами изъ-за Чешы, закончившейся въ 63 г. изгнаніемъ послѣднихъ и полнымъ разореніемъ большей части турфанскихъ земель. Къ этому мнѣ остается только добавить, что не только китайцы увели за собой часть чешскихъ жителей, но что одинаковымъ образомъ съ остальной частью туземнаго населенія поступили и хунны: «изъ боязни оставить на прежнихъ земляхъ остатки народа, шанью увелъ ихъ за собой на востокъ» ²⁾. Впрочемъ, событіе это отнесено китайскимъ лѣтописцемъ къ 67 г. ³⁾.

Послѣдній періодъ исторіи хунновъ носить очень бурный характеръ. Ознаменовавшись убійствами, междоусобіями, смутами и, наконецъ, распаденіемъ государства на части, онъ закончился добровольнымъ подчиненіемъ Китаю сперва восточной орды, а вскорѣ затѣмъ и западной (въ 51 г. до Р. Хр.).

Ставка шаньюя западной орды находилась въ странѣ Гяньгунь (нынѣшняя Акмолинская область?), восточной орды у южныхъ подножій Хангайскихъ горъ. Указать въ точности границы обоихъ государствъ теперь нѣтъ возможности. Одно несомнѣнно: южной границей владѣній восточной орды была Великая стѣна. «Все, что лежитъ отъ Великой стѣны къ сѣверу, принадлежитъ хуннамъ», сообщаетъ намъ китайская лѣтопись, и въ той-же лѣтописи читаемъ мы дальше: «у хунновъ есть уголъ земли, вдавшійся въ предѣлы Китая прямо противъ Чжанъ-ѣ, гдѣ растетъ хорошій лѣсъ, годный для изготовленія стрѣлъ, и водятся орлы, перья коихъ идутъ на опушку стрѣлъ» ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что это возвышающаяся къ востоку отъ Гань-чжоу горная группа Лунъ-ту-шань, достигающая 10,000 фут. абс. выс. ⁵⁾.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что, не смотря на постигшія ихъ несчастія, хунны, къ началу нашей эры, все еще продолжали удерживать въ своей власти восточный Бэй-шань,

¹⁾ См. «Опис. путеш. въ Зап. Китай», т. I, стр. 215—216.

²⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 66.

³⁾ Надо, однако, замѣтить, что при изложеніи событій этого періода, въ китайскихъ лѣтописяхъ замѣчаются нѣкоторыя противорѣчія. (Сравн. т. I «Собранія свѣд. о народахъ Средней Азіи», стр. 65—66, съ т. III того же сочиненія, стр. 89—91).

⁴⁾ Op. cit., I, стр. 88. Слова лѣтописи относятся къ 7—4 годамъ до Р. Хр.

⁵⁾ «Извѣстія И. Р. Г. Общ.», томъ XXXI, стр. 324.

вторично занятый ими, какъ мы видѣли выше, около 105 г. до Р. Хр.

3-й годъ по Р. Хр. ознаменовался важнымъ событіемъ: былъ открытъ кратчайшій путь изъ Турфана въ Хэси ¹⁾. Но вмѣсто того, чтобы еще тѣснѣе связать Китай съ Западными владѣніями, открытіе этого пути послужило ближайшимъ поводомъ къ изгнанію китайцевъ изъ Восточнаго Туркестана.

Уже до потери хуннами своей самостоятельности китайцы могли считать себя полновластными хозяевами въ Восточномъ Туркестанѣ. Ихъ положеніе тамъ еще болѣе упрочилось послѣ распада хуннской державы. Даже въ округѣ Хэнти, ранѣе столь сильно оспаривавшемся хуннами, они успѣли завести военное поселеніе Гаочанъ ²⁾. Но послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ мира, не усиливъ китайской власти въ Западномъ краѣ, сдѣлали ее лишь болѣе нетерпимой, такъ что малѣйшаго повода было уже достаточно для того, чтобы вызвать общее возстаніе туземныхъ князей. Этотъ поводъ и дало открытіе помянутой выше дороги.

Въ то время владѣльцы земель, черезъ которыя проходила дорога, обязаны были снабжать китайскихъ чиновниковъ и пословъ подводами и лошадьми, а также жизненными припасами, безвозмездно. А такъ какъ разъѣзды этихъ лицъ совершались часто и, притомъ, въ сопровожденіи большого штата прислуги, то естественно,

¹⁾ Въ т. I «Опис. пут. въ З. Кит.» (стр. 216) я высказалъ предположеніе, что это тотъ прямой путь, которымъ мы слѣдовали изъ Юй-мыня въ Хами. Но, разобравшись ближе въ вопросѣ о древнѣйшихъ путяхъ въ Средней Азіи, я пришелъ къ заключенію, что здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о дорогѣ черезъ Бэй-шань, а объ одной изъ дорогъ между Хами и Турфаномъ. Дѣйствительно, китайцы достигали Тянь-шаня двумя путями. Оба расходились въ Су-чжоу. Первый велъ изъ этого города черезъ Дунь-хуанъ, Шань-шань и Курукъ-тагъ (владѣніе Шаньго) къ Карашару и уже отсюда въ Турфанъ (Бэй-лу временъ династіи Хань); второй, сворачивавшій у Су-чжоу на сѣверо-западъ, пересѣкалъ Бэй-шань и выводилъ къ восточной оконечности Тянь-шаня (путь Ли-гуанъ-ли и другихъ китайскихъ полководцевъ, оперировавшихъ противъ хунновъ). Но пути, который соединялъ бы Турфанъ и Хами, въ то время еще не существовало. Изъ этого слѣдуетъ, что открытіе, занесенное въ китайскую лѣтопись, могло относиться лишь къ этому участку нынѣшней караванной дороги изъ Китая въ Восточный Туркестанъ.

²⁾ На стр. 218 перв. тома «Опис. пут. въ З. Кит.» основаніе укрѣпленія Гаочанъ отнесено мною къ 91 г. по Р. Хр. Это ошибка, поводомъ къ которой послужило слѣдующее мѣсто китайской лѣтописи: «Въ 91 г. Баньчао утвердилъ спокойствіе въ Западномъ краѣ, опредѣлилъ военнаго пристава и далъ ему 500 человекъ для землешествія въ восточной части Чешискаго княжества, въ укрѣпленіи Гаочанъ» (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», III, стр. 103). Такъ какъ въ исторіи старшаго дома Хань объ основаніи Гаочана опредѣленно не упоминается, а въ исторіи младшаго дома Хань только передается легенда объ его основаніи усталыми воинами императора Вуди, то я и не видѣлъ повода къ болѣе тщательной провѣркѣ этого указанія. Между тѣмъ въ «Географическомъ указателѣ», приложенномъ Іакинфомъ къ его «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», на стр. 19, прямо сказано: «Гаочанъ-лэй есть названіе укрѣпленія, основаннаго китайцами въ 46 году до Р. Хр.». Это извѣстіе подтверждается нижеслѣдующими выдержками изъ китайской лѣтописи: «И такъ чешискій владѣтель ускакалъ за стѣну (?) въ Гаочанъ (а оттуда?)»

что эта повинность возбуждала немалыя неудовольствія среди туземнаго населенія. И чешисцамъ перспектива подобныхъ поборовъ ни мало не улыбалась; они надумали уклониться отъ нихъ, помѣшавъ осуществленію проекта китайцевъ, но плохо разсчитали свои силы и были жестоко наказаны: ихъ князь былъ схваченъ и обезглавленъ. Подобная же участь постигла въ слѣдующемъ году (10 г. по Р. Хр.) и другого чешискаго князя. Тогда народъ бѣжалъ на востокъ и вызвалъ на сцену хунновъ. Вмѣшательство хунновъ оказалось роковымъ для китайцевъ, которые вынуждены были покинуть сначала Турфанъ, а затѣмъ, преслѣдуемые возставшими князьями, и остальные земли Восточнаго Туркестана. Событіе это относится къ 20 г. по Р. Хр.¹⁾

Но хунны еще раньше, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Серединной имперіи, порвали къ ней вассальныя отношенія. Ихъ набѣги участились, и сѣверныя области Китая, «не видавшія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній (80 лѣтъ) тревогъ отъ маячныхъ огней, успѣвшія заселиться и разбогатѣть, снова подверглись полному разоренію: жители ихъ были побиты или уведены въ плѣнъ, города и селенія разрушены, кости воиновъ лежали непогребенными»²⁾. Хунны такъ возгородились своими успѣхами, что, когда къ нимъ въ 26 г. явился китайскій посоль, шаньюй встрѣтилъ его высокомерно и при этомъ замѣтилъ: «Хунны и китайцы въ прежнія

въ предѣлы хунновъ» (Op. cit., III, стр. 94). Это событіе относится къ 3 году по Р. Хр. И затѣмъ: «впослѣдствіи (т. е. послѣ 62 г. до Р. Хр.) поставленъ приставъ для заведенія земледѣлства на оставленныхъ чешискихъ земляхъ» (Op. cit., III, стр. 93).

О мѣстоположеніи Гаочана уже говорилось на стр. 321 перваго тома. Но такъ какъ въ исторической литературѣ, повидимому, твердо установился взглядъ на бывшее мѣстоположеніе этого города, отождествляемаго съ развалинами на р. Кара-ходжа, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь еще нѣсколько соображеній въ подкрѣпленіе уже высказаннаго мною предположенія, что Гаочанъ могъ находиться только близъ нынѣшняго Турфана.

Въ китайской лѣтописи прямо сказано, что Гаочанъ основанъ былъ на чешиской землѣ къ востоку отъ резиденціи князя. Что же называть востокомъ чешискихъ земель? Очевидно, что восточная граница чешискихъ владѣній не могла захватывать долины р. Кара-ходжи, такъ какъ тутъ, въ эпоху основанія Гаочана, существовало самостоятельное владѣніе. Въ китайской географіи прямо сказано: «Въ древности мѣсто сіе принадлежало къ переднему Билю» («Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», IV, стр. 79). Засимъ, мы имѣемъ еще одно указаніе, свидѣтельствующее, что и въ 10 г. по Р. Хр. земли по р. Кара-ходжа не принадлежали чешисцамъ (Акинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 98, III, стр. 95). Изъ сего ясно, что восточная грань чешискихъ владѣній не могла выходить за предѣлы оросительной способности р. Бауръ. Изъ описанія окрестностей Турфана (см. I т. «Опис. пут. въ Зап. Китай», гл. XII) мы уже знаемъ, что оросительная способность этой рѣчки невелика. Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ убѣжденію, что Гаочанъ могъ находиться лишь по сосѣдству съ нынѣшнимъ Турфаномъ. Не развалины ли этого укрѣпленія видѣлъ я, подѣзжая къ Турфану? См. также «Цзинь-динъ-синь-цзянь-чжи-лю» въ переводѣ St. Julien'a («Journal Asiat.», 4 série, VIII, 1846, стр. 237—238, 241).

¹⁾ Подробнѣе объ этихъ событіяхъ изложено въ I т. «Опис. пут. въ Зап. Кит.», стр. 216—217.

²⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 104.

времена были братьями. Но у хунновъ случились междоусобія, и Хуханье-шаньюй изъ уваженія къ дому Хань сталъ именоваться вассаломъ. Нынѣ, въ свою очередь, имперія волнуется, и если императоръ Гунь-У вступилъ на прародительскій престолъ, то единственно благодаря моей помощи. Такимъ образомъ роли наши помѣнялись, и домъ Хань долженъ отнынѣ высказывать уваженіе дому Хунновъ». Китайскій посоль пытался протестовать противъ такого взгляда на положеніе дѣлъ, но безуспѣшно.

Въ 37 г. хунны овладѣли сѣвѣрною частью провинціи Шаньси и въ ней поселились ¹⁾. Въ послѣдующіе года они послѣдовательно опустошили южную часть Шаньси, сосѣднюю Шеньси, восточную часть Ганьсу и сѣверо-западную часть Чжилійской провинціи. Ни одного года, по словамъ китайскаго лѣтописца, не проходило, чтобы какая-либо часть сѣвѣрной границы не подвергалась опустошительнымъ ихъ набѣгамъ, такъ что къ 45 году весь сѣвѣрный Китай представлялъ изъ себя уже сплошную пустыню.

Но уже въ слѣдующемъ году среди хунновъ возникли междоусобія, которыя въ 48 г. привели къ вторичному распаденію ханства на части: сѣвѣрную и южную, и къ подчиненію южныхъ хунновъ Китаю ²⁾; что же касается сѣвѣрныхъ хунновъ, то хотя они обмѣнивались частыми посольствами съ китайскимъ дворомъ, однако это не мѣшало имъ производить опустошительные набѣги на сѣверо-западные округа имперіи. Къ семидесятымъ годамъ набѣги эти до такой степени участились, что въ Хэси вынуждены были даже днемъ держать ворота городовъ запертыми. Конечно, такое положеніе дѣлъ не могло быть долго терпимо; но армія, высланная противъ хунновъ и прошедшая Бэй-шань по четыремъ различнымъ путямъ, не нашла ихъ въ ихъ обычныхъ кочевьяхъ и принуждена была изъ подъ Тянь-шаня вернуться обратно. Впрочемъ, для Притяньшанья походъ этотъ не прошелъ совершенно безслѣдно. Китайцы овладѣли Ивулу, завели здѣсь военное поселеніе и вновь, такимъ образомъ, «открыли сообщеніе съ Западнымъ краемъ» ³⁾. Чэши, Билу, Яньци и другія владѣнія покорились. Оба Чэши въ это время представляли уже значительныя владѣнія. Сѣвѣрное Чэши, объединивъ всѣ земли на западъ отъ Баркульской долины до усуньскихъ кочевій, простиралось на всю южную Джун-

¹⁾ *Иб.*, стр. 113.

²⁾ *Иб.*, стр. 116; de Mailla (*op. cit.*, III, стр. 337) относитъ это событіе къ 46 году.

³⁾ *Иб.*, III, стр. 102.

гарію ¹⁾; южное же, покоривъ Халга-амань, Даньхуань, Хуху и Утанцыли, владѣло всей территоріей, входящей нынѣ въ составъ трехъ западныхъ волостей турфанскаго приставства. Усилились также переднее Билу и Шаньшань; Билу насчетъ владѣній Даньми и задняго Билу, Шаньшань же насчетъ сосѣднихъ владѣній: Цзюймо, Сяовань, Цзингюэ и Жунлу ²⁾. Чувствуя себя достаточно сильными, князья Западнаго края, если и изъявили покорность китайскому императору, то только въ надеждѣ найти въ немъ добраго опекуна, который освободилъ бы ихъ отъ хуннскаго ига. Но когда ихъ расчеты не оправдались и когда, взявъ того, китайскій императоръ распорядился послать къ нимъ своего намѣстника, то они возстали какъ одинъ человекъ и при помощи хунновъ по частямъ уничтожили китайское войско. И хотя вслѣдъ затѣмъ су-чжоу'скій комендантъ, явившійся на выручку намѣстника, и нанесъ чешисцамъ поражение подъ стѣнами Гяо-хе-чена, однако побѣда эта не поправила китайскихъ дѣлъ въ Притяньшаньѣ, и въ 77 г. они вынуждены были очистить даже Хами.

Впрочемъ, торжество хунновъ было непродолжительно. Несогласія, возникшія среди ихъ правителей, привели сначала къ отпадению 73 поколѣній, а затѣмъ, въ 93 г., и къ полному разгрому ханства соединенными силами китайцевъ, южныхъ хунновъ, сяньбійцевъ, динлиновъ и князей Западнаго края, причемъ только небольшая часть хунновъ успѣла спастись, откочевавъ, по словамъ китайской лѣтописи, «неизвѣстно куда» на западъ ³⁾, вся же Халха стала добычей частью сяньбійцевъ ⁴⁾, частью южныхъ хунновъ.

Это моментъ чрезвычайной важности въ исторіи Европы и Азіи.

Потерявъ свои земли въ Монголіи и въ Бэй-шаньѣ, хунны устремились на западъ и въ самое короткое время успѣли подчинить себѣ огромную территорію отъ Баркульской долины (Пу-лэй-хай, собственно, Баркульскаго озера) до моря Каспійскаго (или Аральскаго? — Цинь-хай) ⁵⁾, населенныхъ частью тюркскими, частью фин-

¹⁾ *Иб.*, III, стр., 133.

²⁾ *Иб.*, III, стр. 102.

³⁾ *Иб.*, I, стр. 132. Ср. Deguignes «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», I, 2, стр. 278—279; de Mailla («Histoire générale de la Chine» т. III, стр. 395) относитъ это событіе къ 91 году; онъ прибавляетъ, что хунны проиграли главное сраженіе при горахъ Гинь вэй-шань, т. е. Тарбагатайскихъ.

⁴⁾ «Cette époque est le commencement de la grandeur des Sien-pi qui se rendirent redoutables». De Mailla, *op. cit.*, III, стр. 397.

⁵⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», III, стр. 104. См. также Радловъ, «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 102 и слѣд. (Приложеніе № 2 къ LXXII тому «Зап. Имп. Ак. Наукъ»). Къ западу отъ Азовскаго моря хунны появились лишь во второй половинѣ IV вѣка. У византійскаго исто-

скими племенами, которымъ они и дали свое имя, подобно тому, какъ сяньбийцы дали свое имя оставшимся въ Халхѣ хуннамъ ¹⁾, Но перемѣстивши центръ тяжести своихъ интересовъ такъ далеко на западъ, они перестали играть видную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Средней Азии, и съ этой точки зрѣнія монахъ Такинфъ былъ правъ, утверждая, что послѣ поражений 93 г. хуннская держава, какъ таковая, перестала существовать для Китая.

Какъ бы то ни было, но побѣды китайцевъ, въ столь сильной степени олабившія могущество хунновъ, значительно подняли ихъ престижъ въ глазахъ азіатскихъ народовъ: по отзыву лѣтописца, не только всѣ 50 владѣній Западнаго края добровольно тогда подчинились Китаю ²⁾, но даже и болѣе отдаленныя государства поспѣшили представить дары императору. Впрочемъ, китайцы властвовали въ Притяньшаньѣ недолго. Уже въ 105 г. многіе князья отложились, а въ 107 г. этимъ краемъ вновь овладѣли сѣверные хунны, которые затѣмъ, вкупѣ съ чешисцами, перешли въ наступленіе и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно хозяйничали въ Хэси ³⁾.

Послѣдующія событія довольно смутно очерчены въ китайской исторіи. Извѣстно, что въ 127 году китайцы вновь утвердились въ Восточномъ Туркестанѣ и даже построили въ Иву укрѣпленіе, но, повидимому, съ большимъ трудомъ удерживали тамъ главенствующее положеніе ⁴⁾. Это ясно видно изъ того, что уже въ

рика Эвнапія мы находимъ извѣстіе, что «скифы были истреблены уннами въ 376 г.» (См. «Византійскіе историки—Дексиппъ, Эвнапій и др.», перев. съ греч. С. Дестунисомъ, стр. 125).

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», I, стр. 163; de Mailla, op. cit., III, стр. 397. Сяньби было тунгузскимъ или, какъ нѣкоторые полагаютъ, корейскимъ племенемъ.

²⁾ За исключеніемъ, однако, Яньци. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», III, стр. 103.

³⁾ Этому способствовало смутное положеніе дѣлъ въ Хэси.

Въ 107 г. для войны съ хуннами въ Притяньшаньѣ изъ провинціи Лунъ-си (восточной части нынѣшней Ганьсуйской провинціи) отправлено было тангутское ополченіе. Тангуты, дойдя до Су-чжоу, отказались слѣдовать далѣе и вернулись на родину. Въ отместку за это ихъ родныя селенія были разорены. Но эта жестокость повела лишь къ общему возстанію тангутовъ Лунъ-си. Возстаніе сопровождалось страшными жестокостями съ обѣихъ сторонъ. По словамъ китайскихъ лѣтописцевъ, тангуты, давно не воевавшіе, не имѣвшіе ни латъ, ни оружія, шли въ бой, вооружившись палками и имѣя вмѣсто щитовъ металлическія зеркала и кухонныя доски. Тѣмъ не менѣе, одушевленіе ихъ было столь велико, что они наносили китайцамъ пораженіе за пораженіемъ и вскорѣ овладѣли всею западной Ганьсу. Ихъ вожди объявили себя даже императорами. Возстановить сообщеніе съ Хэси китайцамъ удалось лишь въ 115 г., окончательное же подавить возстаніе въ 126 г. (I. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 38—51).

⁴⁾ Впрочемъ, это была не первая ихъ попытка послѣ 107 г. возстановить свою власть въ Притяньшаньѣ. Исторія младшаго дома Хань говоритъ слѣдующее: «Въ 112 г. Со-Бань отправленъ въ Иву съ гарнизономъ изъ 1,000 человекъ для успокоенія края, почему владѣтели шаньшанскій и южно- (передне) чешискій покорились; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сѣверные хунны съ владѣтелемъ сѣвернаго (задняго) Чэши опять пришли и Со-Бань на сраженіи съ ними погибъ»

132 г. они оказались бессильными предотвратить возникшія въ краѣ междоусобія. Престижъ ихъ падалъ, и въ 152 г. они должны были открыто признать, что князья Западнаго края стали относиться къ нимъ съ нескрываемыми «холодностью и неуваженіемъ» ¹⁾. Однако въ теченіе нѣкотораго времени они продолжали еще держать тамъ намѣстниковъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ 168 г. кашгарскій владѣтель на охотѣ съ китайскимъ великимъ дуоюй былъ убитъ Ходэ, объявившимъ себя княземъ, въ виду чего правитель области Лянъ-чжоу, соединившись съ ополченіемъ изъ Яньци, Гуйци и обоихъ Чеши, напалъ на Ходэ»... ²⁾. Но засимъ всякая связь между Китаемъ и Западными владѣніями прекратилась.

Между тѣмъ южные хунны, расселенные въ Ордосѣ и провинціяхъ Ганьсу и Шэньси, «нечувствительно умножившись, стали опасными для Китая»; вслѣдствіе чего, когда «шаньюй въ 215 г. явился въ столицу (г. Ло-янъ), китайскій дворъ удержалъ его при себѣ, для управленія же ханствомъ поставилъ намѣстника» ³⁾. Подобный порядокъ вещей удержался до 304 г., когда одинъ изъ такихъ намѣстниковъ, родственникъ шаньюя, князь Лю-юань, получившій воспитаніе при китайскомъ дворѣ и отличавшійся исполнскимъ ростомъ и силой, рѣшился воспользоваться смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ и провозгласилъ себя императоромъ ⁴⁾.

со всѣмъ гарнизономъ, а владѣтель южнаго Чеши бѣжалъ... Послѣ сего сѣверные хунны, соединившись съ Чеши, произвели набѣги въ Хэси». Вслѣдствіе этого, въ 123 г., правитель области Дунь-хуань, между прочимъ, предлагалъ: «Хоянь, князь сѣверныхъ хунновъ, полновластно управляетъ Западнымъ краемъ и соединенными силами производитъ набѣги и грабительства. Собрать нынѣ 2,000 войска изъ Цю-цюань (Су-чжоу) и зависимыхъ владѣній на караулъ Кунь-лунь-чань (находился въ округѣ Дунь-хуань; между тѣмъ de Mailla, op. cit., III, стр. 419, переводитъ это мѣсто лѣтописи такъ: «Il proposait d'aller avec deux mille hommes de troupes réglées, en passant par le montagne Koen-lun, attaquer le roi de Hou-yen»), надо прежде учинить нападеніе на Хоянь-князя и разорить его пристанище; послѣ сего съ 5,000 шаньшанскихъ войскъ отгнать владѣтеля сѣвернаго (восточнаго) Чеши... Если же это невозможно, то оставить городъ Чжохохото (Турфанъ), а служащихъ въ Шаньшани и другихъ владѣніяхъ перевести въ Китай». Стремясь удержать Западный край, императоръ назначилъ туда правителемъ Бань-Юна, который сначала покорилъ Чеши, а послѣ сего, около 127 года, и всѣ остальные владѣнія Восточнаго Туркестана, коихъ въ эту эпоху насчитывалось 17 (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», стр. 104—108).

Къ этому de Mailla (ib., стр. 420) присовокупляетъ, что Бань-Юнь съ ополченіемъ, набраннымъ въ трехъ княжествахъ, наголову разбилъ хунновъ, послѣ чего, овладѣвъ сѣвернымъ Чеши, поселился въ главномъ городѣ этого княжества.

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 108.

²⁾ Ib., стр. 129.

³⁾ Ib., стр. 48, и «Записки о Монголіи», III, стр. 44.

⁴⁾ Этотъ интересный моментъ китайской исторіи подробно изложенъ у de Mailla, op. cit., IV, стр. 239 и слѣд.

Хуннскіе князья властвовали надъ сѣверо-западнымъ Китаемъ подъ именемъ династій Хань (домъ Лю) и Чжао (домъ Ши) съ 304 по 352 годъ, когда послѣдній изъ нихъ, императоръ Шиминь, палъ въ борьбѣ съ сяньбійцами. Съ этого времени китайская исторія не упоминаетъ больше о хуннахъ ¹⁾.

Имъ на смѣну явились сяньбійцы, жеужани, различныя уйгурскія племена и тукіэсцы.

Одинъ изъ сяньбійскихъ аймаковъ, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ сѣверномъ Китаѣ, проникъ въ провинцію Лунъ-си и, миновавъ Лань-чжоу, утвердился въ области Бао-хань (Хэ-чжоу). Покоривъ всѣ окрестныя тангутскія племена отъ Цайдама до Лунъ-си, глава аймака, Муюнь-тогонь, основалъ въ 312 г. Тугу-хунское или Тогонское царство. Судьбы этого царства, центръ интересовъ коего лежалъ много южнѣе Бэй-шаня, насъ мало касаются; поэтому мы ограничимся лишь слѣдующими указаніями: въ 417 г. тогонцы утвердились въ Ша-чжоу; и въ 445 г., преслѣдуемые Тоба-Дао, императоромъ сяньбійской династіи Бэй-Вэй, покинули Куку-норъ и, перейдя пустыню, овладѣли Хотаномъ. Надъ Хотаномъ они властвовали менѣе года и уже въ слѣдующемъ году вернулись обратно въ свои родныя кочевья ²⁾.

Жеужани искони населяли Бэй-шань ³⁾. Входя сначала въ составъ народовъ хуннской державы, они стали затѣмъ преемственно данниками сяньбійцевъ ⁴⁾; однако, уже къ концу IV вѣка, они настолько усилились, что рѣшились порвать эту связь. Но первые ихъ шаги на этомъ пути были неудачны: императоръ Тоба-Гуй настигъ ихъ въ Бэй-шаньскихъ горахъ, у гряды Нань-чжуанъ-шань, и принудилъ ихъ вернуться обратно. Поселенные затѣмъ внутри Китая, въ Датунъ-фу, они оставались тамъ до 394 г., когда вторично бѣжали за Хуанъ-хэ. Пройдя Бэй-шань, они вторглись въ Халху и Джунгарію ⁵⁾, объединили здѣсь подъ своею властью

¹⁾ Какъ кажется, однако, хунны продолжали еще нѣкоторое время властвовать въ Ордосѣ, что видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Сяньбійскій князь Тоба-Шиигянь покорилъ въ 361 г. хуннскаго князя Лю-вэйченя». И далѣе: «Лю-вэйченю поручено управленіе Ордосомъ и Заордосомъ» («Записки о Монголіи», III, стр. 74—75).

²⁾ Ab. Remusat «Hist. de la ville de Khotan», стр. 21; Іакинфъ «Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 82; Успенскій, *op. cit.*, стр. 116, пишетъ, что тогонцы возвратились на родину лишь въ 452 году.

³⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азій», IV, стр. 14. «Зап. о Монг.», III, стр. 101.

⁴⁾ «Жеужани изъ рода въ родъ служили дому Дай» («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азій», I, 2, стр. 207).

⁵⁾ Имѣя въ виду, что императоръ Тоба-Дао въ 399 г. доходилъ до Тарбагатая, слѣдуетъ думать, что жеужани появились въ Джунгаріи не ранѣе 400 года.

разрозненныя гаогюйскія поколѣнія ¹⁾, на сѣверѣ покорили ко-

¹⁾ Время появленія гаогюйцевъ въ Джунгаріи неизвѣстно. Я постараюсь доказать, однако, что оно предшествовало завоеванію этой страны жеужанями.

Въ исторіи Сѣверныхъ Дворовъ (307—581 гг.) по отношенію къ Гаочану сказано, что по сѣверную сторону горъ Ши-хань-шань, т. е. Тянь-шаня, служащихъ ему границею, *лежитъ тэлэская межа* (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 150). Это сообщеніе не имѣетъ, однако, существеннаго значенія, такъ какъ не сопровождается указаніемъ времени, когда тэлэсы, или все то же — гаогюйцы, сдѣлались сосѣдями гаочанцевъ.

Родиной тэлэцевъ считается обширная долина р. Селенги (Ср., однако, Іакинфа, *op. cit.*, I, 2, стр. 247, слѣдуя которому гаогюйцы только въ исходѣ IV вѣка переселились съ южной окраины Гоби, гдѣ жили отъ Ордоса къ западу, т. е. въ восточномъ Бэй-шанѣ, на сѣверѣ, въ Алтай и долину р. Селенги). Когда они размножились, часть ихъ перешла черезъ Хангай и поселилась въ долину Лу-хунь-хай, которая можетъ быть только такъ называемой Пѣвцовымъ («Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Внутренняго Китая», глава III, въ «Запискахъ Зап. Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1883 г., V) «долиной большихъ озеръ» залегающей между Хангаемъ и Южнымъ Алтаемъ, носящимъ здѣсь названіе Ирдынъ-ула. Отсюда они предпринимали набѣги на сѣверные предѣлы Китая, что и вынудило Тай-ву-ди Тоба-Дао выступить противъ нихъ во главѣ значительныхъ силъ. Тоба-Дао шелъ внизъ по р. Жо-шуй, впадающей въ Собо-норъ (Deguignes — «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», II, стр. 3). Это Эцзинъ-голь, долина коего служила обычной дорогой для сообщенія Алтая съ Китаемъ. Достигнувъ Алтая, онъ нанесъ рѣшительное пораженіе тэлэсамъ, послѣ чего перешелъ горы Лань-шань и вновь разбилъ ихъ ополченіе. Въ 429 г. Тоба-Дао предпринялъ вторичный походъ на сѣверную окраину Гоби, на этотъ разъ съ цѣлью наказать жеужаней. Поразивъ ихъ и желая еще болѣе ихъ обезсилить, онъ напалъ на подвластные имъ гаогюйскія поколѣнія, жившія отъ нихъ къ востоку («après avoir battu les Tartares Geou-gen, envoya des troupes contre plusieurs bandes des Kao-tche (гаогюйцевъ), qui campaient du côté de l'orient», etc. Deguignes, *ib.*), покорилъ ихъ и множество семействъ увелъ за собой на югъ, гдѣ и расселилъ ихъ вдоль сѣверной границы Китая отъ Юнь-бань-фу въ Чжилійской провинціи до Янь-ань-фу въ Шэньсійской (Ср. de Mailla, *op. cit.*, V, стр. 27). Въ 443 г. эти поселенцы возстали, но были усмирены; впослѣдствіи же, оставаясь въ подданствѣ имперіи Юань-вэй, они то служили въ императорскихъ войскахъ, то совершали набѣги съ одной стороны на жеужаней, съ другой — на китайцевъ; но, вообще, дальнѣйшая исторія ихъ мало извѣстна.

Что касается до гаогюйскихъ поколѣній, оставшихся жить въ Алтаѣ, то хотя они и продолжали считаться вассалами жеужаней, тѣмъ не менѣе не разъ предпринимали самостоятельныя нападенія на Китай.

Въ 487 г. между жеужанями и этими сѣверными гаогюйцами возникли несогласія, послѣдствіемъ коихъ было отдѣленіе нѣкоторыхъ гаогюйскихъ поколѣній и уходъ ихъ на западъ, т. е. въ Джунгарію. Такимъ образомъ 487 годъ является первымъ, отмѣченнымъ исторіей, годомъ переселенія тэлэцевъ въ Притяньшанье. Что, однако, они жили тамъ и ранѣе и не только жили, но и властно распоряжались въ странахъ, лежавшихъ на югъ отъ Тянь-шаня, видно изъ нижеслѣдующаго свидѣтельства китайской исторіи: «Въ пятое лѣто, 482, гаогюйскій владѣтель Кэчжило убилъ Гань Шеу-гуй съ братомъ и нѣкоего Чжань Мынь-Минъ, уроженца Дунь-хуана, поставилъ владѣтелемъ Гаочана» (Іакинфъ, *ib.*, стр. 157. Ма-дуань-линь относитъ это событіе даже къ 481 г. См. St. Julien «Oïgours», въ «Journ. Asiat.», 1847, стр. 196). Но насколько раньше? На это прямого отвѣта исторія намъ не даетъ. Можно, однако, допустить, что уже въ неизвѣстную намъ эпоху перваго движенія гаогюйцевъ на югъ, нѣкоторыя ихъ поколѣнія заняли своими кочевьями Джунгарскія степи. Косвенное указаніе этому мы находимъ у Дегиня, который пишетъ: «Après que les Huns eurent été chassés du Nord de la Chine, la plus grande partie se retira dans les pays septentrionaux; le reste passa directement à l'occident... et se répandit dans les plaines, qui s'étendent jusqu'à la mer Caspienne, et comme ces Huns portaient le nom de Te-le ou Tie-le», etc. (*ib.*, I, 2, стр. 325). Что изложенное не присочинено Дегинемъ, это видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Владѣтельный домъ народа ѣда происходитъ отъ одного рода съ большимъ юэчжи. Другіе сказываютъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени» (Іакинфъ, *op. cit.*, III, стр. 177). Приведенныя выдержки подтверждаютъ лишь то, что можно было пред-

чевавшіе тамъ остатки сѣверныхъ хунновъ, на югѣ овладѣли

положить уже а priori, а именно, что хунны въ своемъ движеніи на западъ увлекли и часть гаогюйскихъ родовъ, которые, спустя долгое время, оставались еще въ вассальной зависимости отъ сѣверныхъ хунновъ, что, между прочимъ, видно изъ того, что и по уходѣ на западъ, къ Касію, государи сѣверныхъ хунновъ продолжали считаться владыками всѣхъ земель на востокъ до Баркуля. Сверхъ того нельзя не поставить вопроса: если не тѣлэ, то кто же другой, съ уходомъ хунновъ на западъ, въ теченіе трехъ столѣтій, кочевалъ въ Восточной Джунгаріи? Правда, китайцы не разъ еще пишутъ о сѣверныхъ хуннахъ, и послѣ разгрома 93 года продолжавшихъ, будто бы, властвовать около столѣтія въ Притяньшаньѣ (см. Іакинфъ, *op. cit.*, II, стр. 133—135), но я думаю, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, что китайцы ошибались, приписывая сѣвернымъ хуннамъ дѣянія гаогюйцевъ, хотя вполне возможно, что послѣдними, дѣйствительно, въ этотъ періодъ времени продолжали еще управлять князья изъ шаньюева рода. Замѣчу еще, что Шелунь, основатель жеужаньскаго ханства, нашелъ уже гаогюйцевъ, и именно въ исходѣ IV вѣка, къ сѣверу отъ великой песчаной степи, причемъ, по выраженію китайской лѣтописи, далеко прошелъ ихъ землями (Іакинфъ, *ib.*, I, стр. 208; Grosier въ «Hist. générale de la Chine», IV, стр. 522). Этого не могло бы случиться, если бы гаогюйцы незадолго передъ симъ переселились съ южной на сѣверную окраину Гоби. Въ поясненіяхъ къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» («Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», по Отд. Этн., т. XXIV, 1895), на стр. 465, также читаемъ: «При сѣверной Вэйской династіи (386—534) земля эта (Ди-хуа) принадлежала гаогюйцамъ, потомъ перешла къ жеужанямъ».

Тѣлэ было не единственное племя, увлеченное хуннами на западъ. Ту же участь раздѣлил и народъ юебань, о которомъ Іакинфъ сообщаетъ намъ крайне сбивчивыя свѣдѣнія (*ib.*, стр. 163). «Владѣніе Юебань лежитъ, пишетъ Іакинфъ, отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ аймакъ, прежде принадлежавшій шаньюю сѣверныхъ хунновъ, прогнанному китайцами. Сѣверный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай; см. Іакинфъ, *op. cit.*, IV, стр. 21; тогда какъ Алтай носилъ названіе Гинь-шань; впрочемъ, Klaproth Гинь-вэй-шанемъ называетъ ту часть южнаго Алтая, которая даетъ начало Черному Иртышу; см. «Tableaux historiques de l'Asie», стр. 109), ушелъ на западъ въ Кангюй, а малосильные, которые не въ состояніи были слѣдовать за нимъ, остались на сѣверной сторонѣ Кучи. Они занимаютъ нѣсколько тысячъ ли пространства и по числу составляютъ до 200 тысячъ душъ. Обыкновенія и языкъ одинаковыя съ гаогюйскими. На южныхъ предѣлахъ сего владѣнія находится большая гора. Каменья по бокамъ горы отъ жару расплавляются и сія жидкость, протекши нѣсколько десятковъ ли отъ горы, густѣетъ и отвердѣваетъ». Засимъ, изъ послѣдующаго о Юебани видно, что владѣніе это находилось въ сношеніяхъ съ Китаемъ и жеужанями, но послѣдними никогда покорено не было.

Здѣсь все неясно. Юебань когда-то составляло аймакъ. Что же, когда осѣдали по пути малосильные, то въ числѣ сихъ послѣднихъ оказались и всѣ юебаньцы? Еще менѣе ясно, гдѣ произошло это осѣданіе. У Іакинфа говорится: къ сѣверу отъ Кучи, каковому опредѣленію и соотвѣтствуетъ описаніе особенностей горы (Бэй-шаня). Однако, въ столь точно указанномъ мѣстѣ юебаньцы не могли осѣсть; это видно изъ слѣдующаго: 1) при своихъ нападеніяхъ на усуней, жеужане не проходили юебаньскихъ земель; 2) владѣніе Юебань находилось по тѣмъ же извѣстіямъ къ сѣверо-западу отъ владѣнія Усунь, занимавшаго въ ту эпоху, т. е. въ I вѣкѣ по Р. Хр., всѣ земли между Шихо и оз. Иссыкъ-кулемъ; 3) владѣніе Юебань простиралось въ длину на нѣсколько тысячъ ли, т. е. занимало такую площадь, какой, если исключить усуньскія земли, нельзя найти въ предѣлахъ горной страны, къ сѣверу отъ Кучи; если же юебаньцы занимали сверхъ того и Джунгарію, откуда, однако, предварительно имъ слѣдовало еще вытѣснить усуней, то они не могли не имѣть столкновеній съ сяньбійцами, чешисцами, тѣми же усунями и, наконецъ, жеужанями, о чемъ, между тѣмъ, исторія совершенно умалчиваетъ.

Klaproth («Tabl. hist. de l'Asie», стр. 110) то же китайское извѣстіе передаетъ такъ: «Ils (les Hioung-nou) furent donc contraints de s'arrêter au N. de Koutché dans un pays, qui avait quelques milliers de li d'étendue et où ils se fixèrent pendant quelque temps sous le nom Yue-pan. Plus tard ils allèrent au N.-O. et habitèrent sous le même nom le pays situé des deux côtés des monts Oulou-tau (Улугъ-тагъ) et Alghin-tau».

Дегинь ничего не пишетъ о Кучѣ, а говоритъ только, что на южной границѣ государства находится гора, «ou l'on trouve une sorte de pierre, etc.», и которая называется Che-lieou-hoan

обоими Чэши и Яньци ¹⁾ и, двинувшись отсюда на востокъ, уже къ 402 г. стали обладателями огромнаго царства отъ Тарбагатая до Чаосяни (юго-восточной Маньчжуріи) ²⁾.

(Шэ-лю-хуань) (см. op. cit., V, 2, стр. LXXVII). Дегинь полагаетъ, что это государство занимало земли нынѣшней Башкиріи, что оспаривать я не стану, но что также противорѣчитъ китайскому извѣстію. Согласно съ Дегинемъ пишетъ и Neumann, op. cit., стр. 34—35: «Jueran mag aber, wenn nicht das Land der Jugri, was am warscheinlichsten ist, bloss eine Verstümmlung des Namens Eulysia sein, wie Prokop die ganze Steppengegend vom Asowischen See weiter gegen Osten nennt». Наконецъ, Аристовъ помѣщаетъ Юебань непосредственно къ сѣверу отъ восточнаго Тянь-шаня (op. cit., стр. 77) — мнѣніе, съ которымъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, я согласиться никакъ не могу. Напомню, что китайскіе историки и хягасовъ, жившихъ, какъ извѣстно, по Енисею, расселяли къ западу отъ Хами и къ сѣверу отъ Карашара (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 443). Вообще говоря, это указаніе вѣрное, но только, основываясь на немъ, все же нельзя подъ кочевья хягасовъ отводить земли южной Джунгаріи!

Я думаю, что владѣніе Юебань занимало первоначально долину Чернаго Иртыша и Зайсанскую котловину; въ V же вѣкѣ, можетъ быть, распространилось и далѣе къ западу. Ср. съ тѣмъ, что сообщаетъ de Mailla (op. cit., III, стр. 395) о бѣгствѣ хунновъ. Согласно съ его передачей китайскихъ сказаній, юебаньцы должны были осѣсть не къ востоку, а къ западу отъ Тарбагатая. По «Тай-цинъ-и-тунъ-чжи» долина Или въ періодъ династіи Вэй принадлежала частью гаогюйцамъ, частью юебаньцамъ (St-Julien — «Notices sur les pays et les peuples étrangers» въ «Journal asiatique», 1846, VIII, стр. 388). Parker («A thousand years of the Tartars», стр. 168) равнымъ образомъ помѣщаетъ владѣніе Юебань въ долину Или.

Кажется, въ VII в. именно это владѣніе называлось Чу-юе, такъ какъ главную массу его населенія составляли несомнѣнно чуйскія племена. У de Mailla читаемъ: «Un certain Kou-tchu de la horde Tch'u-yé, dépendante du royaume de Tch'u-yué, qui habitait à l'est de Pou-leï-haï et au sud de la montagne Kin-po-chan, tua le mandarin que l'empereur Taï-tsong leur avait donné pour les gouverner et il avait fait alliance avec Ho-lo des Tou-kiueï» (op. cit., VI, стр. 126). Іакинфъ не дѣлаетъ различія между государствами Чу-юе и племенемъ Чу-ѣ.

Я коснулся вопроса о народѣ юебань, главнымъ образомъ, потому, что въ разсужденіяхъ Klarroth'a о происхожденіи хунновъ, явившихся въ Европу въ IV в., юебаньцы играютъ видную роль; именно, Klarroth (ib., стр. 242) хочетъ видѣть въ этихъ послѣднихъ остатки разбитыхъ китайцами въ 93 г. хунну, т. е. хунновъ, перемѣнившихъ только свое племенное названіе. Такимъ путемъ онъ пытается доказать, что европейскіе хунны уже потому не могли имѣть ничего общаго съ азіатскимъ народомъ хунну, что послѣдній въ IV в. въ Азіи подъ этимъ именемъ не существовалъ уже болѣе. При нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній исторіи той эпохи представляется, однако, несомнѣннымъ, что Хунну — китайцевъ, *Οὐνοί* — византійскихъ и Chunni или Hunni европейскихъ историковъ, Хункъ Моисея Хоренскаго, были однимъ и тѣмъ же народомъ, который, послѣ разгрома 93 г., двигаясь на западъ, около конца перваго вѣка, но, можетъ быть, и раньше, утвердился въ степяхъ между Аральскимъ моремъ, Ураломъ и Каспіемъ, а во второй половинѣ IV столѣтія, при императорѣ Валентѣ, перешелъ Волгу, поразилъ алановъ и, покоряя и увлекая съ собою народы, обитавшіе въ нынѣшней южной Россіи, достигъ береговъ Дуная. Впрочемъ, этотъ взглядъ на тождественность азіатскихъ и европейскихъ хунновъ высказывали уже Дегинь, Вивьенъ де С. Мартенъ, Нейманъ и др. См., однако, Parker — «A thousand years of the Tartars», стр. 2 и 168. Интересно приводимое Parker'омъ замѣчаніе Gibbon'a: «Attila, the son of Mundzuk, deduced his descent from the ancient Huns who had formerly contended with the monarchs of China».

¹⁾ Эти владѣнія, впрочемъ, были къ этому времени данниками гаогюйцевъ. Подробнѣе см. I т. «Опис. путеш. въ Зап. Китай», стр. 219.

²⁾ У Gaubil'a («Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois, par les missionnaires de Pékin», XV, 1791, стр. 418—419) читаемъ: «Ils se faisaient payer tribut par les princes du nord des Indes (?), par ceux du pays de Balk et par ceux qui régnaient dans la Transoxane. Ils occupaient tous les pays entre les fleuves Selinga, Orgoun, Irtis, Oby et les vastes pays au nord du fleuve Si-hian (Tche, см. стр. 403), jusqu'au nord de la mer Caspienne. C'est sans doute la puissance des

Исторія жеужанскаго царства знаменуется внутренней борьбой съ своевольными гаогюйскими поколѣніями и внѣшней съ императорами сѣвернаго Китая, причемъ театромъ этой послѣдней борьбы являлась обыкновенно та часть Гобійской пустыни, которая залегаетъ между Эцзинь-голомъ (Чжань-ѣ-шуй), Ала-шанемъ и горами Алтайской системы.

Въ 429 г. императоръ Тоба-Дао нанесъ рѣшительное поражение жеужанямъ и опустошилъ ихъ земли въ Халхѣ и Джунгаріи. Этимъ онъ хотя и принудилъ ихъ признать себя данниками Китая, но не могъ удержать ихъ надолго въ покоѣ: пограничныя сшибки и опустошительныя набѣги на сѣверныя области имперіи вскорѣ возобновились и потребовали отъ него снаряженія цѣлаго ряда экспедицій для наказанія буйныхъ сосѣдей. Въ 440 году жеужани, воспользовавшись войной Тоба-Дао съ Цзюйцуй Мугянемъ, владѣтелемъ княжества Лянъ, въ Хэси ¹⁾, вторглись въ сѣверный

Jeou-gen qui obligea les Alains et beaucoup de hordes des Huns à passer les fleuves Jaick et Volga pour aller s'établir ailleurs». У другихъ компиляторовъ китайскихъ историковъ подобныхъ указаній на границы жеужанскихъ владѣній мы не находимъ.

Согласно съ Parker'омъ («A thousand years of the Tartars», стр. 161), жеужанскія земли простирались на западъ до Карашара, на востокъ до Кореи; резиденція же ихъ кагановъ находилась къ сѣверу отъ Гань-чжоу, вѣроятно, въ долинѣ р. Эцзинь-гола. Къ сожалѣнію, Паркеръ не говоритъ намъ, откуда заимствовалъ онъ это драгоценное извѣстіе.

¹⁾ Въ началѣ IV в. Цзиньская династія потеряла сѣверный Китай, который, по выраженію Иакинфа, «сталъ поприщемъ для кочевыхъ героевъ» («Зап. о Монг.», стр. 56). Онъ распался на 16 владѣній, правителями коихъ явились хуннскіе и сяньбийскіе родовичи. Эпоха эта извѣстна въ китайской исторіи подъ именемъ «Ши-лю-го» (16 владѣній). Начало такому распаденію положилъ правитель южныхъ хунновъ (см. выше) Лю-юань, хуннъ родомъ, который, воспользовавшись смутами въ имперіи, провозгласилъ себя въ 304 г. княземъ въ Пинь-янѣ, въ округѣ Бинь-чжеу (къ сѣверо-западу отъ Си-ань-фу). Онъ положилъ основаніе династіи Цянь-чжоу и тѣмъ открылъ въ сѣверномъ Китаѣ періодъ Ши-лю-го. Среди 16 помянутыхъ владѣній было нѣсколько, именованныхъ Лянъ, въ коихъ княжили фамиліи Ту-фа, Ли-ши и Цзюй-цуй. Фамилія Цзюй-цуй владѣла Бэй или Сѣвернымъ Ляномъ (основаніе этому владѣнію положилъ китаецъ Гуань-ѣ; Цзюй-цуй Мэнь-сунь же былъ лишь узурпаторомъ, овладѣвшимъ престоломъ въ 401 г. См. Videlou, op. cit., стр. 24). Въ 421 году Мэнь-сунь Цзюй-цуй овладѣлъ Си или Западнымъ Ляномъ (еще раньше, какъ кажется, овладѣлъ онъ Хоу-Ляномъ). Объединивъ, такимъ образомъ, подъ своею властью всю древнюю область Хэси, Мэнь-сунь провозгласилъ себя ваномъ Хэси. Въ «Мэнь-гу-ю-му-цзи» («Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.», т. XXIV, стр. 152) говорится однако: «Послѣ 312 г. земля эта (Эцзинь-голь) отошла къ Чжань-гуй'ю, владѣльцу ранней Лян'ской династіи. Затѣмъ ею послѣдовательно владѣли хоу-лян'скій Цзюй-цуй Мэнь-сунь и си-лян'скій Ли-хао». Это невѣрно, такъ какъ императоръ Тоба-Дао отнялъ Хэси у владѣтелей рода Цзюй-цуй. Мугянь Цзюй-цуй былъ вторымъ и послѣднимъ княземъ Хэси. Владѣнія фамиліи Цзюй-цуй при Мэнь-сунѣ составлялись такимъ образомъ изъ земель, лежавшихъ къ сѣверу отъ Нань-шаня между Хуань-хэ на востокѣ и Эцзинь-голомъ на западѣ. Въ «Мэнь-гу-ю-му-цзи» сказано: «Кочевье алашаньскихъ монголовъ лежитъ на западъ отъ Ордоса. При династіи Хань — это была западная часть округа Бэй-ди и сѣверная — округовъ У-вэй и Чжань-ѣ (Гань-чжоу). При Цзиньской династіи (263—420 гг. по Р. Хр.) здѣсь были княжества: Цянь-Лянъ, принадлежавшее Ужань-Гуй'ю, Хоу-Лянъ — Люй-гуану и Бэй-Лянъ — Цзю-цуй'ю и (?) Мэнь-суню» (стр. 115). Ср. Deguignes «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», I, 1, стр. 117—118 и 223.

Китай и осадили столицу имперіи Дай (нынѣ Да-тунъ-фу). Но они не могли взять города и поспѣшно отступили изъ подъ его стѣнъ, встревоженные извѣстіемъ, что аррьергардъ, оставленный ими по сѣверную сторону Инъ-шаня, на голову разбитъ императорскими войсками.

Въ то же время братья Мугяня, Ухой и Аньчжеу, бѣжавшіе изъ Хэси, укрѣпились въ Дунъ-хуанѣ, откуда они попытались было овладѣть и Шаньшанью, но неудачно. Тѣмъ не менѣе шаньшаньскій владѣтель, сознавая всю бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія, въ порывѣ отчаянія рѣшился на поступокъ, рѣдкій въ исторіи Востока: уходя съ большей половиной своего народа на западъ, въ Цзюйми, онъ, дабы «затруднить сообщеніе» ¹⁾ и тѣмъ обезпечить себѣ путь отступленія, приказалъ опустошить свои собственныя владѣнія. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ вернулъ себѣ снова Шаньшань.

Что касается Ухоя и Аньчжеу, то, преслѣдуемые императорскими войсками, они вынуждены были вскорѣ покинуть Дунъ-хуанъ и бѣжать еще дальше на западъ. Здѣсь они овладѣли южнымъ Чеши (443 г.) и Гаочаномъ (446 г.) и основали Гаочанское княжество ²⁾, которое было у нихъ отнято лишь въ 460 г. жеужанями.

Въ 447 г. императоръ Тоба-Дао «покорилъ Восточный Туркестанъ и произвелъ такое опустошеніе въ жеужаньскихъ земляхъ, что жители ихъ долго не могли помышлять о набѣгахъ на сѣверные предѣлы Китая».

Отмѣченныя въ ковычкахъ слова принадлежатъ Іакинфу ³⁾. Я не нахожу, однако, въ китайскихъ лѣтописяхъ этого періода указаній, ближайшимъ образомъ свидѣтельствующихъ о покореніи императоромъ Тоба-Дао всего Восточнаго Туркестана ⁴⁾; во всякомъ случаѣ въ 460 г. Притяньшань уже снова находилось во власти жеужаней, а въ 467 г. они впервые опустошили Хотанъ ⁵⁾.

Успѣхъ, сопровождавшій жеужаней въ ихъ походахъ въ Восточный Туркестанъ, не вознаграждалъ ихъ, однако, за тѣ потери, какія несли они въ другихъ частяхъ своего государства. Сяньбійцы

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 141.

²⁾ *Ib.*, стр. 150.

³⁾ «Зап. о Монголіи», III, стр. 83.

⁴⁾ Полководцемъ Ду-гуюемъ были завоеваны только два владѣнія: Яньци и Гуйцы; при этомъ въ китайской лѣтописи сказано: «въ Яньци Ду-Гуй проникъ съ востока. Не значитъ ли это — изъ Джунгаріи? Наказавъ обоихъ владѣльцевъ за ихъ строптивость, но не смѣстивъ ихъ, Ду-гуй возвратился».

⁵⁾ «Histoire de la ville de Khotan», стр. 25.

по прежнему громили ихъ въ Халхѣ, на западѣ же возстали гаогюйцы, которые отторгли отъ ихъ владѣній Тарбагатайскія земли. Впрочемъ, уже раньше гаогюйцы чувствовали себя полными хозяевами въ Джунгаріи и Притяньшаньѣ; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ Гаочанѣ, въ 432 г., они казнили жеужанскаго ставленника, поставивъ правителемъ этого княжества нѣкоего Мынь-Мина, выходца изъ Дунь-хуана.

Въ 508 г. гаогюйцы на голову разбили жеужаней гдѣ-то въ предѣлахъ Восточнаго Туркестана ¹⁾, но уже восемь лѣтъ спустя должны были смириться и снова признать себя данниками этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, на этотъ разъ не надолго, такъ уже въ 521 г., пользуясь смутами среди жеужаней, они ворвались въ ихъ предѣлы и принудили ихъ къ бѣгству на югъ, въ Хэси, гдѣ тѣ и отдались подъ покровительство императорскаго правительства. Расселенные на свободныхъ земляхъ Чахара и Куку-нора ²⁾, они однако не захотѣли здѣсь оставаться и уже въ слѣдующемъ году бѣжали на сѣверъ. Западные аймаки ихъ, уходившіе съ Куку-нора, были настигнуты императорскими войсками, разбиты на голову и возвращены ³⁾, восточные же успѣли откочевать безпрепятственно и вскорѣ вернули себѣ часть своихъ прежнихъ кочевій въ Халхѣ.

¹⁾ Иакинфъ пишетъ: «при Лобъ-норъ». См. «Зап. о Монг.», III, стр. 150.

²⁾ «Записки о Монголіи», II, стр. 106. Но въ примѣчаніи 587 къ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 473, сказано: «Жеу-жаньскіе владѣтели Анагуи и Поломынь одинъ за другимъ пришли съ изъявленіемъ покорности; изъ нихъ послѣдній былъ поселенъ въ Си-хай-цзюнь, отличавшемся плодородіемъ и находившемся въ 1,200 ли на С.-З. отъ уѣзда Чжань-ѣ (Гань-чжоу) и въ 1,000 слишкомъ ли отъ горъ Цзинь-шань (Гинь-шань, т. е. Алтайскихъ горъ), въ которыхъ обитали гаогюйцы». Такимъ образомъ, по мнѣнію китайскихъ комментаторовъ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», Поломынь былъ поселенъ въ долину р. Эцзинь-гола. Въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 2, стр. 432, мы находимъ на этотъ счетъ нижеслѣдующія указанія: «Какъ отъ крѣпости Хуай-шо-чжень на сѣверѣ земли хорошія, но нѣтъ горъ; ключъ Тужоси отъ Дунь-хуанъ на сѣверъ и Си-хай-гюнь суть два укрѣпленные мѣста династій Хань и Цзинь; тамъ земли обширныя, ровныя, тучныя, то полагаемъ Анакуаня помѣстить на западѣ при Тужоси, Поломыня — въ Си-хай-гюнь». «Поломынь будетъ жить при Си-хай, *внутри пограничной черты...*» «Въ 12 лунѣ Минь-ди указалъ дному сановнику отправиться въ Дунь-хуанъ для поселенія Поломыня». Тамъ же, IV, стр. 81, читаемъ: «Хуай-шо-чжень есть названіе крѣпости, находившейся въ Уратскомъ аймакѣ, отъ Знамени на С.-В. Тхай-ву плѣнныхъ жеу-жаньцевъ расселилъ по южную сторону песчаной степи на востокъ до вершинъ Шанду-гола, на западъ до горъ Инь-шань въ Ву-юань; и сіе пространство, содержащее до 3,000 ли протяженія, раздѣлилъ на шесть крѣпостей, изъ коихъ самая западная была Хуай-шо». Разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ теперь очень трудно; во всякомъ случаѣ, за что бы мы ни принимали Си-хай (цзюнь), за озеро ли Куку-норъ или мѣстность при устьяхъ р. Эцзинь-голь, дорога туда изъ Лянъ-чжоу не могла идти черезъ Дунь-хуанъ. Сомнительно также, чтобы китайцы могли поселить аймакъ Поломыня гдѣ-либо въ окрестностяхъ Куку-нора. Въ эту эпоху тамъ господствовали тугухунцы, о которыхъ китайская лѣтопись говоритъ: «Между 492 и 524 годами тугухунцы, хотя и продолжали считаться вассалами дома Вэй, но были не менѣ послѣднихъ богаты и сильны» («Ист. Тиб. и Хухун.», I, стр. 84).

³⁾ Они были поселены въ предѣлахъ Внутренняго Китая.

Здѣсь они просуществовали до 555 г., когда тукіэскій ханъ Мугань совершенно ихъ уничтожилъ, потребовавъ казни даже тѣхъ жеужанскихъ родовичей, которые, въ числѣ 3 тысячъ, бѣжали въ сѣверный Китай, ища тамъ защиты и покровительства. И могущество тукіэсцевъ въ эту пору было уже столь велико, что императоръ Вынь-ди, изъ боязни впутаться въ войну съ сѣвернымъ сосѣдомъ, поспѣшилъ исполнить требованіе: бѣглецы были выведены за городскія стѣны и умерщвлены въ присутствіи Муганева посла.

Усиленіе тукіэсцевъ ¹⁾ было быстрымъ и неожиданнымъ. До 535 г. китайская исторія вовсе не упоминаетъ о названномъ племени ²⁾; подъ этимъ же годомъ значитъ, что тукіэсцы, спустившись съ Алтая, ударили во флангъ гаогюйцамъ ³⁾, шедшимъ противъ жеужаней, нанесли имъ жестокое пораженіе и, присоединивъ ихъ земли къ своимъ, образовали сильное ханство. Въ 552 г. они въ первый разъ разбили жеужаней; въ 555 же году, какъ сказано выше, положили конецъ существованію этой державы и распространили при этомъ границы своего государства на югъ до Кукунора ⁴⁾ и на востокъ до береговъ Желтаго моря ⁵⁾. Въ 582 г.

¹⁾ Я употребляю для имени этого народа транскрипцію, принятую о. Іакинфомъ. Правильнѣе было бы, однако, писать: ту-гюѣ или ту-цзюѣ, а не ту-кіэ. Этотъ же народъ у византійскихъ историковъ именовался *Tourkoi*. Я сохраняю здѣсь неправильную китайскую транскрипцію ради удобства и изъ нежеланія отождествить его съ тѣмъ народомъ, который позднѣе завоевалъ Византію. Послѣдній былъ смѣшаннымъ племенемъ, но, главнымъ образомъ, состоялъ изъ кангловъ и кипчаковъ.

²⁾ Gaubil ошибочно пишетъ: «C'est l'an de J. C. 545 que l'histoire chinoise parle pour la première fois des Tou-kue». Ср. Іакинфъ «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», I, стр. 266; St. Julien, «Documents historiques sur les Tou-kioüe» въ «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 475.

³⁾ Gaubil («Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang» въ «Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois par les missionnaires de Pékin», XV, 1791, стр. 419) рассказываетъ это событіе такъ, что тукіэскій ханъ Тумынь хотѣлъ отличиться въ глазахъ жеужаней, ради чего и напалъ на возмущившихся тэлэ.

⁴⁾ Въ этомъ же году тукіэсцы въ союзѣ съ китайцами нанесли жестокое пораженіе тогонцамъ («Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 85). Область Хэси при этомъ, однако, оставалась во власти китайцевъ, что видно изъ слѣдующаго: «Въ 578 г. Тобо-ханъ обложилъ Цзю-цюань (Су-чжоу), произвелъ большое грабительство и ушелъ» («Свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 275).

⁵⁾ На восточной сторонѣ орхонскаго памятника сказано объ основателяхъ тукіэской державы: «Aux quatre coins du monde ils avaient beaucoup d'ennemis, mais faisant des expéditions avec des armées, ils asservirent et pacifièrent beaucoup de peuples aux quatre coins du monde; ils leur firent baisser la tête et ployer le genou; ils les firent s'établir en avant jusqu'à la forêt de Kadirkan (Thomsen полагаетъ, что это Большой Хингань), en arrière jusqu'à la Porte de Fer». Мѣстностей, носившихъ названіе Желѣзныхъ воротъ, въ Азіи было нѣсколько. Thomsen думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ ущельѣ, находящемся между сел. Кара-Ховалемъ и Дербентомъ, по дорогѣ изъ Карши въ Ширъ-Абадъ. См. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 99. Это подтверждается далѣе (стр. 108) словами: «Nous fimes une expédition contre les Sogdak (содіанцевъ) et nous les devastâmes», при сопоставленіи ихъ съ слѣдующимъ мѣстомъ надписей: «Pour organiser le peuple Sogdak je fis une expédition jusqu'à la Porte de Fer en passant la rivière des Perles (Сыр-дарья?)» (стр. 110).

тукіэсцы опустошили сѣверный Китай. Видя полную невозможность

Радловъ и Меліоранскій («Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи», IV, стр. 17) переводятъ это мѣсто такъ: «На востокъ вплоть до Кадырканской черви, на западъ до Темиръ-капыга».

Barthold въ «Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften» (въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» Радлова) высказываетъ предположеніе, что подъ именемъ «Желѣзныхъ воротъ» слѣдуетъ разумѣть не знаменитый проходъ Бусгала (таково современное названіе «Желѣзныхъ воротъ» Сюань-Цзая, Рюи Гонзалеса де Клавихо и др.), а Талкинскій переваль. Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Тогда какъ проходъ Бусгала былъ издавна извѣстенъ, первыя свѣдѣнія о Талкинскомъ перевалѣ не восходятъ далѣе начала XIII вѣка, когда Чаадай впервые приспособилъ его къ колесному движенію. Пользовались ли имъ раньше для прохода изъ Джунгаріи въ Илійскую долину — неизвѣстно; но я думаю — что нѣтъ. Какое значеніе могъ онъ имѣть для кочевниковъ, когда рядомъ съ нимъ существовало и существуетъ нѣсколько превосходныхъ и къ тому же легко доступныхъ даже зимой переваловъ? Его должны были тѣмъ болѣе избѣгать, что подступъ къ нему съ сѣвера, на протяженіи около 120 верстъ, совершенно бесплоденъ. Орхонскія надписи нѣсколько разъ упоминаютъ о Желѣзныхъ воротахъ. Выписываю эти мѣста:

«Впередъ вплоть до Кадырканской черви, назадъ до Темиръ-капыга онъ (Бумынъ-каганъ) расселилъ свой народъ» (Радловъ и Меліоранскій, *ib.*, стр. 17).

«Впередъ къ солнечному восходу они доходили (съ китайцами) до Бокли-кагана, назадъ они доходили до Темиръ-капыга» (*ib.*, стр. 18).

«Съ моимъ дядей — ханомъ мы ходили впередъ до земли Шаньдунской, назадъ до Темиръ-капыга» (*ib.*, стр. 21).

«Перейдя черезъ рѣку Иртышъ, мы прошли (дальше и) напали врасплохъ на народъ тургешскій... Тамъ (при Болчу) мы убили хана (тургешскаго) и покорили его народъ. Кара-Тургеши, услышавъ объ этомъ, отступили... (пропускъ) Чтобы привести въ порядокъ народъ Согдакъ, мы прошли, переправясь черезъ рѣку Йенчу, до Темиръ-капыга» (стр. 28—29).

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ ясно видно, что «Желѣзныя ворота» служили въ эпохи наибольшаго могущества тукіэ крайнимъ западнымъ пунктомъ, до котораго простирали свои набѣги ихъ ханы. Посмотримъ же, что говоритъ намъ по сему поводу исторія.

Самъ Бартольдъ пишетъ, что «im demselben Jahrhundert (т. е. въ VI в.) erstreckte sich das Reich der türkischen Chane auf alle Länder und Völker vom Stillen Ocean bis zum Schwarzen Meere», т. е. указываетъ на такія границы тукіэской державы, какія даютъ ей лишь византійскіе историки (Менандръ. См. «Византійскіе историки», стр. 382, 419, 420, 422 и 423; Теофанъ Византїецъ, *ib.*, стр. 492. Ср., однако, Saint Martin, приб. къ IX тому Lebeau «Histoire du Bas Empire», стр. 381 и 393). У Иакинфа же мы читаемъ только, что на западъ владѣнія тукіэ простирались до Западнаго моря («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 267) — указаніе, не отличающееся особою точностью, такъ какъ подъ Западнымъ моремъ у китайцевъ извѣстны были различные водные бассейны. У того же Иакинфа мы находимъ, однако, и другія указанія, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что разумѣли тукіэсцы подъ именемъ «Желѣзныхъ воротъ».

«Роды Хо, Косидо и Аньчюлошу, свидѣтельствуемъ намъ исторія Танской династіи, живутъ на древнихъ тухолоскихъ земляхъ и зависятъ отъ тукіэсцевъ. Владѣтель ихъ также изъ рода тукіэсцевъ. Онъ господствуетъ отъ «Желѣзныхъ воротъ» на югъ» («Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», III, стр. 249). «Желѣзныя ворота» описываются нижеслѣдующимъ образомъ: «По обѣимъ сторонамъ высокіе утесы. Цвѣтъ камней походитъ на цвѣтъ желѣза. Это мѣсто служитъ пограничнымъ укрѣпленіемъ для двухъ владѣній» (*ib.*, стр. 247). Къ этому Сюань-Цзанъ добавляетъ: «Quoiqu'il soit fort étroit, on a encore ajouté à ses obstacles naturels. On y a établi une porte à deux battants, qu'on a consolidée avec des plaques de fer. De plus on y a suspendu une multitude de clochettes du même métal» («Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», trad. par St. Julien, стр. 397).

Какъ далеко владѣнія тукіэсцевъ простирались на западъ, видно изъ нижеслѣдующаго:

«Послѣ сего (т. е. послѣ 558 г.) тукіэсцы разорили владѣніе Ъда, и поколѣнія разсѣялись» (*ib.*, стр. 179). «Въ прежнее время, когда въ Идани открылись смуты, тукіэсцы насильственно поставили своего правителя» (*ib.*, стр. 203). Въ поясненіе этого на стр. 256 того же сочиненія мы читаемъ: «Домъ Иданъ есть отрасль Большаго Юэчжи. Большой Юэчжи, вытѣсненный усунь-

съ успѣхомъ боротся съ вновь народившимся государствомъ, силь-

цами, удалился на западъ, прошелъ Давань (Ходжентъ и Ура-тюбе), напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе. Дахя есть Тухоло. Прозваніе владѣтеля было Ёдэ. Потомки превратили прозваніе это въ названіе государству, а Ёдэ въ Идянь или Идань» (ib., стр. 256). Дахя — китайское наименованіе Бактріаны и тоже, что *Δάα* Арріана; народъ Ёда — эфталиты византійскихъ историковъ; о покореніи ихъ тукіэсками см. «Виз. истор.», стр. 371, 374 и 493.

«Въ 605 г. тукіэсцы убили владѣтеля Чжеши (Ташкента) и управленіе владѣніями его поручили Дэлэ Фучжи» (ib., стр. 243).

«Въ правленіе Чженъ-гуань (627—649) владѣтель Боханьна (Полона, Фергана) былъ убитъ тукіэскимъ Ганьмохэду. Ашена Шуни отнялъ у послѣдняго городъ» (ib., стр. 251).

«Во владѣніи Цаогюй, имѣющемъ семь тысячъ ли въ окружности, живутъ смѣшанно тукіэсцы, гибиньцы (кабульцы) и тухолосцы (т. е. бактрійцы)». Одна изъ двухъ столицъ его именовалась Хосина, что С. Жюльенъ читаетъ «Kosna»; это нынѣшній афганскій городъ Газни (ib., стр. 456; «Mémoires sur les Contrées Occidentales» par Hiouen-Thsang, trad. du chinois par St. Julien II, стр. 185—187; Григорьевъ — дополненія къ Риттера — «Кабулистану и Кафиристану», стр. 826. Abel Rémusat, «Mémoires de l'Institut Royal de France, VIII, 1827, стр. 102, приурочиваетъ Цаогюй или Сѣи къ Сеистану). Во владѣніи Гуими (я думаю, что ближе всего это владѣніе соотвѣтствуетъ Гарму, т. е. Каратегину; предположеніе это высказывалось впрочемъ и раньше. См. W. Tomaschek «Centralasiatische Studien», I, Sogdiana, стр. 40; цит. по Минаеву — «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», стр. 59) владѣтель происходитъ изъ тукіэскаго дома Яньто (ib., стр. 259, Яньто былъ не тукіэскимъ, а тэлэскимъ родомъ).

«Въ концѣ династіи Суй (т. е. до 618 г.) тукіэскій Шэху-хань опустошилъ Босы (Персію), убилъ государя Кусахо; на его мѣсто поставленъ сынъ его Шили. Шэху послалъ своего намѣстника для надзора. По смерти Шили, Босы не захотѣло зависѣть отъ тукіэсцевъ и правительницею была поставлена дочь Кусахо. Тукіэсцы и ее убили» (ib., стр. 264; «Виз. ист.», стр. 398).

Подъ 640 г. сказано: «Тухоло, Ши, Шы, Хэ, Му, Канъ находились подъ его (Иби Шаболо Шеху Хана) державою» (Iak., op. cit., I, стр. 352).

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ (см. также Saint Martin, I. c., стр. 397) съ несомнѣнностью вытекаетъ, что тукіэсцы въ началѣ VII вѣка были знакомы съ знаменитымъ проходомъ, носившимъ именно въ эту эпоху свое характерное названіе «Желѣзныя ворота». Память объ этомъ проходѣ не должна была изгладиться у нихъ и въ послѣдующія времена, такъ какъ тукіэсцы, какъ мы видѣли, прочно укрѣпились въ бассейнѣ Аму-дарьи и даже южнѣе, въ долинѣ верхняго Гельменда. Къ тому же, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, ихъ силами дѣйствовали китайцы, предпринимая въ половинѣ VII вѣка (Iakinфъ, op. cit., I, стр. 360) свои походы на западъ. Мы не знаемъ, какъ далеко въ этомъ направленіи заходили танскіе полководцы (см. Abel Rémusat «Remarques sur l'extension de l'Empire Chinois du côté de l'occident» въ «Mémoires de l'Institut Royal de France», VIII, 1827, стр. 80—107, passim.); не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что слава объ ихъ побѣдахъ достигла съ одной стороны до народовъ, жившихъ у Каспія, съ другой — до народовъ Индостана. Возможно, что при этомъ, какъ это сообщаетъ намъ Могилянъ-хань, летучіе отряды тукіэсцевъ доходили и до Темиръ-капыга (см. A. Rémusat, I. c., стр. 103). Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нижеслѣдующія выдержки изъ исторіи Танской династіи:

«Въ 648 г. императоръ отправилъ въ одно изъ индійскихъ государствъ (Тянь-чжу) Вань Хюань-цэ. Его конвой былъ на границѣ разбитъ и уничтоженъ. Хюань-цэ бѣжалъ на востокъ, получилъ помощь отъ тибетцевъ и непальцевъ и съ этими вспомогательными отрядами не только разгромилъ тянь-чжускаго владѣтеля, но и взялъ его въ плѣнъ» (ib., стр. 232). Этотъ эпизодъ очень характеренъ, такъ какъ вполне рельефно рисуетъ намъ ту вліятельную роль, какую играли въ эту эпоху китайцы на западѣ Азіи.

«Въ 655 г. владѣніе Канъ (Самаркандъ; Abel Réwusat, «Nouv. mél. asiat.», I, стр. 227. Klaproth «Magasin Asiatique», стр. 121) переименовано было въ Канъ-гюй-ду-ду-фу (губернаторство) и владѣтель Фохуманъ поставленъ правителемъ» (ib., стр. 239).

«Между 656 и 660 гг. владѣніе Шы переименовано округомъ Кюйша» (ib., стр. 247).

«Въ 658 г. въ городѣ Ганьгэ (Ходжентъ?) учреждено правленіе Даваньской губерніи и владѣтель Гань тутунъ поставленъ владѣтелемъ оной» (ib., стр. 243).

НЫМЪ СВОИМЪ ЕДИНСТВОМЪ И МОЛОДОЙ ЭНЕРГІЕЙ, КИТАЙЦЫ ПРИБЪГЛИ

«Въ томъ же году владѣніе Мимо, находившееся къ югу отъ Кана (согласно съ Сюань-Цзанемъ, къ востоку; см. «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», trad. par St. Julien, стр. 442; у Klaproth'a къ юго-востоку — «Magasin Asiat.», стр. 105), переименовано въ округъ Наньми и владѣтель поставленъ правителемъ» (ib., стр. 245).

«Въ правленіе Юнь-вэй (650—655), получивъ извѣстіе, что домъ Танъ предпринимаетъ войну въ Западномъ краѣ, владѣтель Хэ изъявилъ желаніе доставлять съѣстные припасы для войскъ. Его владѣніе обращено было въ округъ Гуйшуанъ» (ib., стр. 246). «Хэ» я помѣщаю между Сыръ-дарьей и Аму-дарьей.

«Въ 658 г. Гѣсай (въ Ферганѣ) переименованъ былъ въ область Хюсюнь» (ib., стр. 252). Въ томъ же году, «въ городѣ Ануанъ (въ Тухоло), учреждено Юечжиское губернаторство; малые города раздѣлены на 24 округа и владѣтель Ашина поставленъ правителемъ» (ib., стр. 255), и въ томъ же году, «въ городѣ Лоланъ (лежалъ въ Афганскомъ Туркестанѣ) утверждено Сѣфынское губернаторство» (ib., стр. 258). «На западъ до Персіи все подчинено западному намѣстническому правленію» (Іакинфъ, op. cit., I, стр. 360; ср. Григорьева доп. къ «Кабул. и Кафирист.» Риттера, стр. 833).

Поэтому Могилянъ-ханъ былъ вправѣ писать:

«Пятьдесятъ лѣтъ они (т. е. тукіэ) отдавали ему (богдохану) душу и силу. Впередъ, къ солнечному восходу, они доходили (подъ начальствомъ китайцевъ) до Бокли-кагана, назадъ до Темиръ-капыга».

Если тукіэсцы въ VII вѣкѣ называли «Желѣзными воротами» проходъ Бусгала, то несомнѣнно, что этотъ же проходъ, а не Талкинскій переваль разумѣлъ Могилянъ-ханъ и въ томъ случаѣ, когда рассказывалъ о подвигахъ Куль-Тегина и своихъ. Это подтверждается нижеслѣдующимъ.

Въ исходѣ VII вѣка владычество западныхъ тукіэсцевъ пало. Ихъ кочевьями преемственно овладѣли ханы родственнаго имъ тургешскаго племени, перенесшіе вскорѣ затѣмъ свое становище на востокъ, въ мѣстность Суй-ѣ. Я думаю, что такъ называлась долина верховій Джанарта; дѣйствительно, объ этой мѣстности мы читаемъ: «Есть рѣка, вытекающая за 1,000 ли отъ Ань-си на сѣверо-западѣ, достигши горъ Бода (это очевидно Бедель или Бадалъ), простирается далѣе на югъ до Серединнаго государства. Рѣки, текущія на югъ (Истыкъ, Учъ-Кууль), уходятъ въ Серединное государство и впадаютъ въ море (по гипотезѣ китайцевъ Таримъ есть верховье Хуанъ-хэ); текущія на сѣверъ (Нарынъ) проходятъ черезъ туркестанскія земли и впадаютъ въ море (Аральское). На сѣверъ черезъ три дня пути есть снѣжное море, гдѣ весной и лѣтомъ идутъ дожди и снѣга». Это, надо думать, ледникъ Петрова (ib., стр. 244. Эту мѣстность не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ, носившимъ то же наименованіе и находившимся въ Чуйской долинѣ. См. Бартольдъ: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью» въ «Зап. Имп. Ак. Наукъ», VIII сер. По истор.-фил. отд. I, № 4, стр. 29—32. Можетъ быть, однако, вся мѣстность между Ала-тау и Кокъ-шаломъ, между верховьями рр. Чу и Ханъ-Тэнгри носила нѣкогда (при младшихъ Ханяхъ) названіе Суй-ѣ? См. Klaproth «Notices géographiques et historiques sur Khókand, Andudjan, etc.», trad. de la 420 sect. de la nouv. éd. du Thai-thsing-y-thoung-tchi въ «Magasin Asiatique», I, стр. 98). Въ 710 г. среди тургешей возникли междоусобія, которыми и воспользовался ханъ Мочжо, присоединившій ихъ земли къ своимъ владѣніямъ (ib., I, стр. 331, 367—368). Объ этомъ-то походѣ и говоритъ Могилянъ. Правда, китайская исторія не сохранила намъ прямыхъ указаній на то, что ханъ Мочжо, а засимъ и Могилянъ-ханъ проникали за Сыръ-дарью, но косвенное тому указаніе мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ лѣтописи: «Въ 741 г. даваньскій владѣтель представилъ китайскому Двору, что тукіэсцы уже покорились небесному хану и только Даши опасенъ для прочихъ владѣній...» Эти слова имѣютъ въ томъ только случаѣ смыслъ, если предположить, что тукіэсцы незадолго передъ симъ угрожали Давани. Вообще же, мы не имѣемъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ томъ, что Могилянъ-ханъ доходилъ въ своихъ походахъ до Согдіаны. «Йенчу», переводится словами «рѣка жемчужинъ». Такъ могла называться у тюрковъ лишь Сыръ-дарья, но ужъ никакъ не Урунгу, какъ это предположилъ Бартольдъ. Равнымъ образомъ, слова орхонской надписи: «чтобы привести въ порядокъ народъ Согдакъ, мы прошли, переправясь черезъ р. Йенчу, до Темиръ-капыга», могутъ относиться лишь къ Согдіанѣ,

къ своему обычному приему: съ необыкновеннымъ умѣніемъ они поселили раздоръ между тукіэскими родовичами ¹⁾ и тѣмъ подготовили распаденіе огромнаго ханства на двѣ половины: западную и восточную. Событіе это относится къ 585 г., но уже годомъ раньше тукіэсцы признали себя вассалами Китая ²⁾.

Границы обоихъ государствъ опредѣлить теперь трудно. Извѣстно только, что въ началѣ VII вѣка вся Джунгарія входила въ составъ владѣній хановъ западной орды ³⁾, ставка коихъ находилась сперва

а не къ какой-то мифической колоніи согдійцевъ въ Джунгаріи. Употребляю это выраженіе, потому что о существованіи такихъ колоній въ Джунгаріи въ VII и VIII вѣкахъ намъ положительно ничего неизвѣстно. Самъ же Бартольдъ пишетъ, что о какомъ то городѣ Самаркандѣ (?), существовавшемъ гдѣ то въ Джунгаріи, упоминается только у Джувейни, при описаніи похода хана Гуюка (въ 1248 г.); даже, если и допустить, что это указаніе вѣрно, то и тогда пять вѣковъ, отдѣляющихъ оба извѣстія, способны подорвать всякое довѣріе къ выводамъ Бартольда.

Вообще же, спорное мѣсто орхонской надписи я понимаю такъ:

Восточные тукіэсцы, перейдя Иртышъ, напали на тургешей. Гдѣ напали — это неизвѣстно. Это могло имѣть мѣсто и въ Барлыкскихъ горахъ, и въ горахъ Боро-Хоро и, наконецъ, даже въ Заилійскомъ Ала-тау, что, впрочемъ, и всего вѣроятнѣе. Слова Могилянъ-хана: «Переправившись черезъ рѣку Иртышъ, мы прошли (дальше и) напали на народъ Тургешскій врасплохъ», вовсе не слѣдуетъ толковать такъ, что кочевья тургешей находились гдѣ то сейчасъ за Иртышомъ. Иртышъ для переправы войскъ представлялъ крупное препятствіе; о немъ и упоминается. Засимъ тукіэсцы шли дальше, пока не встрѣтили стойбищъ тургешей, на которыхъ и напали врасплохъ. Китайцы, современники Могилянъ-хана, сообщаютъ намъ, что тургеши въ это время жили на Или и въ горахъ, прилегающихъ къ Иссыкъ-кулю; намъ поэтому и незачѣмъ искать ихъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Разбивъ тургешей, тукіэсцы, въ поискахъ кара-тургешей, двинулись дальше на западъ. Вѣроятно, однако, что кара-тургеши на сей разъ рѣшились уклониться отъ столкновенія съ грознымъ врагомъ и разсѣялись по дебрямъ западнаго Тянь-шаня. И только тогда, когда тукіэсцы возвращались уже изъ своего похода за Сыръ-дарью (Йенчу) на полуголодныхъ и усталыхъ лошадахъ, они, съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, стали предпринимать отдѣльныя противъ нихъ вылазки. Это заставило тукіэсцевъ, уже *успѣвшихъ раскаяться* въ томъ, что оставили у себя въ тылу непобѣжденныхъ враговъ, отпратить противъ нихъ Куль-Тегина, который и исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ свою миссію, разгромивъ ихъ кочевья.

Орхонскія надписи даютъ и имена первыхъ двухъ хановъ, создавшихъ тукіэское царство. Thomsen переводитъ ихъ такъ: «Boumin-kagan et Istémi-kagan»; помянутые русскіе тюркологи — «Бумынь-каганъ, Эситми-каганъ». Имена эти очень близки къ тѣмъ, которыя сохранила намъ китайская исторія: «Тумынь-каганъ и Исиги-каганъ». Поэтому я не вполне понимаю вопросъ Thomsen'a: «Quels sont ces deux kagans? Si ce ne sont pas des figures tout à fait légendaires, d'un passé lointain, etc.». Также неправильнымъ кажется мнѣ толкованіе этого мѣста надписей, данное Радловымъ и Меліоранскимъ, которые приурочиваютъ оба имени къ одному лицу. Бартольдъ, повидимому, присоединяется къ мнѣнію Радлова (*ib.*, стр. 5).

Историкъ Теофанъ Византіецъ называетъ тукіэскаго хана — Аскелемъ (Ἀσκηλ). Уже Saint-Martin обратилъ вниманіе на большое сходство этого имени съ китайскимъ Исиги (См. прим. I къ стр. 381 IX тома Lebeau—«Histoire du Bas-Empire»).

¹⁾ St. Julien «Documents historiques sur les Tou-kioüe» въ «Journal Asiatique», 1864, III, стр. 348, 358, 360 и слѣд.

²⁾ V de Mailla (*op. cit.*, V, стр. 470) и это событіе отнесено къ 585 году. Согласно съ St. Julien'омъ («Journal Asiat.», 1864, III, стр. 497), его слѣдуетъ отнести къ 584 году. См. также Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», I, стр. 278.

³⁾ «Записки о Монголіи», III, стр. 127.

въ Илійской долинь¹⁾, а затѣмъ переведена въ долину Юлдусь²⁾. Какъ кажется, весь Восточный Туркестанъ находился уже тогда во власти тукіэсцевъ, хотя съ достовѣрностью это можно сказать лишь по отношенію къ Хотану³⁾, Кашгару⁴⁾, Кучѣ⁵⁾, Яньци⁶⁾, княжеству Гаочанъ, границы коего къ тому времени уже совпадали, повидимому, съ современными границами Турфанскаго округа, и Иву⁷⁾. Вообще, въ эпоху Бэй-чао (386—581 гг.) исторія владѣній Восточнаго Туркестана намъ почти совсѣмъ неизвѣстна, и мы можемъ только догадываться, что Гаочанъ, Яньци и другія владѣнія, лежавшія на югѣ отъ Тянь-шаня, находились въ ближайшей зависимости отъ гаогюйцевъ, хотя эти послѣдніе, въ свою очередь, только на самое короткое время успѣвали добиваться полной самостоятельности⁸⁾. Къ тому же, къ исходу V вѣка, западныя окраины Бэй-шаня начинаютъ замѣтно пустѣть: китайскіе лѣтописцы уже перестаютъ упоминать о владѣніяхъ Шаньшань⁹⁾, Цзюймо, Шаньго, Халга-аманъ и др.; перестали также существовать и оба Чешискія владѣнія: земли сѣвернаго Чеси были заняты кочевьями гаогюйцевъ, земли южнаго перешли наследственно къ Гаочану, послѣ того, какъ тѣ же гаогюйцы, въ силу неизвѣстныхъ намъ соображеній, пере-

¹⁾ *Ив.*, стр. 126.

²⁾ *Ив.*, стр. 127, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 161, гдѣ сказано: «отъ Кучи къ сѣверу около 600 ли». Разстояніе это преувеличено вслѣдствіе трудностей дороги. Вѣрнѣе предположить однако, что зимой ханы жили въ Илійской долинь, а на лѣто перебирались на верховья Хайду-гола.

³⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 236.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 162.

⁵⁾ *Ив.*, I, стр. 340.

⁶⁾ *Ив.*, III, стр. 215.

⁷⁾ *Ив.*, I, стр. 340.

⁸⁾ См. Грумъ-Гржимайло «Описаніе путешествія въ Западный Китай», томъ I, стр. 219 и 220.

⁹⁾ Послѣднее извѣстіе о Шаньшани имѣемъ мы отъ путешественниковъ Сонъ-юня и Хой-сина, проѣзжавшихъ этой страной въ 518 г. (см. Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 115). Впрочемъ, у de Mailla (op. cit., V, стр. 513—514) подъ годомъ 609 мы читаемъ слѣдующее: «En arrivant à la montagne de Yen-tchi-chan (Янь-чжи-шань) sur les confins du pays des Y-ou (И-ву) il (императоръ Янь-ди, Суйской династии. Ср. Іакинфъ «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 88) trouva Kiu-ré-ya (Гюй-Боя), roi de Kao-tchang (Гао-чанъ) et le Tou-tunché (ду-дуньшэ; имя или титуль?) des Y-ou (И-ву) avec les envoyés de 27 autres royaumes du Si-yu (Си-юй; Западный край), qui étaient venus pour le recevoir et s'étaient rangés sur deux lignes des deux côtés du chemin. Le Tou-tunché des Y-ou s'étant avancé vers l'empereur, se prosterna d'un air soumis et lui offrit plusieurs mille ly (ли) de pays; l'empereur les accepta avec satisfaction, et détermina que les pays de Si-hai (Куку-норъ), de Ho-yuen (Хэ-юань; по мнѣнію Grosier — страна истоковъ Хуань-хэ; въ 677 г. основана была въ долинь Сининской рѣки крѣпость, носившая это же наименованіе), de Chen-chen (Шаньшань), de Tsie-mou (Цзѣ-му; не Цзѣ-чжоу ли?) et autres seraient dorénavant au nombre des départements de l'empire et qu'on y enverrait en exil les malfauteurs pour servir dans les garnisons».

Восточный Туркестанъ былъ вновь завоеванъ тукіэсками въ 619 году (de Mailla, op. cit., VI, стр. 4).

селили чешискаго владѣтеля со всѣмъ его народомъ на западъ, въ Яньци.

Въ 589 г. въ Китаѣ возстановлено было единоедержавіе. Между тѣмъ политика китайскаго двора «селить раздоръ между кочевыми», продолжала приносить свои плоды: ханы ссорились и, взаимно ослабляя другъ друга, не переставали искать защиты и покровительства у императорскаго правительства.

Въ 608 г. китайцы побудили восточныхъ тукіэсцевъ вторично напасть на тогонцевъ, которые то и дѣло беспокоили западныя границы имперіи, представлявшія въ то время крайне печальную картину: въ западной Ганьсу господствовали всецѣло кочевники и неоднократныя попытки китайскаго правительства насадить здѣсь снова культуру путемъ хотя бы устройства военныхъ поселеній оканчивались каждый разъ неудачно. Тогонцы были разбиты, но плодами этой побѣды всецѣло воспользовались китайцы, которые, раздѣливъ тогонскія земли на приставства, включили ихъ въ границы имперіи. Однако, уже въ 615 г. тогонское царство было вновь возстановлено въ его прежнихъ предѣлахъ.

Этому послѣднему обстоятельству въ значительной мѣрѣ способствовало смутное положеніе дѣлъ въ Китайской имперіи, приведшее въ 618 году къ паденію Суйской династіи и возвратившее тукіэсамъ ихъ прежнюю самостоятельность. Восточные тукіэсцы достигли въ это время такого могущества, какого, по словамъ китайскихъ историковъ, не достигало еще ни одно изъ кочевыхъ племенъ сѣвера¹⁾. Ханы ихъ опустошили сѣверныя предѣлы имперіи, доходили до Цзинъ-яна и Си-ань-фу²⁾ и, упоенные побѣдами³⁾, готовились уже овладѣть всѣмъ сѣвернымъ Китаемъ⁴⁾, когда бунтъ уйгурскихъ племенъ⁵⁾ остановилъ дальнѣйшій успѣхъ ихъ оружія и повелъ къ быстрому паденію царства⁶⁾. Въ 630 г.

¹⁾ «Собраніе свѣдѣній о народ. Средней Азіи», I, стр. 291. «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 202, 207—208.

²⁾ Собственно до Чань-ани, столицы имперіи при Танахъ, находившейся близъ Си-ань-фу.

³⁾ Императоръ Гао-цзу, основатель Танской династіи, считался вассаломъ тукіэсцевъ (ib., стр. 305).

⁴⁾ «Зап. о Монг.», III, стр. 116.

⁵⁾ Т. е. тѣхъ же гаогюйцевъ, измѣнившихъ свое племенное прозваніе. Объ этомъ ниже.

⁶⁾ Этому, впрочемъ, способствовали также голодъ и какая-то свирѣпствовавшая среди кочевниковъ эпидемія. О причинахъ паденія тукіэскаго ханства орхонская надпись повѣствуетъ такъ: «Вслѣдствіе невѣрности ханамъ ихъ бековъ и ихъ народа, вслѣдствіе подстрекательства и близкаго сосѣдства китайцевъ и благодаря ихъ чародѣямъ возникли смуты; младшіе князья враждовали со старшими, беки и народъ взаимно вредили другъ другу; турецкій народъ разстроилъ свой союзъ и истребилъ своихъ царственныхъ хановъ» и т. д. (Радловъ и Меліоранскій «Древне-

уже вся Монголія была во власти Китая, послѣ чего страна эта была раздѣлена на десять приставствъ, управленіе коими ввѣрено было двумъ ставленникамъ Китая, титуловавшимся ханами.

Во времена Суйской династіи посольскія сношенія между владѣніями Западнаго края и Китаемъ, не смотря на зависимость первыхъ отъ западныхъ тукіэсцевъ, не прекращались; тоже продолжалось и послѣ восшествія на престолъ Гао-цзу. Въ особенности же сказанное относится къ Гаочану, правители коего были родомъ китайцы. Послѣ, однако, покоренія восточно-тукіэскаго ханства дружескія отношенія эти смѣнились враждебными. Поводовъ къ тому было нѣсколько, но я укажу лишь важнѣйшіе. Послѣ паденія Суйской династіи, приверженцы этого дома бѣжали сначала къ восточнымъ тукіэсамъ, а затѣмъ, когда тукіэсы были покорены, въ Гаочанъ. Гаочанскій князь съ распростертыми объятіями встрѣтилъ бѣглецовъ и наотрѣзъ отказался выдать ихъ императорскому правительству. Неудовольствіе, порожденное такимъ смѣлымъ поступкомъ гаочанцевъ, еще болѣе усилилось, когда эти послѣдніе задержали у себя нѣсколько посольствъ, направлявшихся съ данью въ Китай. Съ своей стороны гаочанцы считали себя въ правѣ такъ поступать въ отместку за отданное китайцами распоряженіе къ возстановленію южной дороги черезъ Кумъ-тагъ, бывшей, очевидно, къ этому времени уже настолько заброшенной, что торговые караваны и посольства, отправлявшіеся въ предѣлы Китайской имперіи, всегда избирали болѣе обезпеченный сѣверный путь черезъ Гаочанъ и Иву (Хами). Насколько гаочанцы дорожили этимъ транзитомъ, видно изъ того, что они рѣшились объявить войну владѣтелю Яньци, инициатору проекта, и отняли у него пять городовъ. Сверхъ того гаочанцевъ раздосадовалъ поступокъ ивускаго князя, ихъ данника ¹⁾, въ 630 г. передавагося китайцамъ ²⁾. Они рѣшили силой оружія принудить это небольшое владѣніе къ покор-

тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамъ», стр. 17—18. Судя, однако, по китайскимъ даннымъ — это несовсѣмъ такъ. Ср. Іакинфъ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 304—305; de Mailla, op. cit., VI, стр. 59—66. Отмѣтимъ при этомъ, что столкновение между тукіэскимъ Хѣли-ханомъ и китайскими войсками должно было произойти въ горахъ Бэй-шань. См. de Mailla, ib., стр. 64—65. Ср., однако, Gaubil, op. cit., въ «Mémoires conc. l'hist. etc. des Chinois», XV, 1791, стр. 439 и слѣд.

¹⁾ Заключаемъ это изъ нижеслѣдующаго мѣста мемуаровъ Сюань-Цзана: «En apprenant cette nouvelle, Khio-Wen-t'ai (Кюй Вынь-тай), roi de Kao-tch'ang (Гао-чанъ) dépêcha des messagers au roi d'I-gou (Иву) pour lui ordonner d'envoyer immédiatement le maître de la loi» (Stanislas Julien — «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang», стр. 32).

²⁾ Владѣніе Иву было тогда же преобразовано въ область Си-и-чжоу или короче — И-чжоу.

ности и вторглись туда въ союзѣ съ тукіэсцами¹⁾. Этотъ моментъ и былъ избранъ китайцами для объявленія войны Гаочану. Въ 640 г. Гаочанъ палъ и былъ переименованъ въ Си-чжоу²⁾. Легко доставшаяся китайцамъ (ихъ экспедиціонный отрядъ состоялъ преимущественно изъ восточныхъ тукіэсцевъ) побѣда поощрила ихъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Послѣдовательно были подчинены Яньци и Гуйцы, превращенный въ губернскій городъ Ань-сиду-хо-фу, а затѣмъ и весь остальной Восточный Туркестанъ³⁾.

Въ 653 г. китайцы перешли Тянь-шань и основали по сѣверную сторону горъ укрѣпленіе Гинь-мань⁴⁾. Въ 656 г. ихъ отряды проникли вглубь Джунгаріи и побѣдоносно доходили до Тарбагатая и Илійской долины. Могущество кочевниковъ было сломлено, западные тукіэсцы подверглись участи восточныхъ, и ханство ихъ

¹⁾ Вѣроятно въ союзѣ съ тукіэскими племенами чуми и чюе. У Gaubil'a читаемъ: «Le prince de Tourphan avait pour tributaires les deux hordes turques Tchou-yue et Tchou-mi». См. также Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 452—453.

²⁾ Въ это время въ княжествѣ насчитывалось до 8,046 семействъ (китайская реляція даетъ и другую цифру — 30,000 душъ обоюго пола; но эта цифра не соотвѣтствуетъ первой), составлявшихъ населеніе 22 городовъ и селеній; лошадей въ немъ оказалось всего лишь 4,000, т. е. $\frac{1}{2}$ лошади на семью; такая пропорція вполне соотвѣтствуетъ тому, что мы и теперь видимъ въ Турфанѣ. Іакинфъ («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 213); de Mailla, op. cit., VI, стр. 91.

³⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 221.

⁴⁾ Въ китайской лѣтописи сказано: «Въ Чуюэ (т. е. въ мѣстахъ кочевій тукіэскаго рода Чуюэ) учрежденъ округъ Гинь-мань-чжоу». Чуюэ намъ столь же мало извѣстное мѣсто, какъ и Гинь-мань. Но въ весьма интересныхъ «Запискахъ о Монгольскихъ кочевьяхъ» (Мэнъ-гу-ю-му-цзи), переводомъ Коихъ, вышедшимъ въ 1895 г. (т. е. одновременно съ первымъ томомъ настоящаго труда), мы обязаны Попову, находится слѣдующее важное указаніе какъ на бывшее мѣстоположеніе этого города, такъ равно и г. Бэй-тина (ср. «Оп. пут. въ Зап. Кит.», т. I, стр. 221—229). «Согласно Си-юй-ши-ди, пишутъ китайскіе историки (Чжанъ-му и Хэ-цю-тао), при Танской династіи Гу-чэнъ составлялъ мѣстность, подчиненную бэйтинскому воеводству. Въ это время уѣзды Цзинь-мань (Гинь-мань въ транскрипціи Іакинфа), Лунь-тай (о немъ см. т. I, стр. 176 и далѣе), Пу-лэй (Баркуль) и Хай-си (неизвѣстное мѣсто) всѣ входили въ составъ бэйтинскаго воеводства. Такъ какъ нельзя было опредѣлить, отъ какого времени остался этотъ городъ, то его и назвали Гу-чэномъ, т. е. древнимъ городомъ. Изъ Си-чжи-ли, сочиненія Цзи-юань-хуай'я, мы узнаемъ относительно Гу-чэна слѣдующее: *въ ур. Цзи-му-са* (т. е. Джимысаръ въ моей передачѣ, см. I т., стр. 175, 177) *находится древній городъ воеводства Танскихъ временъ, Бэй-тинъ, построенный Ли-вэй-цунемъ; онъ имѣетъ въ окружности 40 ли; стѣны его сложены изъ сырцоваго кирпича; каждый кирпичъ толщиной въ 1 чи, шириной въ 1 чи 5—6 дюймовъ и длиною въ 2 чи 7—8 дюймовъ; старыя черепицы достигали въ ширину болѣе 1 чи, а въ длину 1 чи 5—6 дюймовъ. Въ городѣ есть одна кумирня, совершенно развалившаяся; въ ней каменное изображеніе Будды, по поясъ вошедшее въ землю и всетаки имѣющее въ вышину 7—8 чи. Желѣзный колоколъ выше человѣческаго роста, покрытый со всѣхъ сторонъ надписями, но до такой степени сѣдеными ржавчиной, что нельзя разобрать ни одной буквы. Въ городѣ повсюду каменный уголь (?) и требуется прокопать на глубину 1—2 чи, чтобы показалась земля (?). Элоты рассказывали, что въ древности городъ этотъ взятъ былъ огненнымъ боемъ и что находившіяся съ четырехъ сторонъ батареи были возведены во время осады. Но къ какому времени относится городъ и какимъ народомъ онъ былъ построенъ, они не могли сказать этого. Настоящій городъ Гу-чэнъ построенъ былъ, для помѣщенія войска, на мѣсть стараго, въ 1772 году. Не смотря на то, что городъ кажется совер-*

раздѣлено на приставства, общее управленіе коими ввѣрено двумъ намѣстникамъ (ханамъ) по назначенію богдохана. Тогда же изъ земель южной Джунгаріи образованъ былъ округъ Тинь-чжоу, преобразованный въ 702 г. въ губернію Бэй-тинъ ду-хо-фу¹⁾.

Въ это время на югѣ подъ ударами туфаньцевъ пало Тогонское царство. Туфаньцы (туботцы) болѣе извѣстны подъ именемъ тибетцевъ. Первоначальная исторія образованія ихъ государства въ точности неизвѣстна. Повидимому, до 440 г. они кочевали въ Наньшанѣ, платя дань Цзюй-цюю Мугяню; съ паденіемъ же княжества Лянъ, туфаньцы откочевали на югъ и поселились на тибетскомъ плоскогоріи. Здѣсь, не заявляя о себѣ, они просуществовали до 635 г., когда, усилившись, впервые напали на тогоновъ. Оттѣснивъ ихъ къ сѣверу, за озеро Куку-норъ, они ограбили ихъ владѣнія и, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, вторглись въ Китай.

Рѣшительная борьба между Тогонскимъ и Тибетскимъ царствами возгорѣлась въ 663 г. Тогонцы, не смотря на поддержку китайцевъ, были разбиты, ихъ армія потерпѣла пораженіе при Бухайнъ-голѣ, земли же ихъ присоединены къ владѣніямъ Тибетской державы; только небольшая часть народа успѣла заблаговременно откочевать въ Хэси, гдѣ оставалась до завоеванія туфаньцами округа

шенно изолированнымъ, къ нему сходятся безчисленныя горныя тропинки и стежки. Изъ Си-юй-ту-чжи мы узнаемъ, что Гу-чэнъ лежитъ въ 90 ли на С.-З. отъ уѣзднаго города Китай (см. I т. «Оп. пут. въ Зап. Кит. — г. Цитай), что онъ состоитъ изъ двухъ городовъ южнаго и сѣвернаго. Въ первомъ изъ нихъ находится Вань-шоу гунъ и Гуань-ди-мяо. На западъ отъ города есть источникъ Нью-цзюань-цюань, у котораго военный начальникъ края, Сономъ-цэрэнъ, въ 1775 году нашель два обломка памятника временъ Танской династіи, изъ сохранившихся на которыхъ словъ «Цзинь-маньскій уѣздный начальникъ» и т. д. мы узнаемъ, что Гу-чэнъ лежитъ на землѣ Танскаго уѣзда Цзинь-мань; Танскій же городъ Цзинь-мань долженъ соответствовать городу того же имени у сѣверныхъ Чеши. При Ханьской династіи, дорога изъ южнаго Чеши на сѣверъ, проникавшая до города Цзинь-мань сѣвернаго Чеши, должна была проходить черезъ нынѣшнее мѣстечко Ци-му-са, находящееся въ восточной части уѣзда Фу-канъ; восточные предѣлы этого уѣзда смежны съ западными Китайскаго уѣзда, и Гу-чэнъ и Ци-му-са лежатъ по сосѣдству другъ съ другомъ и потому ихъ должно признавать за восточныя границы (?) Танскаго уѣзда Цзинь-мань. Мѣсто, на которомъ первоначально поставленъ былъ памятникъ, не слѣдуетъ непременно приурочивать къ самому уѣздному городу. На этомъ основаніи не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что западная часть Китайскаго и восточная Фу-канскаго уѣздовъ должны быть принимаемы за древнее мѣсто Цзинь-мань» (прим. 604, на стр. 483—484). Это разъясненіе китайскихъ ученыхъ замѣчательно своей обстоятельностью и заслуживаетъ полной вѣры. Къ уже приведенному въ I томѣ описанію мѣстности между Лунь-таемъ и Ци-таемъ, я могу здѣсь присовокупить лишь то, что изъ Джимысара ведетъ въ Турфанъ кратчайшая дорога вдоль р. Далангу, каковой дорогой нерѣдко и пользуются караваны гучэнскихъ купцовъ. Несомнѣнно, объ этой именно дорогѣ и говорятъ здѣсь китайскіе историки. Ср. съ прим. 604 прим. 606 того же сочиненія. УДегиня (op. cit., I, 2, стр. XXXIII) о быломъ мѣстоположеніи Бэй-тина сказано: «Au N. de la ville de Tourfan était située la ville de Pe-ting, qui avait sous son district les trois villes de Kin-muon (Гинь-мань), de Pou-loui (Пулэй) et de Lun-tai».

¹⁾ О мѣстоположеніи Бэй-тина см. томъ I «Опис. пут. въ Зап. Кит.», стр. 221—229.

Лянъ-чжоу (въ 765 г.), послѣ чего, съ согласія китайскаго правительства, переселилась въ Нинъ-ся.

Съ неменьшимъ успѣхомъ туфаньцы дѣйствовали на западѣ. Уже въ первой половинѣ VII вѣка они овладѣли нѣкоторыми ¹⁾ владѣніями Западнаго края; позднѣе же, а именно въ 678 г., въ союзѣ съ западными тукіэсками, признавшими себя ихъ вассалами еще въ 662 г. ²⁾, они отняли у китайцевъ и весь Восточный Туркестанъ ³⁾, за исключеніемъ округовъ Иву и Гаочанъ ⁴⁾. Впрочемъ, имъ не удалось здѣсь прочно утвердиться, и уже въ 692 г. они были изгнаны отсюда китайцами, которые передъ тѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, вели съ ними непрерывную и несчастную борьбу: обѣ пограничныя области Хэси и Лунъ-ю ⁵⁾ были въ конецъ разорены и, тѣмъ не менѣе, изъ года въ годъ подвергались всѣмъ ужасамъ новыхъ нашествій кочевниковъ. Начало VIII столѣтія не измѣнило къ лучшему общаго положенія дѣлъ на запад-

¹⁾ Какими — не сказано. См. «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 130.

²⁾ *Иб.*, стр. 138, а также «Зап. о Монг.», III, стр. 130.

³⁾ Въ «Исторіи Тибета и Хухунора», стр. 138, читаемъ: «Туфаньцы покорили 18 областей въ Западномъ краѣ и, соединившись съ хотанцами, въ 670 г. разрушили стѣны города Кучи. Симъ образомъ китайскій дворъ потерялъ четыре инспекціи въ Восточномъ Туркестанѣ». Подъ 678 же годомъ, стр. 141, говорится: «Туфаньцы, соединясь съ западными тукіэсками, произвели нападеніе на Ань-си», почему китайцы двинули противъ нихъ войска изъ Сы-чуани и «открыли военныя дѣйствія въ Лунъ-чжи» (т. е. въ долину Сининской рѣки). Аньси безспорно — Куча; нынѣшній Ань-си въ ту эпоху именовался Гуа-чжоу. Но какое же непосредственное отношеніе къ взятію туфаньцами Кучи имѣетъ открытіе китайцами военныхъ операцій въ южной Гань-су? Съ другой стороны, въ «Исторіи Танской династіи» прямо сказано: «Въ сіе время (678 г.) тибетцы напали на Яньци и завоевали всѣ четыре инспекціи». Что союзниками туфаньцевъ при взятіи Яньцы и Гуйцы были западные тукіэсцы, а не хотанцы, видно изъ нижеслѣдующаго: въ 678 г. ханъ Дучжы «заключилъ союзъ съ Тибетомъ и произвелъ набѣгъ на Аньси» («Собраніе свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 362). Изъ исторіи Хотана также не видно, чтобы хотанцы когда-либо дружили съ туфаньцами. Тамъ говорится только: «663, au printemps, les koung-youei (гунъ-юе) de Kaschgar et le tibetains attaquèrent le commandant de Ju-thian (Хотанъ) et de Si-tcheou». И далѣе: «Comme le prince avait rendu des services dans les expéditions contre les tibetains, etc.» (Abel Rémusat, «Hist. de la ville de Khotan» стр. 69—70).

У de Mailla (ор. cit., VI, стр. 147) эти событія изложены почти также, какъ и у Іакинфа, съ тою, однако, разницею, что de Mailla заставляетъ въ 669 г. туфаньцевъ, въ союзѣ съ хотанцами, брать не Кучу, а городъ Po-hoan-tching (Бо-хуанъ-чэнъ), лежавшій въ Кучаскомъ округѣ. То же дѣлаетъ и Gaubil, ор. cit., стр. 479, но только не въ 669, а въ 670 г.

Изъ этихъ разнорѣчивыхъ извѣстій я вывожу заключеніе, что туфаньцы проникли въ предѣлы Восточнаго Туркестана до 665 г., но овладѣли имъ не разомъ, а постепенно, и, притомъ, начиная съ запада; подъ стѣны Хотана они явились съ ополченіемъ изъ гунъ-юе, которые, какъ кажется, обитали къ югу отъ Иссыкъ-куля (ср. de Mailla, *ib.*, стр. 157), въ Кучу же, взятую ими въ 678 г., съ отрядомъ войскъ своего союзника, тукіэскаго хана. Ср., однако, de Mailla, *ib.*, стр. 143—154 и 155.

⁴⁾ Это видно изъ слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ 691 г. главноуправляющій въ Си-чжоу представилъ китайскому двору, чтобы обратно завоевать отъ туфаньцевъ четыре инспекціи». См. «Ист. Тибета и Хухунора». I, стр. 146—147. У de Mailla объ этомъ разсказывается подъ 692 г. (ор. cit., VI, стр. 167).

⁵⁾ Обѣ эти области входятъ нынѣ въ составъ Ганьсуйской губерніи.

ныхъ границахъ Китая. Даже, наоборотъ, къ этому времени туфаньцы до такой степени усилились, что потребовали, чтобы императорское правительство признало Тибетъ равною съ Китаемъ державою (въ 748 г.).

Въ то же время вниманіе Китая стали все болѣе и болѣе привлекать безпорядки, возникавшіе кое-гдѣ въ южной Монголіи. Это былъ опасный симптомъ, свидѣтельствовавшій, что тридцать лѣтъ мира, въ коемъ прожили тукіэсцы, успѣли уже залѣчить раны, нанесенныя имъ погромомъ 630 г. и послѣдовавшими событіями.

Въ 682 г. ¹⁾, нѣкто Гудулу ²⁾ объявилъ себя ханомъ. Объединивъ нѣсколько аймаковъ ³⁾, онъ вторгся въ предѣлы Китая и опустошилъ округъ Лянь-чжоу и сѣверную часть губерніи Шаньси ⁴⁾. Еще болѣе усилился его преемникъ Мочжо. Онъ потребовалъ у китайцевъ возвращенія областей: Чахара, Ордоса и Зардоса, отторгнутыхъ у тукіэсцевъ въ 630 г., а также высылки тогда же поселенныхъ внутри Китая тукіэскихъ родовъ. И китайское правительство чувствовало себя настолько слабымъ, что поспѣшило исполнить это дерзкое требованіе вассала, чѣмъ, конечно, еще болѣе увеличило его силы. Впрочемъ, по словамъ китайскаго лѣтописца, Мочжо въ это время былъ, дѣйствительно, могущественнымъ монархомъ: «войско его было столь же многочисленно, какъ и въ Хѣліево (Цзѣліево), время (время наибольшаго могущества тукіэсцевъ); земли его содержали вдоль и поперекъ 10 тысячъ ли пространства; всѣ иностранные государи повиновались ему, самъ же онъ, будучи упоенъ славою побѣдъ, низко думалъ о Срединномъ царствѣ ⁵⁾». До какой степени Мочжо былъ страшенъ Китаю, видно изъ факта объявленія огромной преміи за его голову: достоинство князя пер-

¹⁾ Согласно съ Шлегелемъ (Schlegel — «La stèle funéraire du Teghin Giogh et ses copistes et traducteurs», въ «Mémoires de la Société finno-ougrienne», 1892, III, стр. 23; цит. по Thomsen'у) въ 681 году. Въ орхонской надписи сказано: «ils se soumirent au kagan chinois et lui vouèrent pendant 50 ans leur travail et leur force», что соотвѣтствуетъ 680 году.

²⁾ Очевидно, Кутлукъ, что значитъ «счастливый» — прозвище, а не имя (Thomsen — «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 65).

³⁾ Первымъ изъ покорившихся ему племенъ было племя тэлэ, что видно изъ слѣдующаго мѣста орхонской надписи: «Отвелъ народамъ Төлесъ и Тардушъ подобавшее имъ мѣсто и далъ имъ Ябгу и Шада» (т. е. высшихъ должностныхъ лицъ). Меліоранскій и Радловъ, *ib.*, стр. 20. Thomsen, *ib.*, стр. 102.

⁴⁾ У Дегиня (op. cit., I, 2, стр. 448) подъ 690 г. читаемъ: «Il paraît que les Turcs avaient fait également de grandes incursions dans l'intérieur du Turkestan et dans les pays possédés par les Turcs occidentaux, qui s'en trouvèrent si incommodés, qu'ils demandèrent aux Chinois d'être placés dans quelqu'une de leurs provinces. У Иакинфа мы не находимъ объ этомъ вторженіи никакихъ свѣдѣній.

⁵⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», I, стр. 328. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 69. St. Julien «Docum. hist. sur les Tou-kioüe» въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 424.

вой степени съ титуломъ—«Чжанъ-чжо», что значить—«убившій Мочжо»¹⁾).

Въ 720 г. правительство богдохана рѣшилось перенести войну изъ предѣловъ Китая въ Монголію. Съ этою цѣлью оно двинуло туда огромную армію изъ Ордоса и приказало владѣтелямъ басимискому²⁾, хисскому³⁾ и киданьскому идти разными дорогами прямо на орду, гдѣ и плѣнить хана. Но планъ этотъ не удался. Корпусъ басимискаго владѣтеля былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ подъ Бэй-тиномъ, при чемъ и самый городъ этотъ былъ занятъ тукіэсцами, китайская же армія разбита, и область Лянъ-чжоу опустошена; что же касается хисцевъ и киданьцевъ, то, выждавъ исходъ борьбы между обоими государствами, они перешли на сторону побѣдителей (720 г.)⁴⁾.

Двадцать лѣтъ спустя среди тукіэсцевъ возникли междоусобія, которыми, по наущенію китайцевъ, и поспѣшили воспользоваться уйгурскія племена, утвердившія свое господство надъ всею Монголіей въ 764 году⁵⁾.

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», т. I, стр. 326 и 329. St. Julien «Documents historiques sur les Tou-kioüe» въ «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 420 и 427.

²⁾ «Басими» — одно изъ тюркскихъ поколѣній. Аристовъ видитъ въ нихъ предковъ аргыковъ («Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ народностей», стр. 91, въ «Живой Старинѣ», 1896 г., вып. III и IV). Объ этомъ племени говорится и въ орхонскихъ надписяхъ (Радловъ и Меліоранскій, *ib.*, стр. 25; Thomsen, *ib.*, стр. 123).

³⁾ Хи, повидимому, тождественные съ татаби орхонскихъ надписей, были народомъ тюркскаго племени (Аристовъ, *op. cit.*, стр. 20 и 21).

⁴⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 333 и 465. De Mailla, *op. cit.*, VI, стр. 208. St. Julien «Docum. hist. sur les Tou-kioüe» въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 461 и 466. Въ это время и даже позднѣе, а именно около 730 г., тукіэская держава имѣла свои прежнія границы, что видно изъ слѣдующихъ словъ орхонской надписи: «En avant (т. е. на востокъ) j'ai fait des expéditions jusqu'à la plaine de Chantoung (Шань-дунъ), mais je n'ai nullement touché à la mer; à droite (т. е. на югъ) j'ai fait des expéditions jusqu'aux Togouz-Ersins (не Эцзинь-ли?), mais je n'ai nullement touché au Thibet; en arrière (т. е. на западъ) j'ai fait les expéditions au-delà de la rivière des Perles (Зеравшанъ), jusqu'à la Porte de Fer; à gauche (т. е. къ сѣверу) j'ai fait des expéditions jusqu'au pays des Yér-Bayirkou» (Thomsen полагаетъ, что это тэлэскій родъ Poat-i-kou. См. стр. 72 и 167). Радловъ и Меліоранскій переводятъ это мѣсто орхонской надписи немного иначе: «Я ходилъ весьма далеко впередъ до равнины Шандунгской (Шаньдун'ской), немного не дошелъ до моря, на югъ я ходилъ до Токузь-Эрсена, немного не дошелъ до Тибета, на западъ, переправясь черезъ рѣку Йенчу, я доходилъ до Темиръ-капыга, на сѣверъ я доходилъ до страны Йеръ-Байырку» (стр. 38).

⁵⁾ Уйгуры сокрушили тукіэскую державу, но тукіэцы, какъ народъ, продолжали существовать еще въ теченіе двухъ столѣтій. Ихъ посольства приходили въ Китай въ 926, 928, 931 и 941 гг. Съ этого времени «des Tou-kioüe étaient devenus extrêmement faibles; d'ailleurs ils ne venaient que rarement à la capitale. C'est pourquoi les noms de leurs princes ont échappé aux historiens, et il n'a plus été possible de les consigner dans les Annales de l'empire» (St. Julien «Docum. histor., etc.», въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 476—477).

ГЛАВА II.

Въ исторіи народовъ Средней Азіи гаогюйцы играли фатальную роль. Ихъ имя неразрывно связано съ паденіемъ кочевыхъ государствъ, могуществу коихъ они наносили первый, а иногда и послѣдній ударъ. Но побѣдой своей они успѣвали пользоваться лишь на самое короткое время. Ихъ поколѣнія, разбросанныя на огромномъ пространствѣ Гобійской пустыни отъ Тарбагатая до Яблоноваго хребта и на югъ до Нань-шаня, не были связаны общими интересами; каждое же въ отдѣльности было не столь многочисленно, чтобы впитать въ себя огромное наслѣдіе побѣжденнаго. Вотъ почему имъ доводилось всегда уступать свое мѣсто другимъ, болѣе сплоченнымъ, народамъ, которые, нерѣдко съ ихъ же помощью, по мѣткому выраженію китайскаго историка — геройствуя ихъ силами, выполняли выпадавшую на ихъ долю задачу объединенія разноплеменныхъ кочевыхъ массъ.

Въ 628 г. уйгуръ Пуса Яоши, имѣя въ своемъ распоряженіи только 5 тысячъ человекъ, нанесъ самому могущественному изъ тукіэскихъ хановъ—Цзѣли жестокое пораженіе при горѣ Ма-цзуньшань¹⁾, послѣ чего «преслѣдовалъ его стотысячную армію до Небесныхъ горъ и великое множество людей полонилъ». «Слава о немъ потрясла сѣверныя страны», говоритъ далѣе китайская лѣтопись; и тѣмъ не менѣе, даже въ союзѣ съ другимъ сильнымъ гаогюйскимъ поколѣніемъ Сѣянто, уйгуры не могли образовать чего либо прочнаго, и государство ихъ, простиравшееся на всю Халху,

¹⁾ Высочайшая изъ горъ въ Бэй-шанѣ. Мѣстное ея названіе Экѣ (ихе) — Маджинь-сянь. О ней см. выше, стр. 18.

пало въ 646 году ¹⁾ отъ внутреннихъ неурядицъ: родовичи одиннадцати гаогюйскихъ поколѣній не вынесли гегемоніи сѣянтосцевъ и добровольно подчинились Китаю.

Такимъ образомъ, до половины VIII вѣка исторія Средней Азіи часто упоминаетъ о гаогюйцахъ, но видную роль отводитъ имъ лишь, начиная съ 745 г. ²⁾, когда, наконецъ, народъ этотъ, подъ именемъ уйгуровъ ³⁾, образовалъ могущественное государство, существовавшее до 844 г., т. е. ровно столѣтіе.

Когда ханъ Мочжо усилился, уйгуры трехъ поколѣній принуждены были покинуть свои земли въ Халхѣ и откочевать къ югу, въ Бэй-шань ⁴⁾. Здѣсь они оставались до паденія тукіэской державы, вызваннаго ихъ же дружнымъ натискомъ въ союзѣ съ басими и гэлोलу, т. е. карлыками ⁵⁾, послѣ чего возвратились на сѣверъ,

¹⁾ Въ «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», I, стр. 375, событіе это ошибочно отнесено къ 630 г. De Mailla, op. cit., VI, стр. 114. Gaubil, op. cit., стр. 459.

²⁾ Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 384; de Mailla, VI, стр. 229.

³⁾ Въ китайской исторіи племенное прозваніе уйгуровъ мѣнялось неоднократно. Въ эпоху «чжань-го» (брани царствъ) сѣверную часть нынѣшней провинціи Гань-су населяло племя «чиди» (красные сѣверные кочевые). Это и были, по утверженію китайскихъ историковъ, предки уйгуровъ. Въ III вѣкѣ до Р. Хр. они были вытѣснены отсюда на сѣверъ, въ Бэй-шань, послѣ чего, подъ именемъ «дили» или «динлинъ» (не ошибка ли это китайскихъ лѣтописцевъ?) мало по малу распространились по всей западной Халхѣ и южной Сибири. Въ IV вѣкѣ нашей эры они стали извѣстны у китайскихъ историковъ подъ именемъ чилесцевъ (тэлэсцевъ) или гаогюйцевъ (о нихъ см. выше). Наименованіе уйгуръ народъ этотъ получилъ отъ одного поколѣнія, именовавшагося первоначально «юаньгэ» и только въ концѣ VI вѣка ставшаго извѣстнымъ подъ именемъ «уху», «угэ» или «вэйгэ», т. е. уйгуръ. Подробный разборъ происхожденія этого слова см. въ статьѣ Радлова — «Къ вопросу объ уйгурахъ»; у Аристова (op. cit., стр. 19—21, отд. оттискъ изъ «Живой Старины» за 1896 г.) и у Банзарова (V прибавленіе къ «Шейбаниадѣ», пер. Березина).

⁴⁾ Они осѣли въ долинѣ р. Эцзинь-голи и по р. Булунзиру.

⁵⁾ Сообщаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ карлыкахъ, заимствованныя изъ китайскихъ источниковъ:

Карлыки — вѣтвь народа тукіэ, кочевали къ сѣверо-западу отъ Бэй-тина, къ западу отъ Алтайскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бугу-чжень (Чернаго Иртыша?). Подраздѣлялись на три рода. Съ востока и запада земли ихъ граничили съ землями тукіэ, что ставило ихъ часто въ зависимость отъ сихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи подались на югъ, причемъ ихъ глава, носившій титулъ ту-ту, измѣнилъ его и сталъ называться «шеху трехъ родовъ». Войска ихъ были сильны, да и самый народъ былъ всегда склоненъ къ войнѣ, вслѣдствіе чего ихъ боялись другіе народы, въ особенности западные тукіэ. При возвышеніи уйгуровъ, часть ихъ поддалась симъ послѣднимъ, часть же осталась независимой; эти послѣдніе кочевали между Бэй-тиномъ и Алтаемъ. Въ 756 году карлыки замѣтно усилились и овладѣли бассейномъ р. Или. См. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 2, стр. 437—438. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 71—72 (прим. 3).

По свидѣтельству Истархи, харлухи жили къ западу отъ тагазгасовъ (токусъ-огузовъ) и къ востоку отъ гузовъ, кочевья коихъ простирались между Каспіемъ и Сихуномъ (Сыр-дарьей) См. Bretschneider, op. cit., II, стр. 39.

Въ началѣ XI ст. (въ 383 г. геджры) карлыки овладѣли всѣмъ Туркестаномъ, гдѣ и основали династію, извѣстную въ исторической литературѣ подъ именемъ Караханидской (Названіе это впервые введено въ исторію В. Григорьевымъ. См. его «Караханиды въ Мавераннагрѣ по Тарихи-Мунедджимъ-баши», въ «Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.», XVII), Илекской (у

гдѣ и положили основаніе, вкупѣ съ другими поколѣніями, уйгурскому царству, простиравшемуся первоначально отъ Прибалхашскихъ степей до бассейна р. Кэрулена.

Въ 755 г. Ань-Лушань, хунь родомъ, поднялъ возстаніе въ Китаѣ и, овладѣвъ обѣими столицами государства ¹⁾, объявилъ себя императоромъ. Тогда императоръ Су-цзунъ прибѣгнулъ къ крайней, единственно оставшейся еще въ его распоряженіи, мѣрѣ: онъ обратился за помощью къ иноземцамъ. И помощь эта была ему охотно оказана. Отозвались даже дашицы ²⁾. Хотанъ прислалъ пятитысячный корпусъ, уйгурскій ханъ цѣлое войско. При помощи этихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ 757 г. обѣ столицы были взяты обратно; но побѣда эта досталась тяжелой цѣной императору: онъ вынужденъ былъ выдать свою дочь за уйгурскаго хана и обязался вносить ему ежегодно по 200 тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей. Этимъ униженіемъ императорскаго достоинства дѣло однако не ограничилось. Взявши Ло-янъ, уйгуры предали его разграбленію ³⁾ и покинули не раньше, какъ получивши условный выкупъ — 10 тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей. Вся имперія была разорена, и ея ресурсы были настолько истощены, что она оказалась не въ силахъ помѣшать наступленію на Ло-янъ новаго мятежника, Ши-чао-и. Когда столица была имъ взята, императоръ вновь обратился за помощью къ уйгурамъ (въ 762 г.). Послѣдніе и на этотъ разъ согласились выставить вспомогательный корпусъ, но предварительно

нумизматовъ-ориенталистовъ — Thornberg'a, Dorn'a и др.) и Ильханидской (у арабскихъ летописцевъ — Ибнъ-эль-Эсира и Ибнъ-Хальдуна). Френъ считалъ эту династію уйгурской — ошибка, которую впервые доказалъ Григорьевъ (см. «Вост. или Кит. Туркестанъ», стр. 283—286). Первоначально столицей этихъ хановъ была Бухара, затѣмъ Самаркандъ. Первый ударъ нанесъ Караханидамъ Блюй-Даши, который, хотя и овладѣлъ Мавераннагромъ, но не уничтожилъ царствовавшей тамъ династіи карлыкскихъ хановъ; она продержалась въ Самаркандѣ до начала XIII столѣтія (612 г. геджры), когда хорезмскій шахъ Алла эд-Динъ Махоммедъ взялъ приступомъ этотъ городъ и казнилъ послѣдняго ильхана Османа. Мунедджимъ-баши пишетъ: «Коренными владѣніями хахановъ туркестанскихъ (т. е. Караханидовъ) были города: Баласагунъ (лежалъ въ Чуйской долине. См. Бартольдъ «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью», стр. 32—40), Кашгаръ или Ордукентъ, Хотанъ, Карокорумъ (?), Таразъ, Фарабъ (позднѣе — Отраръ) — всѣ три города важные; что касается Мавераннагра, то о немъ уже говорилось» («Труды Вост. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XVII, стр. 105).

Блюй-Даши покорилъ своей власти и кочевыхъ карлыковъ. Ихъ князь Арсланъ добровольно подчинился Чингисъ-хану.

¹⁾ Эти столицы были Чанъ-ань и Ло-янъ, близъ Хэ-нань-фу.

²⁾ Судя по описанію ихъ внѣшняго вида, это были таджики. Сомнительно, чтобы арабы могли рѣшиться отправить вспомогательный корпусъ такъ далеко на востокъ. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 384, и слѣд.; Gaubil — «Mémoires concernant les Chinois, XVI, стр. 67, 71; de Mailla, op. cit., VI, стр. 261, 264.

³⁾ У de Mailla, op. cit., VI, стр. 268 — 269, говорится, что уйгуры разграбили Ло-янъ, получивъ на это разрѣшеніе императора.

потребовали, чтобы наследник престола, стоявший во главѣ посольства, преклонился предъ ханомъ; когда же китайскіе сановники, находившіеся въ свитѣ, вздумали воспрепятствовать этому, то были схвачены и побиты плетью. Подобнаго безчестія еще ни разу не испытывала имперія. Тѣмъ не менѣе, китайцы принуждены были принять помощь уйгуровъ, которые съ успѣхомъ исполнили свою миссію, но при этомъ, по словамъ китайской лѣтописи, «кровь лилась на протяженіи 2000 ли пространства», и война сопровождалась такими неслыханными жестокостями, о которыхъ краснорѣчивѣе всего говоритъ нижеслѣдующій фактъ: въ 754 г. населеніе имперіи исчислялось въ 53 милл. душъ обоюго пола, а въ 764 г., послѣ того, какъ голова Ши-чао-и была вывѣшена въ клѣткѣ, всего лишь въ 17 милліоновъ! «Въ селеніяхъ не осталось ни одной цѣлой хижины», добавляетъ при этомъ таже лѣтопись, «и жители вмѣсто одѣянія прикрывались листами бумаги!»¹⁾ Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ въ западные предѣлы имперіи вступили туфаньцы и почти безъ сопротивленія заняли области Хэси и Лунъ-ю (въ 763 г.)²⁾.

Въ 764 г. возсталъ талантливѣйшій изъ китайскихъ полководцевъ, уйгуръ родомъ, князь Пугу Хуай-энь, успѣвшій многократно доказать свою беззавѣтную храбрость и вѣрность престолу, потерявшій въ войнахъ съ врагами имперіи 46 человекъ своихъ родственниковъ и не задумавшійся казнить своего родного сына за то только, что тотъ предпочелъ плѣнъ—смерти въ бою. Въ возстаніи онъ искалъ спасенія отъ неминуемо ожидавшей его казни по навѣтамъ евнуха.

Хуай-энь вступилъ въ соглашеніе съ уйгурами и туфаньцами, но вскорѣ послѣ того, какъ союзники вторглись въ предѣлы Китая, скоропостижно скончался. Смерть эта создала натянутыя отношенія между уйгурами и туфаньцами, разрѣшившіяся переходомъ уйгуровъ на сторону китайцевъ и открытіемъ военныхъ дѣйствій между обоими кочевыми народами.

Туфаньцы были изгнаны изъ Китая, но война съ ними не прекращалась до 781 г., когда утомившіеся противники рѣшили, наконецъ, заключить договоръ, въ основаніи коего легли нѣкоторыя территоріальныя уступки, сдѣланныя китайцами, и согласіе послѣднихъ на признаніе Тибета равной съ Китаемъ державой.

Въ 784 г. туфаньцы были вызваны въ Китай на помощь противъ мятежника Чжу-цы; когда же Чжу-цы былъ схваченъ и каз-

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 398.

²⁾ «Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 176.

ненъ, туфаньцамъ предложено было удалиться изъ предѣловъ Китая, при чемъ, вопреки условію, имъ не сдѣлано было никакой земельной прирѣзки. Это обстоятельство послужило поводомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій на западной границѣ имперіи, прекратившихся лишь въ 822 году.

Въ 788 г., тѣснимые туфаньцами, китайцы заключили съ уйгурами оборонительный союзъ, но онъ не принесъ существенной пользы имперіи.

Къ этому времени оффициально Западный край все еще находился подъ властью Китая¹⁾, такъ какъ въ городахъ Ань-си (Кучѣ), Бэй-тинѣ и Си-чжоу, начиная съ 755 г. отрѣзанныхъ отъ Китая, все еще продолжали какимъ-то чудомъ стоять китайскіе гарнизоны; фактически же онъ давно уже принадлежалъ: къ сѣверу отъ Тянь-шаня — уйгурамъ, къ югу — тибетцамъ, что можно заключить изъ нижеслѣдующихъ указаній китайской лѣтописи: во-первыхъ, шатосцы²⁾, кочевавшіе въ окрестностяхъ Бэй-тина, хотя и имѣли опору въ этомъ городѣ³⁾, тѣмъ не менѣе, считались данниками уйгуровъ; и, во-вторыхъ, поколѣнія Гэлу и другія, подвластныя также уйгурамъ и кочевавшія, вѣроятно, гдѣ-либо по соседству, такъ какъ въ свое время явились пособниками тибетцевъ при взятіи Бэй-тина, «тайно преданы были тибетцамъ»⁴⁾, что не могло бы случиться, если бы послѣдніе не господствовали въ это время въ Притяньшаньѣ; да, наконецъ, и по ходу событій нельзя предположить ничего другого. Если же въ китайскихъ лѣтописяхъ

¹⁾ О томъ, какъ китайцы распоряжались въ Восточномъ Туркестанѣ въ VII и въ началѣ VIII в. см. Григорьева «Восточный Туркестанъ», стр. 170 и слѣд.

²⁾ Шатосцы, одно изъ тюркскихъ чуйскихъ (чююе) племенъ, раньше кочевало къ югу отъ горъ Инсо, на сѣверной окраинѣ песчаной пустыни Шато, отъ которой и получило свое названіе. Инсо — это, безъ сомнѣнія, горы Джаиръ (Ср. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», IV, стр. 36, съ картой, приложенной имъ же къ «Запискамъ о Монголіи»), пески же Шато — пески Заосты-Элисунъ. На картѣ, приложенной къ «Собр. св.», кочевья Шато показаны къ югу отъ Джаира.

³⁾ Съ распаденіемъ тукіэской державы въ Джунгаріи продолжали кочевать тукіэсцы, главнымъ образомъ, чуйскаго племени: чююэ (остатки коихъ сохранились и до сихъ поръ въ отдѣленіи чуэ между найманами рода садыръ, въ Лепсинскомъ уѣздѣ, въ урочищѣ Тантекъ-су), чуми (чумекей — родъ малой орды казаковъ), дулу (нынѣшніе дулаты) и шато. Шато первоначально жили западнѣе другихъ чуйскихъ родовъ, а именно, какъ сказано выше, у горъ Инсо; впоследствии же, т. е. въ самомъ началѣ VIII в., изъ опасенія тибетцевъ, они прикочевали ближе къ Бэй-тину, подъ защиту его стѣнъ (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 454). Я думаю, однако, что не одна боязнь тибетцевъ побудила ихъ расположиться кочевьями ближе къ Бэй-тину, но и другое болѣе важное обстоятельство: дѣло въ томъ, что ихъ главарямъ наследственно ввѣрялось китайцами управленіе Гиньманьскимъ (Цзиньманьскимъ) округомъ; ясное дѣло, что эти послѣдніе не могли не перевести ближе къ себѣ и все шатоское поколѣніе. О чуйскихъ племенахъ см. Аристова, *op. cit.*, стр. 78.

⁴⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 412.

мы не находимъ къ этому прямыхъ указаній, то объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (755—785 г.г.) китайцы не получали извѣстій изъ Восточнаго Туркестана. По этому поводу нельзя не указать на примѣръ Дунь-хуана (Шачжоу), который, будучи окруженъ туфаньскими владѣніями съ 755 г., палъ лишь въ 819 г. и то послѣ 11-ти-лѣтней осады! Нѣчто подобное могло случиться и съ городами Ань-си, Бэй-тинь и Си-чжоу. Впрочемъ, Бэй-тинь завоеванъ былъ туфаньцами въ 790 г.¹⁾ Въ томъ же году шатосцы выведены были на востокъ и поселены въ Бэй-шань, къ сѣверу отъ города Гань-чжоу²⁾.

Подъ Бэй-тиномъ туфаньцы столкнулись съ уйгурами и нанесли имъ полное пораженіе. Такимъ образомъ между обоими государствами возгорѣлась война, различные фазисы которой намъ, однако, мало извѣстны. Она окончилась въ пользу уйгуровъ, которые не только обратно взяли Бэй-тинь, но и отвоевали у туфаньцевъ округъ Лянъ-чжоу (въ 808 г.). Этимъ-то моментомъ и воспользовались шатосцы, рѣшившіеся бѣжать на востокъ; на пути туда они были, однако, настигнуты и частью перебиты погнавшимися за ними туфаньцами³⁾.

Въ 839 г. среди уйгурскихъ родовичей начались междоусобія, которыя, въ соединеніи съ посѣтившими тогда Монголію бѣдствіями: засухой и порожденными ею—голодомъ, сильнымъ падежомъ скота и моровой язвой, быстро привели уйгурское ханство къ паденію. Въ 840 г. хагясы⁴⁾, уже въ теченіе двадцати лѣтъ съ успѣхомъ

¹⁾ De Mailla, op. cit., VI, стр. 354. На стр. 229 перваго тома событіе это, согласно съ Іакинфомъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 455, отнесено къ 794 году. Дегинь (op. cit., II, стр. 23), въ свою очередь, помѣчаетъ это событіе 791 годомъ. О роли, какую при этомъ играли уйгуры, см. тамъ же.

Что же насчетъ Си-чжоу, то городъ этотъ, вѣроятно, завоеванъ былъ позднѣе. Въ 861 г. Пугу-Цзунь отнялъ его уже у тибетцевъ. О семъ см. ниже.

²⁾ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 455.

³⁾ Нѣкоторой части народа удалось, впрочемъ, добраться до границъ Китая, гдѣ они и были расселены къ сѣверу отъ горъ Инь-шань (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 456). Впослѣдствіи одинъ изъ шатоскихъ князей овладѣлъ императорскимъ престоломъ въ Китаѣ, основавъ династію Хэу-цзинь (937—947). De Mailla, op. cit., VII, стр. 319—384. Эта династія была свергнута шатосцемъ же Лю-чжи-юанемъ, давшимъ своей династіи наименование Хэу-хань (947—951). De Mailla, ib., стр. 385—422.

⁴⁾ Предки нынѣшнихъ киргизъ. Жили въ горахъ бассейна верхняго Енисея. Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. 129) ошибочно пишетъ: «Ils (Hakas) avaient alors leur principal campement au nord de Yan-khy, ou Kharachar, et des monts Célestes».

Впервые имя «киргизъ» стало извѣстно въ Европѣ во второй половинѣ VI вѣка. «Ce fut là (на р. Таласѣ) que Dizaboul donna au préfet romain (византійскому послу Зимарху) son audience de congé et lui fit présent d'un esclave de la nation des Kherkhiz» (Klaproth, op. cit., стр. 117).

боровшіеся со своими поработителями — уйгурами ¹⁾, нанесли имъ жестокое пораженіе и, благодаря измѣнѣ одного изъ уйгурскихъ старшинъ, овладѣли Кара-Корумомъ. Послѣ этого пятнадцать уйгурскихъ аймаковъ бѣжало въ Тарбагатайскія горы, нѣкоторые спаслись въ долинахъ Тянь-шаня и Бэй-шаня, 13 же родовъ ханскаго аймака, провозгласившіе своимъ ханомъ нѣкоего Уцзѣ-дэлэ, откочевало къ Великой стѣнѣ, гдѣ и заняло своими кочевьями мѣстность къ востоку отъ Гуй-хуа-чэна. Эта часть племени вся погибла или разсѣялась, преслѣдуемая съ одной стороны китайцами, не хотѣвшими допустить кочевниковъ селиться въ предѣлахъ имперіи, съ другой же — хагясами. Что же касается до уйгуровъ, бѣжавшихъ въ Тарбагатай, то они вскорѣ оправались отъ пораженія и, двинувшись на востокъ, безъ труда вернули себѣ всю южную Джунгарію, Бэй-шань и западную половину Хэси, чѣмъ и положили основаніе новому уйгурскому ханству.

Въ это время Туфань также переживала тревожную эпоху. Ее раздирали смуты, которыя къ пятидесятымъ годамъ IX столѣтія довели страну до такого истощенія силъ, что отпаденіе отъ нея прежнихъ китайскихъ областей: Лунъ-ю, Лань-чжоу и другихъ, совершилось само-собою. Въ 861 г. уйгурскій старшина Пугу-Цзунь, кочевавшій въ южной Джунгаріи, отнялъ у туфаньцевъ Турфанъ и Хами (Си-чжоу и И-чжоу) и, объединивъ подъ своею властью всю область Хэнти ²⁾, объявилъ себя ханомъ. Въ этомъ достоинствѣ онъ былъ утвержденъ китайскимъ правительствомъ въ 874 году ³⁾. Такимъ образомъ было положено основаніе новому госу-

По переводу Дестуниса («Византійскіе историки», стр. 379) это мѣсто у историка Менандра слѣдуетъ читать такъ: «Зимарха почтилъ онъ (Дизавуль) плѣнницею; она была изъ народа такъ называемыхъ херхисовъ (Χέρχισ)»; причемъ и самый фактъ этотъ имѣлъ мѣсто не на р. Таласѣ, а въ хақанской ставкѣ, въ горахъ Эктагъ (въ Алтаѣ?).

Оно упоминается также и въ орхонскихъ надписяхъ (см. Thomsen, op. cit., стр. 98 и 140).

¹⁾ Хагясы были покорены уйгурами въ 758 г.

²⁾ Въ китайской лѣтописи («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 424) сказано «Пугу-Цзунь изъ Бэй-тина напалъ на тибетцевъ, убилъ Лунь Шанжо и взялъ у нихъ Си-чжоу и Лунь-тай». Иакинфъ полагаетъ, что Лунь-тай, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Бугуръ, лежащій къ западу отъ Карашара. Но такъ какъ о Луньтаѣ-Бугурѣ уже въ теченіе многихъ вѣковъ китайскіе лѣтописцы вовсе не упоминали, да къ тому же, со времени разрушенія его Ли-гуанъ-ли, онъ потерялъ всякое значеніе, то я думаю, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ Лунь-таѣ, развалины коего найдены были нами къ западу отъ Джимысара (См. «Описаніе путешествія въ Западный Китай», I томъ, стр. 121, 176 и 225).

³⁾ Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что въ это время Уйгурія стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю.

дарству въ Притяньшаньскихъ земляхъ—впослѣдствіи столь извѣстной уйгурской державѣ ¹⁾).

Во второй половинѣ IX вѣка стали замѣтно усиливаться тангуты, извѣстные подъ именемъ дансяновъ. Первоначально они жили въ Амдо (Си-чжи), въ горахъ, водораздѣльныхъ между бассейнами рѣкъ Янь-Цзы и Хуанъ-хэ. Когда же страной этой овладѣли тибетцы (въ 660 г.), то дансяны (поколеніе Тоба ²⁾) выселились въ предѣлы Китая, въ область Цинъ-янь-фу (въ провинціи Ганьсу), а затѣмъ и еще далѣе къ сѣверу, занявъ постепенно всю территорию до Великой стѣны. До половины VIII вѣка китайская исторія о дансянахъ почти вовсе не упоминаетъ, но съ этого времени начались ихъ безпрестанные набѣги на окрѣстныя китайскія поселенія. Въ 762 г. они даже разграбили предмѣстье Чанъ-ани, а годомъ позднѣе, въ составѣ войскъ Пугу-хуай-эня, доходили до стѣнъ Фынъ-сянь-фу. Съ этихъ поръ, безпрестанно воюя и то вступая въ союзъ съ тибетцами противъ Китая, то снова заискивая у императоровъ, дансяны множились, богатѣли и, наконецъ, овладѣвъ городомъ Ся-чжоу (въ 873 г.), почувствовали себя достаточно сильными, чтобы основать государство, получившее у китайцевъ названіе Ся-го или царства Ся.

¹⁾ Историческія судьбы этого государства изложены въ I т. «Оп. пут. въ З. Кит.», стр. 230—232, 456 и слѣд. Къ тѣмъ фактамъ, которые тамъ сообщаются, не лишне будетъ, впрочемъ, присовокупить, что, когда китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ въ 981 г. проѣзжалъ черезъ Хами, то онъ засталъ тамъ правителемъ прямого потомка въ десятомъ колѣнѣ того лица, которое въ 714 г. было утверждено китайскимъ правительствомъ въ должности намѣстника. Такимъ образомъ, несмотря на то, что за протекшій огромный промежутокъ времени Хамійское княжество не разъ мѣняло своихъ сюзереновъ, династія туземныхъ правителей успѣла неизмѣнно въ немъ удержаться. Stanislas Julien — «Les Oïgours» (въ «Journal Asiatique», 1847, IX, стр. 52—53).

Говоря о границахъ Уйгуріи, Ванъ-Янь-дэ пишетъ, что на западъ территория этого государства простирается до страны Аси (ib., стр. 64). Въ дѣйствительности, это едва ли было такъ — асы-аланы жили въ это время къ западу отъ Волги и Каспійскаго моря, а такъ далеко къ западу границы Уйгуріи простираться не могли. Объ аланахъ, которые были извѣстны китайцамъ еще до начала нашей эры (у Иакинфа «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», III, стр. 121, читаемъ: «владѣніе Яньцай (находившееся при старшихъ Ханяхъ, какъ кажется, въ нынѣшней Тургайской области) переименовалось въ Аланья»; мнѣ думается, что это слѣдуетъ такъ понимать, что Яньцай было завоевано аланами), можно найти нужныя свѣдѣнія у Neumann'a («Die Völker des südl. Russlands», etc., гл. 2), Bretschneider'a (op. cit., II, 84—90), Klaproth'a («Asia Polyglotta», стр. 85—97), въ «Живой Старинѣ» (1894, вып. I), etc.

Любопытное указаніе на существованіе прямыхъ торговыхъ сношеній между Уйгуріей и Тибетомъ находимъ мы у de Mailla (op. cit., VIII, стр. 203).

²⁾ Тоба — сяньбійскій родъ, правившій сѣвернымъ Китаемъ подъ именемъ династіи Бэй-Вэй съ 386 до 557 г. Что тангутскіе князья, основавшіе впослѣдствіи царство Ся-го, были потомками, хотя, можетъ быть, и не въ прямой линіи, китайскихъ императоровъ этой династіи, видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ письма тангутскаго царя Юань-хао: «Предки мои происходятъ отъ императорской отрасли и еще при концѣ дома Цзинъ положили первое основаніе дому Вэй» («Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 28).

Основатель этого царства Тоба-сы-гунь былъ возведенъ императоромъ въ княжеское достоинство въ 883 г. и хотя фактически онъ уже владѣлъ обширными землями въ Шэнь-си, тѣмъ не менѣе, все же не безъ значенія для него остался фактъ оффиціального признанія за нимъ и его потомствомъ наслѣдственныхъ правъ на удѣлъ Ся. Сверхъ того онъ былъ награжденъ высшимъ придворнымъ чиномъ, удостоенъ фамиліи Ли и сдѣланъ правителемъ пяти областей. Столь безпримѣрныя награды получилъ онъ за услуги, оказанныя имъ въ войнѣ съ отважнымъ мятежникомъ Хуань-чао, успѣвшимъ уже тогда овладѣть обѣими столицами имперіи. Подобнымъ же образомъ награжденъ былъ и шатоскій князь Ли-кэ-юнъ, получившій въ удѣлъ область Тай-юань, въ провинціи Шань-си.

Первыя серьезныя недоразумѣнія между тангутами и китайцами возникли только столѣтіе спустя, а именно, въ исходѣ X вѣка, когда одинъ изъ тангутскихъ родовичей, по имени Тоба-цзи-цзянь, бѣжалъ въ Ордосскія степи, откуда и сталъ производить набѣги на предѣлы Китая. Всѣ попытки усмирить его не привели ни къ чему, и въ 998 г. китайцы вынуждены были, наконецъ, возвратитъ ему незадолго передъ тѣмъ, путемъ мирнаго соглашенія, вновь присоединенныя къ имперіи области, входившія въ составъ земель удѣла Ся.

Въ 1001 и 1002 годахъ Тоба-цзи-цзянь послѣдовательно овладѣлъ городами Нинъ-ся и Линъ-чжоу и, поселившись въ послѣднемъ, сдѣлалъ его столицей Ся-го ¹⁾.

При сынѣ его столица перенесена была въ Нинъ-ся, при внукѣ значительно расширены предѣлы самаго государства и отнятъ у уйгуровъ городъ Гань-чжоу (въ 1028 г.) ²⁾. Въ 1035 г. тангуты

¹⁾ Къ этому же времени относятся и первыя столкновенія тангутовъ съ ганьчжоускими уйгурами (De Mailla, VIII, стр. 141). Васильевъ («Исторія и древности восточной части Средней Азии отъ X до XIII вѣка», стр. 86) совершенно справедливо замѣчаетъ о царствѣ Ся, что оно составляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи. «Занимая незначительную часть земли въ Китаѣ (его владѣнія охватывали, главнымъ образомъ, Ала-шань и восточную часть Бэй-шаня. Чингисъ-ханъ овладѣлъ прежде всего Хэ-шуй-чэномъ, а затѣмъ Су-чжоу и Гань-чжоу. См. Іакинфъ «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», стр. 133), оно умѣло сохранить внутреннюю свою независимость, находясь на границахъ такихъ великихъ державъ, каковы Киданьская, Цзиньская и Сунская, и только одинъ мечъ Чингисъ-хана могъ положить ей конецъ».

Китайскій историкъ по тому же поводу пишетъ: «Ils durent l'indépendance dans laquelle ils se soutinrent si longtemps à l'attention qu'ils eurent toujours d'agir suivant les circonstances et de se déclarer à propos pour ou contre les Song, les Leao et les Kin; ils ne faisaient point difficulté de se dire tributaires des uns ou des autres, pourvu qu'il y allât de leur intérêt. Cette politique leur réussit, et ils ne se perdirent, que lorsqu'ils s'en écartèrent en refusant de se joindre aux Kin contre les Mongous» (De Mailla, op. cit., IX, стр. 127).

²⁾ Какъ кажется, уйгуры продолжали и послѣ того владѣть большей частью Бэй-шаня, считаясь, однако, вассалами тангутовъ. Въ началѣ же XI вѣка они были еще настолько сильны,

вторглись въ предѣлы Туботскаго княжества ¹⁾, проникли на югъ за Хуанъ-хэ, но возвратились изъ этого похода безъ видимыхъ результатовъ; зато на западѣ они отняли у тибетцевъ Су-чжоу, Ань-си и Дунъ-хуанъ ²⁾ и, кажется, въ этомъ же году Лянъ-

что сумѣли отстоять себя даже въ борьбѣ съ могущественными киданями; такъ, хотя послѣдніе въ 1008 г. и полонили ихъ князя Ъ-ла-ли, но это былъ лишь частный успѣхъ, не имѣвшій дальнѣйшихъ послѣдствій. (См. Бретшнейдеръ — «Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources», I, стр. 242—243). Засимъ кидане предпринимали противъ ганьчжоускихъ уйгуровъ походы въ 1010 и 1026 гг. Первый окончился захватомъ г. Су-чжоу, второй же не имѣлъ и такого успѣха. Эти походы В. Григорьевъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 276—277) объясняетъ желаніемъ киданей «усмирить» непокорныхъ вассаловъ, но въ китайскихъ лѣтописяхъ я не нахожу указаній на существованіе такихъ отношеній между киданями и уйгурами. У Visdelou («Bibliothèque orientale», Suppl., стр. 86), мы читаемъ: «Le premier jour de l'onzième lune (924) l'Empereur prit Pi-li-gho, qui était Tou-tou des Hœi-hou de Kan-tcheou. Il prit de là occasion d'envoyer des Députés à leur Khan, nommé Ou-mou-tchu». И затѣмъ: «Ils lui (т. е. посланные императоромъ киданьскимъ Абаоки хану уйгурскому Умучу) portèrent une lettre conçue, à peu près, en ces termes: «Pensez-vous encore à votre ancien pays (т. е. о долину Орхона). Si vous y pensez, moi, Empereur, je veux vous la rendre; que si vous ne pouvez venir le reprendre de mes mains, je le retiendrai. C'est la même chose qu'il soit entre les vôtres ou entre les miennes» (стр. 11). На такое приглашеніе Умучъ-ханъ далъ нижеслѣдующій отвѣтъ: «Уже десять поколѣній смѣнилось послѣ того, какъ уйгуры, покинувъ свою родину, кочуютъ въ предѣлахъ Китая. Они довольны тѣмъ, что имѣютъ, и не стремятся отсюда на сѣверъ. А потому и я, съ своей стороны, не могу согласиться на переходъ въ долину Орхона». Эта переписка вполне устанавливаетъ тотъ фактъ, что уйгуры не были покорены Амбаганемъ (Абаоки), основателемъ Киданьскаго царства; не были они покорены и позднѣе, такъ какъ лѣтописи Киданьскаго дома не упоминаютъ о какихъ либо войнахъ между уйгурами и киданями въ промежутокъ времени между 924 и 1008 годами.

То же почти рассказываетъ и Дегинъ (ор. cit., II, стр. 30—31), относящій, однако, занятіе тангутами городовъ Су-чжоу, Ша-чжоу и Гуа-чжоу къ позднѣйшему времени, а именно, къ 1036 году. У того же Дегиня мы встрѣчаемъ интересное указаніе, свидѣтельствующее, что ша-чжоу'скіе (Cha-tcheou) уйгуры сохранили нѣкоторую самостоятельность до 1257 г.; не есть ли это, однако, ошибка? Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о турфанскихъ (си-чжоу'скихъ) уйгурахъ?

De Mailla даетъ болѣе правильное объясненіе похода киданей противъ уйгуровъ въ 1026 г.: «Les Tartares Khitan, qui commençaient à se défier de Tchao-té-ming (Тоба-Дэ-минъ, сынъ Тоба-Цзи-цзяня), évitèrent de lui donner aucun prétexte de se plaindre d'eux, mais ils résolurent de l'enfermer entre leurs états en faisant la conquête du pays des Hœi-ho, et ils allèrent mettre le siège devant la ville de Kan-tcheou» (ор. cit., VIII, стр. 188—189). Но этотъ планъ былъ своевременно разгаданъ тангутами, которые и прогнали киданей изъ подъ стѣнъ этого города. Засимъ Тоба-Дэ-минъ «résolut d'enlever lui-même Kan-tcheou aux Hœi-ho et d'annexer cette ville à ses états».

¹⁾ Въ исходѣ IX вѣка огромное Тибетское царство безъ какого либо толчка извнѣ распалось на части. Не только каждая изъ входившихъ нѣкогда въ его составъ народностей добилась самостоятельнаго управленія, но даже въ предѣлахъ сихъ послѣднихъ явились независимые владѣтели, къ которымъ ближе всего подходитъ титулъ князьковъ. Одинъ изъ такихъ князьковъ, потомокъ тибетскихъ царей, по имени Цинанъ-кябу (Госыло), собралъ окрестныя поколѣнія, кочевавшія между сѣверной цѣпью Нань-шаньскихъ горъ и р. Хуанъ-хэ, и основалъ, въ началѣ XI вѣка, княжество, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Туботскаго.

²⁾ «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 26. De Mailla, ор. cit., VIII, стр. 201. У Бретшнейдера (ор. cit., стр. 243) мы читаемъ однако: «In 1028, the Hia, or Tanguts, who had founded a powerful empire in the present Ordos, attacked the Hui-hu, and succeeded in annexing to their dominions Kan-chou (Гань-чжоу), Kua-chou (Гуа-чжоу), Su-chou (Су-чжоу), and other places belonging to the Hui-hu». Я не берусь примирить это противорѣчіе. Укажу, однако, на то обстоятельство, что проѣзжавшій въ 938 г. областью Хэси въ Хотанъ китаецъ Гао-цзюй-хой нашель уйгуровъ лишь въ городѣ Гань-чжоу; выйдя же изъ Цзя-юй-гуаньскаго ущелья, онъ ѣхалъ уже

чжоу¹⁾. Въ 1036 году они овладѣли Лань-чжоу и Цзинь-Юань-сянемъ и, такимъ образомъ, стали обладателями всей Хэси, юго-восточной части Бэй-шаня²⁾, Ала-шаня, Ордоса и сѣверныхъ окраинъ губерній Гань-су и Шэнь-си. Въ это время общая численность тангутской арміи, по словамъ китайской лѣтописи, достигала 500 тысячъ человѣкъ³⁾; цвѣтъ ея составляли 5-ти тысячный корпусъ гвардейской легкой кавалеріи, набранный изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи страны, и 3-хъ тысячный корпусъ латниковъ. Эти цифры я привожу съ умысломъ, чтобы показать какъ густо въ то время населена была страна, которая нынѣ едва прокармливаетъ ничтожное по численности китайское населеніе.

Въ 1038 г. возгорѣлась война между царствомъ Ся и Китаемъ, окончившаяся семь лѣтъ спустя мирнымъ договоромъ, по которому Китай, признавая права Ся на всѣ земли, населенныя тангу-

сѣверными предѣлами тибетскихъ владѣній; по крайней мѣрѣ я такъ понимаю фразу: «On cotoie les limites du pays des Tibétains» (Ab. Rémusat — «Histoire de la ville de Khotan», стр. 77). Граница тибетская могла пролегать здѣсь или по р. Су-лай-хэ, что всего вѣроятнѣе, или идти по гребню Нань-шаня, и тогда Гао-цюй-хой не вправѣ былъ выразиться такъ, какъ это передаетъ намъ Ab. Rémusat. Во всякомъ случаѣ противорѣчіе это должно быть разрѣшено въ связи съ подобнымъ же противорѣчіемъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящимся ко времени занятія Бэй-шаня и Хэси уйгурами. У Бретшнейдера читаемъ: «Пань-дэлэ (т. е. Пань-төрэ, что значитъ царь Пань) основалъ государство, къ которому принадлежали округа: Ша-чжоу, Си-чжоу и Гань-чжоу» (op. cit., стр. 243). То же, въ «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», пишетъ и Іакинфъ: «Въ 847 г. Энянь-дэлэ бѣжалъ на западъ и безъ вѣсти пропалъ; между тѣмъ Пань-дэлэ уже объявилъ себя ханомъ, жилъ въ Гань-чжоу и владѣлъ городами, лежавшими далѣе на западъ за Песчаною степью, какъ-то Лянь-чжоу (?) и Дунь-хуань» (т. I, стр. 426). Въ Исторіи же Тибета и Хухунора того же Іакинфа сказано, что туфаньскій предводитель Чжань-и-чао сдалъ въ 851 г. города Ша-чжоу, Гуа-чжоу и др. китайцамъ (т. I, стр. 232, II, стр. 123). Нельзя ли объяснить это разногласіе тѣмъ, что свѣдѣнія о границахъ Уйгуріи въ эпоху ея основанія Іакинфъ и Бретшнейдеръ почерпнули изъ исторіи Сунской династіи? Вѣдь не подлежитъ же сомнѣнію, что Си-чжоу отнялъ у тибетцевъ не Пань-дэлэ въ 847 г., а Пугу-цзунъ въ 861 г. (см. выше). Несомнѣнно также, что и городомъ Лянь-чжоу уйгуры никогда не владѣли (о семъ см. ниже). Наконецъ, нельзя игнорировать и слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ концѣ династіи Тань округи Гуа-чжоу и Ша-чжоу были снова отрѣзаны (тибетцами) отъ Китая. Впрочемъ, и Туфаньское царство начало приходитъ въ упадокъ» и т. д. (т. II, стр. 123). Ср. Васильевъ, op. cit., стр. 92. De Mailla, op. cit., VIII, стр. 17.

¹⁾ Въ 927 г. округомъ Лянь-чжоу управлялъ ставленникъ тибетцевъ, китаецъ Сунь-чао. Въ исходѣ же X вѣка этотъ округъ составлялъ уже княжество Хэси-цзюнь, коимъ владѣлъ наследственно тибетскій князь Юйлунбо.

²⁾ Іакинфъ на приложенной ко II тому «Исторіи Тибета и Хухунора» картѣ включаетъ въ предѣлы Ся-го весь восточный, а также и центральный Бэй-шань, но на какомъ основаніи — неизвѣстно.

³⁾ Такъ какъ въ Ся-го въ войско зачислялись: одинъ изъ двухъ, два изъ четырехъ мужчинъ, достигавшихъ опредѣленнаго возраста, то, руководствуясь этими данными, можно опредѣлить, конечно лишь весьма приблизительно, общую численность населенія этого царства въ 4 мил. душъ обоюго пола. Впрочемъ, у de Mailla (op. cit., VIII, стр. 201) общая численность тангутскихъ войскъ показана въ полтораста тысячъ человѣкъ.

тами, въ то же время обязывался выплачивать ему ежегодную дань въ размѣрѣ 250 тысячъ лань. Въ томъ же 1044 г. тангуты успѣшно отразили киданей, которые въ эту эпоху были наверху своей славы и могущества ¹⁾. Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о внутренней мощи тангутскаго царства, занимавшаго, въ большей своей части, одни изъ самыхъ бесплодныхъ участковъ Гобійской пустыни.

Дальнѣйшая исторія царства Ся вплоть до 1124 г., представляя пересказъ непрерывнаго ряда пограничныхъ столкновений и кровопролитныхъ войнъ съ Китайской имперіей, имѣетъ мало поучительнаго и интереснаго ²⁾. О внутренней же жизни этого государства за столь долгій періодъ времени мы знаемъ лишь то, что элементы гражданственности стали довольно быстро проникать во всѣ слои его населенія. Такъ, военныя силы страны получили прочную организацію; гражданскія дѣла были выдѣлены въ вѣдѣніе особаго министра; введено было судопроизводство на основаніи писанныхъ законовъ ³⁾; открыты школы, высшее училище ⁴⁾ и академія ⁵⁾; изобрѣтенъ алфавитъ и переведены на тангутскій языкъ нѣкоторыя китайскія сочиненія; отлита была мѣдная монета; при дворѣ введенъ былъ китайскій церемоніаль; вмѣстѣ съ симъ послѣдовали измѣненія и въ самой формѣ одежды, которая получила китайскій покрой; наконецъ, устроена была богадѣльня для престарѣлыхъ чиновниковъ ⁶⁾.

Въ 1124 г. тангуты признали себя данниками чжурчженей. Въ 1131 г. чжурчжэни овладѣли Лань-чжоу, бассейнами Сининской рѣки и озера Куку-нора и округомъ Хэ-чжоу, послѣ чего миръ на западныхъ границахъ Китая въ теченіе почти трехъ четвертей

¹⁾ Иакинфъ («Ист. Тибета и Хухунора», II, стр. 49; de Mailla, op. cit., VIII, стр. 234). Въ отместку за понесенное въ этомъ году пораженіе, кидане въ 1049 году предприняли новую экспедицію противъ Ся-го; но пораженіе, которое они при этомъ понесли, было страшнѣе перваго. «Les Hia (Ся), читаемъ мы у de Mailla, ib., стр. 241, en firent une étrange boucherie».

²⁾ Отмѣтимъ только, что въ 1082 году тангуты нанесли страшное пораженіе китайцамъ. У de Mailla, op. cit., VIII, стр. 301, читаемъ: «Depuis un temps immémorial la Chine n'avait point essuyé d'échec aussi terrible».

³⁾ Это, впрочемъ, нѣсколько позднѣе. См. «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 108.

⁴⁾ «Въ 1101 г. основанъ университетъ со штатомъ 300 студентовъ и опредѣлены ученымъ пенсіи для безбѣднаго ихъ содержанія. Впослѣдствіи число обучающихся въ этомъ училищѣ студентовъ доведено было до 3 тысячъ. См. «Ист. Тибета и Хухунора», II, стр. 93, 108 и 122. См., однако, de Mailla, op. cit., VIII, стр. 623, относящаго основаніе этого университета къ позднѣйшему времени.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 109.

⁶⁾ Обо всѣхъ этихъ нововведеніяхъ см. тамъ же, стр. 26, 29, 56, 93, 108, 113, 117 и 122.

столѣтія серьезнымъ образомъ ни разу не нарушался¹⁾. Столь продолжительный миръ въ значительной мѣрѣ ослабилъ воинственный духъ тангутскаго народа, сдѣлавъ его неспособнымъ оказать хотя бы сколько-нибудь серьезное сопротивленіе величайшему изъ азійскихъ завоевателей—Чингисъ-хану.

Въ XIII столѣтіи монголы пріобрѣли выдающееся значеніе въ міровой исторіи²⁾. Въ эту эпоху кочевья пленена Средней Азіи, объединенныя подъ одной властью, могучимъ потокомъ разлились по всей Азіи и восточной Европѣ, заливъ свой путь кровью и оставивъ послѣ себя однѣ только развалины. Человѣкъ, который управлялъ этими дикими и буйными ордами, въ молодости былъ не болѣе какъ старшина нѣсколькихъ монгольскихъ родовъ, разсѣянно кочевавшихъ въ ущельяхъ Кэнтэя. Назывался онъ Темуцзинь. Объединивъ подъ своею властью большія и малыя поколѣнія монголовъ, а также тайджутовъ, татаръ³⁾, кэрѣи-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, дѣятельныя сношенія, которыя поддерживались до этого времени между Восточнымъ Туркестаномъ съ одной стороны и Китаемъ съ другой, въ особенности же между Хотаномъ и имперіей, вдругъ прекратились. Послѣднее посольство изъ Хотана прибыло въ Китай въ 1124 г. (Ab. Rémusat, ib., стр. 100), изъ Уйгуріи въ 1172 г. (Бретшнейдеръ, op. cit., I, стр. 243). Повидимому, въ послѣднее время Хотанъ сносился съ Китаемъ по пути черезъ Цайдамъ, Куку-норъ и долину Сининской рѣки. Это видно, между прочимъ, изъ того факта, что хэ-чжоу'скіе (правильнѣе было бы сказать — хэ-хуанскіе) туфаньцы, «нечувствительно возгордившись, преградили путь Хотану и другимъ княжествамъ для представленія дани въ Китай и начали грабить посольства. Потомъ представили извиненіе» («Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 149). Черезъ Сыртынкскую же долину, безъ сомнѣнія, ѣхалъ и посольство Чжанъ-хуанъ-ѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніи пути, данномъ Гао-цзюй-хоемъ, читаемъ: «A l'ouest de Cha-tcheou (Ша-чжоу) sont les Tchoung-yun; leur campement est dans le désert de Houliu (Хулю). On y manque d'eau, et le pays est toujours froid. Comme il y a beaucoup de neige, quand le temps s'adoucit, la neige se fond, et l'on se procure de l'eau de cette manière. Allant à l'occident on arrive à la ville de Ta-thun. A l'ouest... on entre dans le désert de Kian. Plus à l'ouest encore en arrive à Kan-tcheou (эта мѣстность должна соотвѣтствовать ур. Ганьсы. См. Пржевальскій. «Четвертое путешествіе», стр. 237), qui est au sud-ouest de Cha-tcheou (Ab. Rémusat, op. cit., стр. 78—79).

Кстати замѣчу, что Хотанъ въ это время (въ X и XI вѣкахъ) занималъ первенствующее положеніе среди владѣній Восточнаго Туркестана. Это видно уже изъ того, что въ 1097 г. хотанцы открыто вступили въ борьбу съ царствомъ Ся-го, пославъ корпусъ войскъ для завоеванія городовъ Ша-чжоу, Ань-си, Су-чжоу и Гань-чжоу (Ab. Rémusat, op. cit., стр. 97—98).

²⁾ Китайская исторія впервые упоминаетъ о монголахъ, какъ о могущественномъ народѣ, въ 1139 г. (De Mailla, op. cit., VIII, стр. 529 и 545). Но какъ племенное названіе — имя «монголь» было извѣстно китайцамъ еще въ танскія времена. Въ эту отдаленную эпоху монголы жили между Амуромъ, Сунгари и Нонью (Grosier въ «Histoire gén. de la Chine», IX, стр. 2—3). Въ настоящее время эта область Маньчжуріи населена манеграми, племенемъ, удержавшимъ еще много монгольскаго.

³⁾ Въ секретной исторіи династіи Юань («Юань-чао-ми-ши», переводъ коей помѣщенъ архим. Палладіемъ въ IV т. «Трудовъ російской духовной миссіи въ Пекинѣ», стр. 78) сказано: «всѣ татары мужскаго пола «выше колесной чски» были умерщвлены, остальные же обращены въ рабство». См. также d'Ohsson — «Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour», I, стр. 92.

Принадлежность татаръ къ той или иной этнографической группѣ не достаточно еще вы-

товъ ¹⁾, мэркитовъ ²⁾ и тюрковъ-наймановъ, Тэмуцзинь въ 1205 г. вторгся въ предѣлы Ся-го и, вернувшись оттуда съ богатой добычей, созвалъ въ верховьяхъ р. Онона курилтай (съѣздъ родовыхъ старшинъ), на которомъ и былъ провозглашенъ Чингисъ-ханомъ (1206 г.) ³⁾. Въ 1208 г. Чингисъ-ханъ покорилъ остатки поколѣній кемъ, кемжutowъ и киргизовъ, бѣжавшихъ за р. Иртышъ; въ 1209 г. вторично вторгся въ предѣлы тангутскаго царства ⁴⁾; въ 1210 г. принялъ въ подданство карлыковъ и уйгуровъ ⁵⁾ и, такимъ образомъ, окончательно утвердилъ власть свою надъ всѣми кочевыми народами Халхи, Джунгаріи и Бэй-шаня.

Въ 1211 г. Чингисъ-ханъ впервые обрушился на Гиньскую имперію, которая окончательно завоевана была монголами лишь въ

яснена; всего вѣроятнѣе однако допустить, что это были тюрки. Ср. Аристовъ, *op. cit.*, стр. 21. Thomsen, *op. cit.*, стр. 148, полагаетъ, что татары были монголы.

¹⁾ Этыхъ кэрѣитовъ слѣдуетъ считать предками киреевъ.

²⁾ Отуреченное самоѣдское племя. Не «милигэ» ли, о коихъ упоминаютъ китайцы VII в.? См. Иакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 447.

³⁾ D'Ohsson переводитъ это прозваніе словами: «владыка сильныхъ» (т. I, стр. 99). Архим. Палладій («Труды російской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 190) склоненъ думать, что «чингисъ» — титуль, издавна существовавшій въ Средней Азіи и дошедшій до насъ въ искаженной китайцами передачѣ — «шанью». Съ этимъ мнѣніемъ, однако, нельзя согласиться, такъ какъ титуль шанью и до сихъ поръ удержался въ Хами и Турфанѣ (у дунганъ), равно какъ и другой титуль (монгольскій) «даруга» (нынѣ «дорга»), что прежде означало «намѣстникъ», а теперь — волостной управитель. Одного мнѣнія съ архим. Палладіемъ держится и Дорджи Банзаровъ (см. 3 приб. къ «Шейбаниадѣ», пер. Березина). Вообще, однако, слѣдуетъ признать, что титуль Тэмуцзиня — «Чингисъ» составляетъ еще филологически неразъясненное слово. Полная литература по сему предмету приведена у Березина — «Шейбаниада», стр. 43. См. также Васильевъ — «Исторія и древности восточной части средней Азіи», стр. 218.

⁴⁾ Иакинфъ въ своемъ сочиненіи «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», стр. 40, а за нимъ и Иванинъ («О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазиатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ», I, стр. 23) упоминаютъ еще объ одномъ набѣгѣ на Тангутское царство, въ 1207 г. Въ «Исторіи Тибета и Хухунора» объ этомъ набѣгѣ не говорится; но въ «Си-ся-шу-ши» мы находимъ указаніе, что монголы вторгались въ царство Ся-го не только въ 1205, 1207 и 1209, но и въ 1206, 1208 и 1210 годахъ; очевидно, однако, что это были лишь частныя вторженія, точнѣе — грабительскіе набѣги, которые предпринимались, можетъ быть, даже безъ вѣдома Чингизъ-хана (см. Архим. Палладій, *ibid.*, стр. 241, а также de Mailla, *op. cit.*, IX, стр. 42).

⁵⁾ Историческія судьбы Уйгуріи намъ еще такъ мало извѣстны, что сказаннымъ въ I т. «Оп. пут. въ Зап. Кит.» вполне исчерпывается запасъ имѣющихся о ней свѣдѣній. Вообще, принято думать, что Уйгурія, хотя номинально, но все же не переставала находиться въ вассальной зависимости сперва отъ императоровъ Танской династіи, затѣмъ, преемственно, отъ императоровъ киданьскихъ и, наконецъ, одновременно отъ императоровъ чжурчженскихъ и кара-киданьскихъ, въ виду чего добровольное прибытіе идикута Баурчака въ ставку Чингисъ-хана могло считаться лишь традиціонной необходимостью. Но въ исторической литературѣ Востока я не нахожу фактовъ, подтверждающихъ подобный взглядъ на международное положеніе Уйгуріи съ начала X столѣтія по 1125 годъ, когда Блюй-Даши положилъ основаніе обширной Кара-Киданьской имперіи, въ составъ коей, между прочимъ, вошла и Уйгурія. Этотъ взглядъ сложился въ виду нижеслѣдующихъ данныхъ. Въ исторіи Киданьскаго дома сказано:

Въ 913 г. хой-хэ присылаютъ дань императору Ляо; эти хой-хэ были, дѣйствительно, тяньшанскіе уйгуры, такъ какъ названы хой-хэ изъ Хо-чжеу.

1234 г. Въ 1218 г. монголы овладѣли частью Кореи и южной

Въ 917 г. хой-хэ (какіе — неизвѣстно) шлютъ посольство съ тою же цѣлью.

Въ 932 г. Арсланъ, князь хой-хэ, присылаетъ дань.

Въ 988 г. Арсланъ снова присылаетъ дань императору Ляо.

Въ 996 г. Арсланъ присылаетъ пословъ ко двору съ цѣлью выпросить себѣ въ жены одну изъ княженъ императорской крови, въ чемъ ему, однако, было отказано.

Между 1101 и 1125 гг. упоминается о нѣсколькихъ посольствахъ хой-хэ къ киданямъ съ представленіемъ дани.

Не говоря уже о томъ, что всѣ эти посольства съ представленіемъ дани въ дѣйствительности могли имѣть иное значеніе, нежели выраженіе вассальной зависимости (напримѣръ, могли носить коммерческій характеръ по преимуществу, на подобіе русскихъ каравановъ, снаряжавшихся въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, начиная съ 1696 г.), что, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что подобныя же посольства снаряжались хой-хэ и къ Сунамъ, самая принадлежность всѣхъ ихъ однимъ только уйгурамъ едва ли можетъ считаться доказанной. Правда, китайскій посолъ Вань-Янь-дэ, посѣтившій Уйгурію въ 981 году, называетъ ея повелителя Арсланъ-ханомъ, но что такъ именовались не одни только уйгурскіе государи, но и государи другихъ тюркскихъ владѣній, это видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ исторіи. Въ «Юань-чао-ми-ши» сказано: «Чингисъ повелѣлъ Хубилаю воевать народъ харлууть. Владѣтель его, Арсыланъ, покорился и самъ явился къ Чингису» (ib., стр. 131). О томъ же читаемъ у d'Ohsson'a: «Tchinghiz-khan reçut, dans le même temps (1211), l'hommage de deux autres vassaux du Gourkhan du Cara-Khitai: l'un était Arslan-khan, chef des turcs carlouks et prince de Cayalik; l'autre était Ozar, prince d'Almalik» (I, стр. 111). Засимъ, у того же d'Ohsson'a о тюркскихъ князьяхъ, носившихъ имя Арсланъ, упоминается въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ: II, стр. 206 (сельджукскій князь Рохъ-эд-динъ Килиджъ Арсланъ), III, стр. 308 (мардинскій князь (въ верхней Месопотаміи) Музаффаръ Кара-Арсланъ) и т. д. Даже среди аланскихъ князей встрѣчаются лица, носящія подобныя же имена; такъ, китайскія лѣтописи удѣляютъ особенное вниманіе нѣкому Арселану, князю А-су, современнику Мангу-хана (Бретшнейдеръ — «Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ», въ «Живой Старинѣ», 1894, вып. I, стр. 72). Объ Арсланъ-ханахъ см. также у Григорьева «Караханиды въ Мавераннахрѣ по Тарихи Мунедджимъ-баши», въ «Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.», XVII.

Приведенныя выдержки убѣждаютъ насъ въ томъ, что Арсланъ-ханы, упоминаемые въ лѣтописяхъ Киданьскаго дома, могли и не быть владѣтелями Уйгуріи; что же касается до наименованія «хой-хэ», то оно было общимъ для всѣхъ тюркскихъ народностей, населявшихъ околѣ города Западнаго и Восточнаго Туркестановъ. Наконецъ, имѣется и болѣе прямое указаніе на то, что отношенія Уйгуріи къ имперіи Ляо не были отношеніями вассала къ своему сюзерену. Это письмо Блюй-Даши къ идикуту Уйгуріи, приводимое Grosier въ прим. къ стр. 419 «Hist. génér. de la Chine» Малля. Ср. Н. С. von der Gabelentz «Geschichte der Grossen Liao», стр. 182—183. Приводимое здѣсь письмо представляетъ анахронизмъ. Умучъ-ханъ ганьчжоускихъ уйгуровъ не былъ предкомъ идикута Биликъ-бага.

Послѣдующія событія изъ жизни Уйгуріи намъ столь же мало извѣстны, какъ и предшествовавшія эпохѣ Чингисъ-хана. Все, что въ этомъ отношеніи могло быть мною собрано, уже изложено въ I т. «Оп. пут. въ Зап. Кит.», стр. 460—461. Объ идикутахъ Уйгуріи см. Григорьевъ «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 298. По объясненію Абульгази, идикутъ значитъ «давшій жизнь народу». Въ прежнія же времена ханы онъ-уйгуровъ титуловались иль-ильтереръ, ханы токусъ-уйгуровъ — куль-еркинъ (цит. по Cahun — «Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1,405», стр. 73).

Еще меньше знаемъ мы о судьбахъ другого отдѣла уйгурскаго племени, владѣвшаго нѣкогда частью Хэси. Въ 1028 г., т. е. безъ малаго за два столѣтія до покоренія Чингисъ-ханомъ тангутскаго царства, государи послѣдняго овладѣли землями ганьчжоускихъ уйгуровъ. Въ исторіи дома Ся объ этомъ событіи упоминается очень кратко, изъ чего, пожалуй, можно вывести заключеніе, что побѣда надъ уйгурами досталась тангутамъ сравнительно дешевою цѣной. Но что засимъ случилось съ уйгурами? Часть ихъ, конечно, примирилась со своей новой участью, но большая часть несомнѣнно покинула Гань-чжоу и откочевала съ одной стороны къ сѣверу, гдѣ и поселилась въ долинѣ р. Эцзинъ-гола, съ другой — на югъ, во владѣнія Госыло (de Mailla, op. cit., VIII, стр. 203).

Маньчжуріей, а въ слѣдующемъ году Чингисъ-ханъ предпринялъ

Не къ этому ли времени слѣдуетъ отнести постройку города Эцины или, въ китайской транскрипціи, И-цзина (не Кашинъ ли или Акашинъ персидскихъ историковъ?), развалины коего, извѣстныя у современныхъ монголовъ подъ именемъ Харчеджи-хана-хото, и до сихъ поръ еще сохранились на лѣвомъ берегу (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки и къ сѣверу отъ уроч. Хара-могты) р. Эцинъ-гола? Впервые исторія упоминаетъ объ этомъ городѣ въ 1226 г., по случаю взятія его Чингисъ-ханомъ. Мѣстные монголы мнѣ рассказывали, что у торгоутовъ Эцинъ-гола хранится преданіе, что Харчеджи-хана-хото палъ послѣ отвода осаждающими магистральнаго арыка, проходившаго тогда черезъ городъ, лѣтописи же сообщаютъ намъ, что послѣ взятія Эцины все его населеніе было вырѣзано монголами (d'Ohsson, op. cit., стр. 370—371); а такъ какъ Чингисъ-ханъ не пощадилъ вѣроятно при этомъ и другихъ уйгурскихъ стойбищъ на Эцинъ-голѣ, то очевидно, что въ этомъ безчеловѣчномъ актѣ монгольскаго завоевателя и должны мы искать главную причину исчезновенія эцинголской отрасли ганьчжоу'скихъ уйгуровъ, если только за остатки таковыхъ мы не примемъ наньшаньскихъ хара-ёгуровъ.

Во время Юаньской династіи г. Эцина, возстановленный изъ развалинъ, сдѣланъ былъ административнымъ центромъ обширной провинціи. Черезъ него пролегала большая дорога въ Каракорумъ.

Объ этомъ городѣ, между прочимъ, упоминаетъ и Марко-Поло.

Въ двѣнадцати дняхъ пути отъ Campichiu (т. е. Гань-чжоу, какъ доказаль это Юль въ «The Book of Ser Marco Polo, the Venetian», etc., I, стр. 222), говоритъ онъ, лежитъ городъ Эцина (Etzina), при началѣ песчаной пустыни. Онъ лежитъ въ провинціи Тангутъ. Его жители язычники, не занимаются ремеслами, но живутъ произведеніями земли и держатъ много верблюдовъ и другихъ животныхъ. Путники, проѣзжающіе черезъ этотъ городъ, запасаются въ немъ провизіей на сорокъ дней, ибо столько времени нужно употребить, чтобы проѣхать по пустынѣ, простирающейся къ сѣверу отъ Эцины; въ ней нѣтъ признаковъ жилищъ и она бываетъ населена только лѣтомъ, когда люди заселяютъ тамъ нѣкоторыя горы и долины, въ коихъ имѣются лѣсъ и вода; зимой же тамъ очень холодно; тамъ водятся дикіе ослы и другія дикія животныя».

По изгнаніи монголовъ изъ Китая, китайскія войска дважды, а именно въ 1372 и въ 1380 гг., проходили мѣстностью И-ци-най-лу (Покотиловъ — «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 5 и 9; de Mailla, op. cit., X, стр. 64 и 79). Въ той же мѣстности И-ци-най-лу, въ первой половинѣ XV столѣтія, поселились остатки разбитыхъ ойратами восточныхъ монголовъ Аруктая (Покотиловъ, ib., стр. 49). Но вскорѣ затѣмъ они были здѣсь поголовно уничтожены китайцами (Покотиловъ, ib., стр. 50). Въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія здѣсь поселены были торгоуты, которые извѣстны подъ именемъ старо-торгоутовъ. Ихъ кочевья и до сихъ поръ еще встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ.

Для того, чтобы покончить съ уйгурами, о которыхъ исторія въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ уже болѣе не упоминаетъ, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ сары-уйгурахъ, которые, какъ мы ниже увидимъ, подъ именемъ шира-ёгуровъ или сары-калмаковъ, и до настоящаго времени кочуютъ въ Нань-шаньскихъ горахъ. Это, несомнѣнно, потомки ганьчжоускихъ уйгуровъ, бѣжавшихъ въ 1028 г., согласно съ de Mailla, op. cit., VIII, стр. 203 и 250, на югъ и поселившихся къ западу отъ Цинъ-хая, во владѣніяхъ Госыло. Не эти ли уйгуры, подъ именемъ ша-чжоу'скихъ, отправляли посольства чжурчженямъ? Или то были особые уйгурскіе князья, удержавшіе тѣнь самостоятельности? См. Deguignes, op. cit., III, стр. 28 и слѣд.

Первое извѣстіе о сары-уйгурахъ относится къ 1081 г. Именно, въ «Histoire de la ville de Khotan» par Ab. Rémusat, стр. 95, говорится, что хотанскому послу, на пути между Китаемъ и Хотаномъ, предстояло проѣхать страню желтоголовыхъ хойху (у Rémusat — «Hoei-he à tête jaune»). Выше мы уже видѣли, что въ это время торная дорога изъ Хотана въ Китай пролегала черезъ ур. Гасъ, къ востоку отъ котораго она раздѣлялась: одна вѣтвь шла на Са-чжоу (путь посла Чжанъ-Хуанъ-ѣ), другая огибала Куку-Норъ и шла долиной Сининской рѣки. Вѣроятно, гдѣ нибудь къ востоку отъ ур. Гасъ и жили въ XI вѣкѣ сары-уйгуры. Повидимому, они не измѣнили мѣста своихъ кочевій и въ позднѣйшее время. Такъ, въ «Юань-ши» говорится, что въ 1226 г. Субутай (монгольскій полководецъ) получилъ приказаніе перейти каменистую пустыню Да-цзи и покорить поколѣнія сары-уйгуровъ, тэлэ и чиминь. Ближайшія указанія на то, гдѣ въ дѣйствительности кочевали сары-уйгуры, находимъ мы въ «Минъ-ши», гдѣ говорится, что

свой опустошительный походъ въ западную Азію, окончившійся покореніемъ Кара-каданьской¹⁾ и Харазмской имперій. Въ то же время его войска съ одной стороны громили чжурчженей, съ другой бѣшеннымъ потокомъ разлились по Персіи, грабили долины Синда, Ефрата и Куры (Грузію), послѣ чего проникли и далѣе къ сѣверу, разметали здѣсь кочевыя орды алановъ, черкесовъ и половцевъ (кипчаковъ) и, наконецъ, на земляхъ послѣднихъ впервые столкнулись съ русскою ратью, которой и нанесли, въ 1224 г., жестокое пораженіе при Калкѣ.

Опустошивъ западную Азію, Чингисъ-ханъ въ началѣ 1225 г. вернулся въ Монголію; но уже въ ноябрѣ того же года онъ лично повелъ свои войска противъ тангутовъ, царство коихъ и присоединилъ въ 1226 г. къ своимъ обширнымъ владѣніямъ; причемъ, по словамъ китайскаго лѣтописца, «погромъ былъ настолько силенъ, что отъ жителей изъ ста человѣкъ едва-ли остался въ живыхъ одинъ или два»²⁾.

По возвращеніи изъ этого похода Чингисъ-ханъ скончался. Въ теченіе послѣдующихъ шестидесяти лѣтъ преемники его продолжали

укрѣпленіе Ань-динъ находилось въ странѣ сары-уйгуровъ, въ 1,500 ли на юго-западъ отъ Гань-чжоу, т. е. гдѣ-нибудь на сѣверной окраинѣ Цайдама. Эти сары-уйгуры, вѣроятно, составляли отрасль тѣхъ сары-уйгуровъ, что кочевали къ западу (?) отъ Charchan (Черченя) (Bretschneider — «Mediaeval researches», etc., I, стр. 263. Но В. Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 263, ссылающійся на другой источникъ — «Тарихи Рашиди», помѣщаетъ сарыгъ-уйгуровъ къ сѣверо-востоку отъ Лобъ-нора). Послѣднее извѣстіе о сары-уйгурахъ относится къ 1515 г., когда кашгарцы выступили въ походъ противъ этого племени, жившаго въ 12 дняхъ пути на востокъ отъ Хотана (Bellew «History of Kashgar», стр. 167).

Шира-ёгуры говорятъ въ настоящее время по монгольски. Это омонголеніе тюрковъ-уйгуровъ началось еще во время господства монголовъ въ Китаѣ, когда земли сары-уйгуровъ отошли въ удѣлъ князя (нинъ-вана) Буинъ-Тэмура, и продолжалось въ эпоху Миновъ, когда изъ этихъ земель образованы были военные округа Ань-дин'скій и А-дуань'скій (у Бретшнейдера, *op. cit.*, II, стр. 206, читаемъ, что страна Ань-динъ была раздѣлена на округа, точнѣе, хошуны (tribes) — Ань-динъ, А-джень (A-djen), Жо-сянь (Jo-sien) и Тэлэ (Tie-li), уничтоженные Ибулой-тайши въ 1512 г. (см. Бретшнейдеръ, *ib.*, стр. 207, и Успенскій, «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 154—158).

¹⁾ Впрочемъ, могущество кара-киданей стало къ этому времени уже явно клониться къ упадку: отъ этой державы послѣдовательно отложились туркестанскія земли: Бухара, Самаркандъ, Фергана и южная часть Сыръ-дарьинской области, и Уйгурія. Да и внутри имперіи гурханъ Чилуку оказался не въ силахъ подавить возстаніе, поднятое его зятемъ Кучлукомъ, сыномъ послѣдняго найманскаго хана, и принужденъ былъ уступить ему свой престоль. Событіе это относится къ 1211 году. Послѣдующіе года Кучлукъ употребилъ на то, чтобы возстановить Кара-Киданьскую имперію въ ея прежнихъ размѣрахъ: онъ схватилъ и казнилъ Озара, князя альмаликского, и овладѣлъ городами Кашгаромъ, Яркендомъ и Хотаномъ, гдѣ пытался силой уничтожить пустившее уже тамъ глубокіе корни магометанство. Но этимъ онъ навлекъ на себя лишь ненависть туркестанцевъ, которые привѣтствовали монголовъ какъ избавителей. Кучлукъ, преслѣдуемый монголами, погибъ въ Бадахшанѣ.

²⁾ Иакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 116; de Mailla, *op. cit.*, IX, стр. 118; d'Ohsson, *op. cit.*, I, стр. 371. Въ «Юань-чао-ми-ши» однако сказано: «Большая часть народа Танъ-у отдѣлена была супругѣ Чингиса, Ъсуй» (стр. 152).

расширять предѣлы огромной монгольской имперіи; такъ, въ 1229 г. завоевана была сѣверная часть Сы-чуани, въ 1234 г. пала подъ ихъ ударами имперія чжурчженей, въ 1236 г. болгарское царство ¹⁾, въ 1237 г. Батый громилъ половцевъ (кипчаковъ), мордву и черемисовъ, въ 1238 и 1239 годахъ его полчища опустошали Россію, въ 1240 г. монголы вступили въ Польшу и въ теченіе этого и слѣдующаго года грабили Силезію, Моравію (до границъ Богеміи и Австрійской марки), Венгрію, Кроацію, Далмацію, Боснію, Сербію и Малдавію; въ то же время (въ 1241 г.) на дальнемъ Востокѣ монголы столь же побѣдоносно воевали въ Корей. Но на этомъ завоеваніи ихъ не остановились. Монгольскихъ императоровъ увлекала слава ихъ великаго родоначальника и они продолжали снаряжать экспедиціи во всѣ части Азіи: въ 1254 г. были завоеваны Тибетъ и Юнь-нань, въ 1256 г. былъ предпринятъ третій и послѣдній походъ въ Корею, въ 1257 г. палъ Тонкинъ, въ 1258 г., по вторичномъ завоеваніи Персіи, Хулагу уничтожилъ Багдадскій халифатъ, въ 1259 г. онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ верхнюю Мессопотамію и въ 1260 г. Сирію; въ то-же время монголы во второй разъ вторглись въ Польшу и въ 1259 г. опустошили Литву; затѣмъ наблюдался нѣкоторый перерывъ, который завершился завоеваніемъ въ 1279 г. имперіи Суновъ (южнаго Китая), въ 1282 г. Бирмы (въ то время Міамма) ²⁾ и, наконецъ, въ 1286 г. острововъ Зондскаго архипелага.

Но уже одновременно съ этими завоеваніями шло и внутреннее разложеніе обширной Монгольской имперіи. Чингисханиды, разбросанные на огромномъ протяженіи стараго континента, стали быстро утрачивать сознаніе связывающихъ ихъ родственныхъ узъ, честолюбія выступили на сцену и, превозмогая завѣты основателя имперіи, вызвали смуты, которыя, по смерти императора Мункэ (въ 1260 г.), привели къ распаденію монархіи Чингисханидовъ на части; такъ что, хотя Хубилай, царствовавшій съ 1261 г. по 1294 г., и унаслѣдовалъ императорскій титулъ, однако, непосредственная власть его уже не распространялась на западъ дальше Хангайскихъ горъ и Уйгуріи ³⁾. Впрочемъ, въ 1303 г., Чингисханиды, утомленные распрями, еще разъ объединились подъ главенствомъ Тэмура, внука

¹⁾ Первое столкновение съ болгарами монголы имѣли еще въ 1224 г. См. d'Ohsson, op. cit., I, стр. 345.

²⁾ D'Ohsson, op. cit., II, стр. 442.

³⁾ «Ханы прочихъ западныхъ странъ объявили себя независимыми и уже болѣе не относились къ обладателю Китая» («Записки о Монголіи», стр. 184). См. также d'Ohsson, op. cit., II, стр. 477.

и преемника Хубилая, но согласіе это продолжалось не долго ¹⁾. Уже конечь царствованія Тэмура былъ омраченъ новыми смутами. Въ послѣдующіе же года связь Востока съ Западомъ, никогда не отличавшаяся особенной крѣпостью, окончательно рушилась, и Китаѣ зажилъ вновь своей прежней обособленной жизнью подъ властью окитаившихся монголовъ.

Надо, однако, замѣтить, что описываемая эпоха, внесшая огромныя перемѣны въ строй жизни азіатскихъ народовъ, не прошла безслѣдно и для Китая. Стоитъ хотя бы указать на тотъ фактъ, что при Чингисханидахъ здѣсь столкнулись двѣ, до тѣхъ поръ мало соприкосавшіяся между собой, культуры, а именно—культуры китайская и иранская, проводниками коей въ Китаѣ явились тѣ плѣнные ремесленники и художники, которые, по приказанію Чингисъ-хана, уводились массами на Востокъ ²⁾.

Фактъ этотъ интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что вполне удовлетворительно разъясняетъ одну изъ этническихъ загадокъ, представляемыхъ современнымъ составомъ населенія Китайской имперіи. Эта загадка—происхожденіе дунганъ, въ которыхъ хотѣли видѣть то китайцевъ, принявшихъ магометанство, то окитаившихся уйгуровъ и хунновъ, но которые могутъ быть лишь потомками уроженцевъ Самарканда, Бухары и другихъ городовъ турано-иранскаго Запада, уведенныхъ въ качествѣ плѣнныхъ и насильно поселенныхъ монголами въ предѣлахъ Китая.

Предположеніе это, высказанное еще архимандритомъ Палладіемъ ³⁾, находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ преданіяхъ этого

¹⁾ D'Ohsson, op. cit, II, стр. 519.

²⁾ При взятіи Самарканда, мастеровыхъ и художниковъ, въ числѣ 30,000 человекъ, Чингисъ-ханъ раздарилъ своимъ женамъ и дѣтямъ; на востокъ же было отправлено множество жителей Трансоксианы... По взятіи Ургенча, мастеровые и художники были пощажены и въ числѣ свыше 10,000 человекъ отправлены на востокъ (у Хондемира («Исторія Монголовъ», пер. Григорьева, стр. 25) ошибочно, вѣроятно, сказано: «сто тысячъ ремесленниковъ и разныхъ искусныхъ людей»). По взятіи Нишабура, только 400 мастеровыхъ были пощажены; ихъ отправили въ Монголію... и т. д. (Иванинъ — «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ», стр. 62, 70 и 72).

³⁾ «О магометанахъ въ Китаѣ» (въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV). «Паденіе дома Чингисханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національною китайскою династією не обрушились остракизмомъ на мусульманъ; они уцѣлѣли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли недружелюбно и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія вина и свинины, было противно духу исламизма, магометане имѣли время тѣснѣе сблизиться между собой, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣчательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ узами религіи. Такими они являются уже въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ

народа ¹⁾, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ дунгане, по типу столь еще отличные отъ природныхъ китайцевъ, исповѣдуютъ въ настоящее время исламъ: ясно, что предки ихъ должны были уже явиться въ Китай мусульманами.

Въ 1368 г. монголы были изгнаны изъ Китая.

За столѣтіе, протекшее со времени перенесенія Хубилаемъ столицы имперіи изъ Кара-корума въ Пекинъ (въ 1264 г.) до паденія Юаньской династіи, событія внутренней жизни земель, лежащихъ между Памиромъ и Ала-шанемъ, Тянь-шанемъ и Куэнъ-люнемъ, намъ очень мало извѣстны ²⁾.

Повидимому, не смотря на господство въ краѣ монголовъ, отуреченіе кореннаго населенія Восточнаго Туркестана (иранцевъ), начавшееся съ незапамятныхъ временъ ³⁾, продолжалось и при Джатаидахъ. Но на ряду съ этимъ процессомъ шло и заселеніе сво-

маньчжурскаго дома — являются цѣльнымъ отдѣльнымъ племенемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ, среди языческаго населенія края» (стр. 441).

¹⁾ См. «Оп. пут. въ Зап. Кит.», т. I, стр. 5; а также А. Гейнсъ «О возстаніи дунганей въ Западномъ Китаѣ» («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1866) и Куропаткинъ — «Кашгарія», стр. 128.

²⁾ Что же касается до внѣшнихъ историческихъ событій этой эпохи, то они мало касались интересующей насъ страны. Такъ, я могъ бы только отмѣтить, что въ 1260 г., къ сѣверу отъ Гань-чжоу, произошло кровопролитное столкновение между войсками Хубилая и сторонниками Арикь-бухи, окончившееся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ, и что въ 1301 г., въ Бэйшаньскихъ горахъ, близъ западныхъ границъ бывшаго Тангутскаго царства, тѣми же войсками Хубилая было вновь нанесено пораженіе непокорнымъ Чингисханидамъ.

При Юаняхъ восточная часть Бэйшаня вошла въ составъ земель Тангутскаго намѣстничества.

³⁾ См. томъ I, стр. 316—317.

Еще въ VI вѣкѣ китайцы писали: «Depuis Kao-tchang (Гао-чанъ), en allant vers l'occident, tous les habitants ont les yeux enfoncés et le nez proéminent. Au contraire, à l'orient de Kao-tchang, il n'y a que ce seul pays (de Ju-thian) dont les habitants n'ont pas une figure très extraordinaire, et ressemblent aux chinois» (Ab. Rémusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 29). Это указываетъ, что метисація кореннаго населенія Турфана тюркскимъ элементомъ не подвинулась еще въ VI в. настолько впередъ, чтобы въ замѣтной степени измѣнить расовыя особенности иранца. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что уже чеписцы, жившіе, какъ мы видѣли, въ этой странѣ за два столѣтія до начала нашей эры, были несомнѣнно народомъ смѣшаннаго происхожденія (это можно заключить, между прочимъ, изъ полукочеваго образа жизни сѣверныхъ чеписцевъ); дальнѣйшая же подмѣсь тюркской и китайской крови должна была явиться еще болѣе значительной. Впрочемъ, явленіе крайней устойчивости иранской расы подмѣчено было еще академикомъ Миддендорфомъ, который въ своихъ «Очеркахъ Ферганской долины» писалъ: «Изучивъ исторію Ферганы, развѣ мы не вправѣ слѣлать предположеніе, что тюрко-монгольскій элементъ долженъ былъ бы поглотить всѣ другіе типы (т. е. главнымъ образомъ иранскій)? Отправляемся на мѣсто и — находимъ тамъ совсѣмъ другое (стр. 389). Только благодаря своему превосходству въ духовномъ отношеніи, также какъ во всякой житейской практикѣ, таджикъ и могъ сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность къ работѣ и великое искусство подчинять себѣ природу тяжелымъ трудомъ и обращать негостепріимныя пустыни въ райскіе оазисы выработали въ этихъ людяхъ особую выносливость, которой переходъ изъ рукъ въ руки, отъ одного тирана къ другому, придалъ еще большую эластичность. Не смотря на непрерывныя порабоженія; не смотря на историческія событія, которыя, казалось, складывались такъ, чтобы уничтожить всякія типическія особенности, какъ духовныя, такъ и физическія; не смотря на изолированіе отъ главной массы

бодныхъ земель Джунгаріи, Восточнаго Туркестана и Нань-шаня монголами и омонголенными тюрками. По крайней мѣрѣ уже къ 1370 году китайцы застали всю страну къ сѣверу и западу отъ озера Куку-нора занятой этими племенами. Такъ, китайскіе лѣтописцы упоминаютъ о слѣдующихъ монгольскихъ княжествахъ, лежавшихъ къ западу и юго-западу отъ г. Гань-чжоу: Ха-мѣй-ли, Чи-гинь-мэнъ-гу, Хань-дунъ, лѣвое крыло Хань-дунъ, Ша-чжоу, Ань-динъ, А-дуанъ и Цюй-сянь ¹⁾).

западно-иранскихъ единоплеменниковъ (для восточно-тяньшаньскихъ таджиковъ это изолированіе было еще болѣе полнымъ), персовъ, изъ страны которыхъ ни одна освѣжающая историческая волна не достигала таджиковъ съ той древнѣйшей эпохи, когда обѣ группы раздѣлились (?), не смотря на всѣ эти насильственные вліянія, сохранился своеобразный укладъ, такъ что классическое изрѣченіе: «Graecia victa ferum victorem cepit», гораздо болѣе подходитъ къ таджикамъ, нежели къ грекамъ (стр. 402). Лишь въ одной духовной области таджикъ съ каждымъ годомъ теряетъ все болѣе и болѣе свою первоначальную оригинальность: это — языкъ» (стр. 403; ср. «Опис. пут. въ Зап. Кит.», томъ I, стр. 317).

Всего сильнѣе отуреченіе восточныхъ туркестанцевъ должно было идти съ конца IX вѣка, когда Восточнымъ Туркестаномъ овладѣли съ одной стороны карлыки (гэлолу — китайцевъ, харлухи — магометанскихъ авторовъ), съ другой — уйгурскія поколѣнія, бѣжавшія на юго-западъ послѣ паденія ихъ царства на Орхонѣ. Въ X вѣкѣ илеки карлыковъ приняли мусульманство и обратили въ исламъ сначала населеніе Кашгара, а затѣмъ, послѣ продолжительной борьбы, и населеніе Яркенда и Хотана, упорно державшееся буддизма и получавшее поддержку изъ Тибета. См. «Тезкереи Богра-ханъ» въ изложеніи Bellew въ «Report of a Mission to Jarkand in 1873 und. com. of sir F. D. Forsyth», стр. 121—129 (цит. по Аристову, *op. cit.*, стр. 165); а также Валиханова — «О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ Малой Бухаріи», въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.», III, 1861 г., стр. 33, гдѣ читаемъ: «Въ IX вѣкѣ нѣсколькимъ мусульманскимъ проповѣдникамъ, изъ коихъ болѣе извѣстны Шейхъ-Хассанъ-Босри и Абу-Насаръ-Самани, удалось обратить въ исламъ хановъ кочевыхъ ордъ, которые владѣли городами Восточнаго Туркестана и были до такой степени сильны, что разрушили владычество Саманидовъ. Эти турки (карлыки), съ ревностью новообращенныхъ, принялись съ мечемъ въ рукахъ вводить всюду ученіе Магомета. Гробницы туркестанскихъ царей того времени сохранили имъ титулъ «гази». Обширныя мѣста религіозныхъ побоищъ около Хотана, а также между Еркендомъ и Янысаромъ, называемыя «Шайданъ», т. е. мѣстами успокоенія блаженныхъ, доказываютъ, что для введенія ислама нужно было много кровопролитія. Не смотря на это, область распространенія его долго ограничивалась только западными городами». Согласно съ персидскою географіей «Гефтъ-иклимъ», первымъ изъ кашгарскихъ султановъ, принявшихъ мусульманство, былъ Сатунъ-Богра-ханъ. (Извлеченіе Quatremère въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 2, стр. 478). Уйгурія приняла мусульманство значительно позднѣе, а именно — при Джагатаидахъ; хотя несомнѣнно, что уже при первыхъ монгольскихъ императорахъ тамъ жило не мало приверженцевъ этой религіи (см. d'Ohsson, *op. cit.*, II, стр. 272—274). Еще въ началѣ XV вѣка буддизмъ былъ довольно силенъ въ Хами (Григорьевъ, «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 333). Это отступаніе буддизма шагъ за шагомъ на востокъ должно быть поставлено въ связь съ усилившейся въ это время эмиграціей на тотъ же востокъ мусульманъ изъ Кашгаріи и Западнаго Туркестана (Григорьевъ, *op. cit.*, стр. 342 и 343. Успенскій, «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1873, № 1, стр. 4). Нынѣшніе хамійцы почитаютъ себя выходцами съ запада; а турфанцы хорошо помнятъ, что уйгуры были отличнымъ отъ нихъ народомъ (см. «Опис. пут. въ Зап. Кит.», томъ I, стр. 317).

¹⁾ U de Mailla, *op. cit.*, X, стр. 247, сказано: «Yong-lo (императоръ Юнь-ло) le (т. е. Ngan-ké-tiémour — Анкэ-тэмура, князя хамійскаго) créa prince de Tchong-chun (чжунъ-шунъ-ваномъ) et il étendit sa domination sur les villes (?) de Hami, de Ngan-ting (Ань-динъ), de (?) Nachouï (На-шуй), de Tchi-king, de Mongou (Чигинь-мэнъ-гу), de Kusien (Цюй-сянь) et de Hantong (Хань-дунъ). Вѣроятно, всѣ эти округа были подчинены Анкэ-тэмуру лишь номинально.

*

Изъ этихъ княжествъ ближе другихъ къ г. Гань-чжоу лежало кочевое владѣніе Ха-мѣй-ли, но точныхъ свѣдѣній о его границахъ мы не имѣемъ ¹⁾. Изъ того факта, однако, что однимъ изъ мотивовъ, вызвавшихъ его раннее присоединеніе къ имперіи Миновъ (1390), было желаніе китайцевъ открыть сквозной торговый путь между Западнымъ краемъ и Китаемъ, нельзя не вывести заключенія, что своими кочевьями оно занимало земли бассейна средняго теченія Эцзинь-гола.

Княжество Чи-гинь ²⁾ обнимало земли нынѣшняго уѣзда Юймынь ³⁾. Въ 1380 г. это княжество было занято китайцами, и народъ уведенъ въ плѣнъ. Но уже четверть вѣка спустя мѣстность эта снова заселилась монголами, прикочевавшими сюда изъ уроч. Харату (Ha-la-to; не въ верховьяхъ-ли р. Урунгу?). Эти монголы во всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ ойратовъ и турфанцевъ съ китайцами неизмѣнно стояли на сторонѣ послѣднихъ, благодаря, вѣроятно, чему и удержали свои кочевья до 1513 г., когда этою частью Гань-су овладѣли турфанцы ⁴⁾.

Княжество Ханьдунъ лежало къ югу отъ Чигиня и къ западу отъ Цзя-юй-гуаня и, вѣроятно, занимало своими кочевьями горныя долины верховій Суръ-хэ. Въ столкновеніяхъ турфанскаго султана съ китайцами ханьдунцы держали обыкновенно сторону сихъ послѣднихъ; зато, когда, въ началѣ XVI вѣка, ихъ стали тѣснить кукунорскіе монголы, китайцы пришли имъ на помощь, отведя подъ ихъ кочевья земли въ Гань-чжоу'скомъ округѣ ⁵⁾.

Второе Ханьдунское владѣніе, отдѣлившееся отъ перваго въ 1446 г., въ томъ же году заняло округъ Ша-чжоу ⁶⁾. Въ началѣ XVI в. оно было покорено турфанцами ⁷⁾.

Владѣніе Ша-чжоу стало въ вассальныя отношенія къ Китаю

¹⁾ Бретшнейдеръ — «Mediaeval researches», etc., II, стр. 219—220.

²⁾ У Бретшнейдера Ch'i-Ghin, что Покотиловъ переводитъ Чи-цзинь («Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династїи Минъ», стр. 43). Между тѣмъ въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» мы читаемъ: «Чи-гинь при династїи Минъ былъ монгольскій военный округъ, впоследствии упраздненный; при настоящей династїи, въ 1718 году, былъ учрежденъ военный округъ Чи-цзинь, упраздненный уже въ 1726 г.» (стр. 481).

³⁾ Поповъ — «Зап. о монг. кочевьяхъ», стр. 481. Иакинфъ — «Описаніе Чжунгарїи и Восточнаго Туркестана», стр. 95.

⁴⁾ Бретшнейдеръ, *ib.*, стр. 211—215.

⁵⁾ Бретшнейдеръ, *ib.*, стр. 218.

⁶⁾ У Покотилова (*op. cit.*, стр. 57) событіе это отнесено къ болѣе раннему періоду, а именно, ко времени правленія императора Юнь-ло (1403—1425 гг.). «Еще во времена правленія Юнь-ло одинъ изъ такихъ владѣльцевъ, Янь-чжанъ, отдѣлившись отъ своего кореннаго племени, поселился со своимъ родомъ въ Ша-чжоу» и т. д.

⁷⁾ Бретшнейдеръ, *ib.*, стр. 219.

въ 1404 г., послѣ чего правившіе тамъ монгольскіе князья стали получать китайскіе титулы. Въ 1434 г. ша-чжоу'скій князь Кунь-цзи-лай, ссылаясь на невозможность собственными средствами оградить свои владѣнія отъ грабительскихъ набѣговъ тангутовъ, обратился къ китайскому правительству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему со всѣмъ народомъ переселиться въ предѣлы Китая; но въ просьбѣ этой ему было отказано. Въ слѣдующемъ году на округъ Ша-чжоу обрушилось новое бѣдствіе: его опустошили хамійцы. Кунь-цзи-лай со свитой въ числѣ двухсотъ человекъ бѣжалъ въ предѣлы Китая. Оставшись безъ главаря, ша-чжоускіе монголы разбѣжались и часть ихъ добровольно (?) послѣдовала за побѣдителями въ Хами. Пользуясь такимъ бѣдственнымъ положеніемъ Ша-чжоу'скаго владѣнія, ханьдунцы лѣваго крыла вторглись въ эту страну и силой тамъ водворились; однако, они были прогнаны отсюда чигиньскимъ княземъ. Вскорѣ же затѣмъ Кунь-цзи-лай умеръ, передавъ свои наслѣдственныя права сыну. Однако, положеніе подданныхъ послѣдняго было въ это время уже настолько бѣдственнымъ, что въ крайности они рѣшились перекочевать на сѣверъ и передаться ойратамъ. Но ихъ перехватили китайцы, которые и поселили ихъ на свободныхъ земляхъ Ганьчжоу'скаго округа. Такимъ образомъ Ша-чжоу съ 1446 года опустѣлъ окончательно, но не надолго, такъ какъ сюда вновь спустились ханьдунцы, которые и оставались здѣсь до нашествія турфанцевъ, въ началѣ XVI столѣтія, на область Хэси¹⁾).

Территорія владѣнія Ань-динъ при Ханяхъ называлась Эр-цзянь, въ послѣдствіи же была извѣстна подъ именемъ страны сары-уйгуровъ. Ань-динъ лежалъ къ югу отъ Ша-чжоу, къ западу отъ Хань-дуна и къ сѣверу отъ тангутскихъ земель, простираясь съ востока на западъ на тысячу ли. Изъ этихъ данныхъ видно, что княжество Ань-динъ занимало каменистую пустыню, лежащую къ сѣверу отъ Цайдама (Сэртэнъ или Сыртынъ), а можетъ быть и самый Цайдамъ. Аньдинскіе монголы признали себя вассалами Китая въ 1374 г., послѣ чего ихъ страна была раздѣлена на четыре хошуна. Одинъ изъ этихъ хошуновъ удержалъ древнее племенное

¹⁾ Бретшнейдеръ, *ib.*, стр. 215—218. Покотилонъ (*op. cit.*, стр. 57) событія эти излагаетъ нѣсколько иначе. Такъ, вовсе не упоминая о вмѣшательствѣ чигиньцевъ въ ша-чжоу'скія дѣла, онъ заставляетъ ханьдунцевъ лѣваго крыла жить бокъ о бокъ съ ша-чжоу'скими монголами уже со временъ правленія императора Юнь-ло; а въ переселеніи ша-чжоусцевъ въ округъ Гань-чжоу видитъ не китайскую, а ихъ собственную инициативу, причѣмъ поводомъ къ такому переселенію выставляетъ притѣсненія, которыя испытывали ша-чжоусцы со стороны вновь осѣвшихъ въ Ша-чжоу ханьдунцевъ.

название уйгуровъ—Тэлэ, что доказываетъ, что и во времена Юаньской династии уйгуры продолжали еще кочевать къ западу отъ Куку-нора. Въ 1377 году въ Ань-динѣ вспыхнуло возстаніе. Князь Буинь-Тэмуръ былъ убитъ, и часть его народа съ родовымъ старшиной Ша-ла во главѣ откочевала въ пустыню Ша-мо (не на сѣверные-ли склоны Алтынъ-тага?), откуда Ша-ла и сталъ предпринимать частые грабительскіе набѣги на Ань-динъ. Только въ 1396 году, наконецъ, китайцы собрались возстановить порядокъ въ Ань-динѣ. Въ 1413 г. мы видимъ внука князя Буинь-Тэмура уже въ Линь-цянѣ (нынѣ Линь-цянъ), уѣздомъ городѣ Сининскаго округа. Въ 1490 г. аньдинскій князь Цянь-бэнь выставилъ свою кандидатуру на хамійскій престолъ, опираясь на свое происхожденіе изъ боковой линіи хамійскихъ вановъ, но китайское правительство приняло сторону его брата, цюйсяньскаго князя Шань-ба, и послѣдній былъ избранъ¹⁾. Въ 1512 г. Ань-динъ былъ разграбленъ монгольскимъ старшиной Ибулой (Ибурой)-тайши, послѣ чего свѣдѣнія о немъ прекращаются²⁾.

Владѣніе А-дуанъ находилось въ вассальной зависимости отъ Ань-дина; оно занимало своими кочевьями пустыню Сыртынъ и долину верхняго теченія Данъ-хэ, гранича на сѣверѣ съ Ша-чжоу, на востокѣ съ Хань-дуномъ. Въ 1406 г. владѣніе А-дуанъ отдѣлилось отъ Ань-дина, въ 1512 же году, вѣроятно, раздѣлило судьбу послѣдняго³⁾.

Владѣніе Цюй-сянь граничило на востокѣ съ Ань-диномъ и, вѣроятно, занимало своими кочевьями западный Цайдамъ и урочище Гасъ. Китайцы полагаютъ, что въ древности эта страна называлась Си-юнь, при Ханяхъ—Си-цянъ. При Юаняхъ здѣсь былъ учрежденъ военный постъ (Юань-ши-фу), называвшійся Цюй-сянь-да-линь. Беспорядки, вспыхнувшіе въ Ань-динѣ въ 1377 г., отразились и въ Цюй-сянѣ: онъ былъ опустошенъ, при чемъ спаслась едва половина его жителей, нашедшая убѣжище въ Ань-динѣ, на р. А-джень. Въ 1406 г. Цюй-сянь былъ вновь выдѣленъ въ военный округъ⁴⁾, а 18 лѣтъ спустя въ немъ уже насчитывалось до 42 тысячъ семействъ (юртъ). Въ правленіе императора Чэнь-хуа (1465—1488) тур-

¹⁾ У de Mailla (op. cit., X, стр. 256) сказано, что князь Ниара (Сяба) былъ племянникомъ аньдинскаго князя. Съ нимъ вмѣстѣ переселилась въ Хами и орда Hotsié-hoeï (Хо-цзѣ-хуй).

²⁾ Бретшнейдеръ, ib., стр. 205—208. Klaproth «Mémoires relatifs à l'Asie», II, стр. 345.

³⁾ Бретшнейдеръ, ib., стр. 208—210.

⁴⁾ У Бретшнейдера сказано: «In 1406 K'ü-sien was again separated from An-ting» (ib., стр. 210).

францы напали на Цюй-сянь и ограбили его жителей. Въ правленіе императора Хуанъ-чжи (1488—1506) цюй-сяньскій князь Шань-ба былъ призванъ править Хамійскимъ округомъ¹⁾. Въ 1512 г. Цюй-сянь былъ завоеванъ Ибулой-тайши, который и поставилъ здѣсь своего правителя.

При Юаняхъ же монголы заняли своими кочевьями и оба склона восточной оконечности Тянь-шаня²⁾. Аньдинскіе князья, Чингисханиды по происхожденію, считали себя родственниками хамійскихъ вановъ. О монголахъ, жившихъ въ Хами на ряду съ уйгурами и выходцами изъ Западнаго и Восточнаго Туркестановъ, сообщаетъ намъ и китайская географія³⁾. Наконецъ, мы имѣемъ и прямое китайское свидѣтельство въ томъ, что монголы, даже въ эпоху Миновъ, составляли еще преобладающій элементъ населенія Хамійскаго оазиса. Это—рѣчь, сказанная въ 1491 году сановникомъ Ма-вэнь-шэномъ въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ: «Въ Хами», говорилъ онъ, «съиздавна живутъ совмѣстно самые разнородные элементы; здѣсь есть мусульмане, уйгуры, въ горахъ къ сѣверу отъ Хами живутъ еще сяо-лѣ-ту (?) и мѣ-кэ-ли (?). Всѣ эти народности постоянно притѣсняють другъ друга, и никто изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы окончательно одержать верхъ надъ другими. *Одни монголы пользуются въ этихъ мѣстахъ несомнѣннымъ авторитетомъ, и безъ ихъ помощи добиться тамъ порядка невозможно.* Вотъ почему нужно избрать какого-нибудь потомка монгольскихъ хановъ, котораго и слѣдуетъ поставить управителемъ Хами»⁴⁾.

¹⁾ De Mailla, op. cit., X, стр. 256, относитъ событіе это къ 1492 г. Въ слѣдующемъ году Шань-ба былъ взятъ въ плѣнъ турфанацами. Благодаря настойчивымъ требованіямъ китайцевъ, ему возвращена была въ 1498 г. свобода и хамійскій престолъ. Въ 1506 г. онъ скончался (ib., стр. 261, 266).

²⁾ «При концѣ Монгольской династіи», читаемъ мы у Успенскаго («Нѣсколько словъ объ округѣ Хами», стр. 3), «Хами преобразовано было въ отдѣльное и болѣе стройное владѣніе, которымъ управлялъ родственникъ Монгольскаго дома На-у-ли, сначала съ титуломъ Вэй-у-вана, а потомъ Су-вана». См. однако de Mailla, op. cit., X, стр. 247, у котораго читаемъ, что На-у-ли или Ху-на-ши-ли принадлежалъ къ потомкамъ императорской фамилии Ляо, т. е. былъ родомъ не монголь, а киданецъ. Впрочемъ, дальше (стр. 257) онъ снова говоритъ о принадлежности хамійскихъ князей къ роду Чингисъ-хана. Въ примѣчаніи 596 къ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 480, сказано: «При Юаньской династіи Хами былъ удѣломъ Вэй-у-вана».

О новомъ вторженіи монголовъ въ округъ Хами мы узнаемъ отъ de Mailla (op. cit., X, стр. 96). Подъ 1391 г. у него сказано: «L'empereur se vit obligé d'envoyer encore une armée du côté de l'ouest contre les Mongous qui s'étaient emparés de Hami». См. также de Mailla, ib., стр. 247.

³⁾ Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 342. Успенскій «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1873, № 1, стр. 4.

⁴⁾ Покотиловъ, op. cit., стр. 133.

Къ этому же времени слѣдуетъ, какъ кажется, отнести и заселеніе монголами Лобъ-норской котловины ¹⁾. Множество монгольскихъ названій урочищъ, сохранившихся и до настоящаго времени повсемѣстно въ Бэй-шанъ (въ особенности же въ его западной части), несомнѣнно также свидѣтельствуется, что и эта горная страна, въ сравнительно еще недавнее время, населена была монголами.

Начавшееся при Юаняхъ передвиженіе монголовъ и омонголенныхъ тюрковъ на западъ и югъ не только не остановилось при Минахъ, но и получило при нихъ особенную силу и значеніе.

Монголы, отброшенные китайцами въ 1368—1370 годахъ на сѣверъ, не покорились своей новой участи. Но жалкія попытки ихъ вернуть утерянныя земли вели за собой лишь новыя пораженія, которыя закончились въ 1388 г. катастрофой при озерѣ Пу-юй-эрръ-хай ²⁾. Монголы, застигнутые врасплохъ, понесли при этомъ огромныя потери. Насколько поспѣшно было ихъ бѣгство, видно изъ того факта, что китайцы, кромѣ 70 тысячъ плѣнныхъ, несмѣтнаго количества скота и другой добычи, успѣли захватить здѣсь также и всю ханскую семью.

Но кромѣ матеріальнаго ущерба пу-юй-эрръ-хай'ское пораженіе имѣло для монголовъ еще и иныя послѣдствія. Оно окончательно дискредитировало въ ихъ глазахъ центральную ханскую власть. Родовичи подняли голову, и одинъ изъ нихъ осмѣлился даже посягнуть на жизнь прямого потомка Чингисъ-хана и Хубилая. Это убійство послужило началомъ анархіи, которая, доведя къ 1400 году Халху до полнаго истощенія силъ, отдала ее въ руки ойратовъ.

Во времена Чингисъ-хана имя Ойратъ носило незначительное племя, жившее въ верховьяхъ Енисея. Оно было не монгольскаго, но тюрко-угро-финскаго происхожденія ³⁾, хотя, по словамъ Рашидь-эд-Дина, и говорило на одномъ изъ монгольскихъ діалектовъ. Какимъ путемъ в послѣдствіи имя этого ничтожнаго «лѣснаго»

¹⁾ Пржевальскій, «Четвертое путешествіе», стр. 230 и 300. (Данджинъ-хунъ-тайджи, о которомъ рассказываетъ Пржевальскій, вѣроятно, никто другой, какъ Даньзинъ-Рабданъ-тайцзи). Пѣвцовъ, «Труды Тибетской экспедиціи», I, стр. 302.

²⁾ По мнѣнію Бретшнейдера (op. cit., I, стран. 48—49, II, стр. 163), Пу-юй-эрръ-хай есть оз. Дааль-норъ, ошибочно названный Пржевальскимъ Далай-норъ. Успенскій («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», etc, стр. 146) называетъ его Боиръ-норомъ. Описаніе этого сраженія можно найти у de Mailla, op. cit., X, стр. 92—93.

³⁾ Рашидь-эд-Динъ, относя ойратовъ къ вѣтви рода Огузъ-хана наравнѣ съ джалаирами, татарами и другими народами, утверждаетъ, что хотя въ его время ойраты и причислялись къ племенамъ, называвшимся монгольскими, но что въ сущности они ничего общаго съ монголами не имѣютъ («Записки Импер. Археол. Общ.», т. XIV, стр. 4, 7—8, 50). Банзаровъ названіе ойратъ объясняетъ черезъ «ой-аротъ» — «лѣсной народъ». См. Березинъ — «Зап. Импер. Археолог. Общ.», т. XIV, стр. 249 и V приб. къ «Шейбаниадѣ».

народа распространилось на ту амальгаму осколковъ преимущественно тюркскихъ племенъ (меркитовъ, киреевъ, абакъ-киреевъ, аргыновъ и телеутовъ) ¹⁾, кои, успѣвъ омонголиться на службѣ у Чингисханидовъ, сплотились въ многочисленный калмыцкій союзъ, это—тайна, которую еще не удалось удовлетворительно разяснить ни одному изъ изслѣдователей исторіи среднеазиатскихъ народовъ.

Поводомъ къ открытой враждѣ между западными (ойратами) и восточными монголами монгольская лѣтопись Алтанъ-тобчи представляетъ убійство Элбэкъ-ханомъ ойратскаго тайфу Хутхая. Сыновья Хутхая возмутились и, убивъ въ свою очередь Элбэкъ-хана, отдѣлились со всѣмъ своимъ народомъ отъ остальныхъ монголовъ. «Но, какъ справедливо замѣчаетъ Успенскій ²⁾, такая наивность степнаго разсказа не исчерпываетъ, конечно, всѣхъ причинъ упорной вражды между монголами и ойратами. Надо полагать, это была борьба старой Монголіи съ новою, простоты старыхъ степныхъ порядковъ съ вычурностью новыхъ, словомъ — борьба старыхъ и дикихъ степняковъ съ цивилизованными монголами, возвратившимися изъ Китая съ новыми обычаями, съ новыми понятіями о государственной жизни и управленіи, съ стремленіями къ преобразованіямъ кочевой жизни, которыя они и старались проводить въ жизнь ревнивыхъ къ старинѣ ойратовъ».

Хотя главная арена дѣйствій этой борьбы лежала и внѣ предѣловъ Бэй-шаня, но такъ какъ передвиженія монголовъ, вызванныя ею, коснулись и интересующей насъ страны, то для того, чтобы сдѣлать послѣдующія событія понятными, мы не можемъ не упомянуть о ней вкратцѣ.

Убійство Элбэкъ-хана не могло, конечно, содѣйствовать умиротворенію Монголіи. Его два преемника пали также жертвой интригъ, и на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ Чингисханидовъ, по имени Бэнь-я-ши-ли, кочевавшій въ южной Джунгаріи, въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли (Бишбалыкѣ), т. е. въ степяхъ къ востоку отъ Джимысара ³⁾. Будучи ставленникомъ Аруктая, одного изъ могущественнѣйшихъ старшинъ восточныхъ монголовъ, Бэнь-я-ши-ли не замедлилъ возстановить противъ себя ойратовъ. Ки-

¹⁾ Потомковъ гаогюйскаго племени тэлэ.

²⁾ «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай».

³⁾ Такъ понимаю я слова Покотилова (ор. cit., стр. 33): «Случилось это событіе въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли, и Алутай вышелъ туда на встрѣчу къ вновь поставленному имъ хану».

тайцы, которые внимательно слѣдили за ходомъ событій въ Монголіи, рѣшились воспользоваться выгодно слагавшимися для нихъ обстоятельствами и, взявъ сторону, какъ имъ казалось, слабѣйшаго изъ противниковъ, объявили войну восточнымъ монголамъ. Но первое ихъ столкновение съ Бэнь-я-ши-ли окончилось не въ ихъ пользу (1410 г.); тогда самъ императоръ Юнь-ло сталъ во главѣ китайскихъ войскъ, которыя и нанесли послѣдовательно два пораженія: одно Бэнь-я-ши-ли въ 1412 г., при р. Ононѣ, другое уже успѣвшему съ нимъ поссориться старшинѣ Аруктая. Эти два пораженія, усиливъ ойратовъ, заставили Аруктая передаться китайцамъ, которые не только приняли въ подданство восточныхъ монголовъ, но и рѣшились оказать имъ матеріальную поддержку въ ихъ послѣдующей борьбѣ съ ойратами. Противъ послѣднихъ они двинули значительныя силы, которыя и нанесли своимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительное пораженіе въ 1414 г. Ойраты бѣжали къ р. Тулѣ. Столкновение же между ними и восточными монголами произошло лишь два года спустя, причемъ, на этотъ разъ, окончилось не въ ихъ пользу. Но Аруктая пришлось недолго пользоваться плодами своей побѣды. Еще разъ китайцы перешли на сторону ойратовъ; въ походъ противъ восточныхъ монголовъ, къ которымъ въ это время примкнули урянхайцы, выступилъ даже самъ императоръ Юнь-ло. Узнавъ однако, что преслѣдуемый имъ Аруктай разбитъ на голову ойратами (въ 1423 г.), императоръ не пошелъ дальше, а отступилъ за Великую стѣну.

Въ этомъ поступкѣ императора Покотилова¹⁾ видитъ какую-то трудно объяснимую странность, мнѣ же сдается, что Юнь-ло въ этомъ случаѣ руководился традиціоннымъ китайскимъ приемомъ: уничтожать одного врага—другимъ. Юнь-ло отступилъ, потому что находилъ, что дальнѣйшее ослабленіе Аруктая не могло служить уже къ выгодѣ Китайской имперіи.

Пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, ойратскій старшина Тогонъ поставилъ монгольскимъ ханомъ нѣкоего То-то-бу-хуа, хотя въ это же время надъ Монголіей еще царствовалъ Атай-ханъ, ставленникъ Аруктая. Нечего и говорить, что оба эти хана играли весьма жалкую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Халхи, которая до самой смерти Аруктая, послѣдовавшей въ 1434 г., испытывала всѣ ужасы междоусобной войны.

Пораженіе и смерть Аруктая послужили причиной разсѣянія

¹⁾ Op. cit., стр. 42.

восточныхъ монголовъ. Часть ихъ подчинилась ойратамъ, часть же бѣжала на западъ, гдѣ и осѣла въ долинѣ р. Эцзинь-гола. Но такъ какъ заселеніе это сопровождалось насиліями и грабежомъ въ китайскихъ предѣлахъ, не прекращавшимися и въ послѣдующее время, то китайцы сочли себя, наконецъ, вынужденными выслать противъ нихъ войска, которыя и нанесли имъ рядъ поражений, закончившихся почти поголовнымъ ихъ истребленіемъ въ уроч. Дяо-ли-гоу, лежавшемъ въ пятистахъ верстахъ къ сѣверу отъ Великой стѣны.

Объединивъ подъ своею властью всю Монголію, Тогонъ сталъ подумывать и объ нападеніи на Китай; но смерть помѣшала ему выполнить этотъ планъ. Ему въ 1439 г. наслѣдовалъ Эсень, столь же предприимчивый, какъ и его отецъ. Прежде всего онъ рѣшился подчинить себѣ Хами. Онъ этого достигъ въ 1445 г. послѣ двухъ опустошительныхъ набѣговъ, учиненныхъ въ союзѣ съ ханьдунцами и ша-чжоу'скими монголами. Затѣмъ онъ покорилъ урянхайцевъ, кочевавшихъ къ сѣверу отъ Пекина ¹⁾, и, наконецъ, осенью 1449 г. предпринялъ свой замѣчательный походъ на Китай.

¹⁾ Вопросъ о томъ, кто такіе были эти урянхайцы, кочевавшіе между Великой стѣной и р. Нонью, не можетъ быть еще разъясненъ съ достаточной полнотой. Я склоненъ думать, что это были алтайскіе выходцы.

По словамъ Потанина («Очерки Сѣверо-Западной Монголіи», вып. 2, стр. 7), Адрианова («Записки Импер. Русск. Геогр. Общ.», т. XI, стр. 338) и др., названіе «урянхай» даютъ народу «туба» монголы. Объ этомъ народѣ туба китайцы писали уже въ VII вѣкѣ, включая и его въ число гаогюйскихъ поколѣній (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», I, стр. 439). «Дубо», пишетъ китайскій историкъ, «кочевали къ востоку отъ хагасовъ, къ сѣверу отъ уйгуровъ; земли ихъ примыкали къ Косоголу. Раздѣлялись на три аймака. Ловили рыбъ, птицъ и звѣрей и употребляли въ пищу». (Ср. также Іакинфъ, *ib.*, стр. 447). Дальнѣйшее объ этомъ народѣ узнаемъ мы изъ лѣтописей монгольскихъ. Въ «Юань-чао-ми-ши» (стр. 131) говорится: «Когда Чжочи дошелъ до мѣста Шихшитъ, то ойра, тубасы и всѣ другіе роды покорились ему». И далѣе: «Ставъ (сказалъ Чингисъ Хорчи) свое становище среди лѣсныхъ народовъ». Архимандритъ Палладій, комментируя эту часть рѣчи Чингисъ-хана, говоритъ, что лѣсные народы носили у монголовъ общее названіе «урянха» («Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV, стр. 225). Нѣсколько выше (стр. 171) тотъ же синологъ, приводя выдержку изъ «Мынь-да-бэй-лань», повѣствующую о трехъ родахъ дада — бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ, замѣчаетъ: «Дада дикіе суть племена охотничьи, лѣсныя и рыболовныя, а именно уранхи и проч.». Я думаю, что это о племени «туба» Рашидъ-эд-Динъ пишетъ: «Лѣсные урянхиты не имѣютъ связи съ другими урянхитами; такъ какъ юрты ихъ были въ лѣсахъ, то они и получили такое имя». И далѣе: «Народъ этотъ постоянно пребываетъ въ лѣсу; однако, въ благополучный вѣкъ Чингисъ-хана и великаго рода его, тѣ предѣлы стали юртами другихъ племенъ монгольскихъ (т. е. тюркскихъ) и они смѣшались съ другими монголами (т. е. съ тюрками)» («Записки Импер. Археолог. Общ.», т. XIV, стр. 90 и слѣд.). Этихъ урянховъ Рашидъ-эд-Динъ приводитъ въ числѣ турецкихъ племенъ, коихъ въ его время называли монгольскими (*ib.*, стр. 32). Такимъ образомъ, у насъ имѣется полное основаніе думать, что урянхайцы — туба (т. е. сойоты или танну-урянхайцы, вѣроятная помѣсь уйгуровъ съ самоѣдами) являются аборигенами Саянъ, не покидавшими въ историческое время этой горной страны. Иное дѣло — урянхайцы-ойраты, являющіеся въ настоящее время совершенно омонголеннымъ племенемъ (ср. Потанинъ, *ib.*, стр. 34).

Ойраты выступили туда четырьмя дорогами: на востокъ монголы орудовали въ Ляодунѣ, на западѣ — въ области Гань-чжоу. Самъ Эсень двинулся противъ Да-туна. Цѣлый рядъ блестящихъ дѣлъ привелъ его, наконецъ, къ столкновению съ главными силами китайцевъ, медленно отступавшими, подъ начальствомъ императора Инъ-цзуна, отъ Да-туна къ столицѣ. Генеральное сраженіе, окончившееся полнымъ поражениемъ китайцевъ, произошло въ мѣстно-

Монголы всѣ лѣсныя племена называютъ безразлично урянха; одно изъ нихъ носило имя ойра. Отъ этихъ то ойра (ойратовъ) и ведутъ свое начало такъ называемые алтайскіе урянхайцы. Еще Рашидъ-эд-Динъ писалъ, что ойраты — народъ тюркскаго (турскаго) происхожденія, но говорящій по монгольски. Это указаніе очень важно, такъ какъ свидѣтельствуется, что уже во времена Чингисъ-хана ойраты были омонголеннымъ племенемъ. Далѣе, въ «Юань-чао-ми-ши», мы находимъ слѣдующее указаніе (стр. 131): «Чингисъ приказалъ Чжочи съ ратью правой руки идти войной на народъ, что въ лѣсахъ, а Бухъ прокладываетъ дорогу. Ойра поддались Чжочи прежде вань-ойра и повели Чжочи противъ вань-ойра». Изъ этого указанія явствуетъ, что уже въ началѣ XIII вѣка ойраты распались на два отдѣла, различившіеся между собою настолько сильно, что у Рашидъ-эда-Дина они попали (если только мое отождествленіе «вань» съ «оинь» — правильно) въ различныя группы народовъ: ойра въ группу народовъ турскаго племени, вань-ойра или оинь-урянха въ группу народовъ монгольскаго племени (коренныхъ монголовъ). Одинъ изъ этихъ отдѣловъ сталъ во главѣ ойратскаго союза омонголившихся тюркскихъ племенъ, другой, не покидавшій тайги, сохранилъ за собой монгольское прозваніе уранга. (Что о родствѣ своемъ съ урянхайцами помнили даже джунгары, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи «Цзасаку хану аймагун шастирун хурянгуи»: «маньчжуры постоянно опасались возмущеній со стороны собственно урянхайцевъ, жившихъ въ Халхѣ, которые уже по одному родству своему легко могли войти въ связь съ чжунгарами». (Позднѣвъ, «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 279). Эти уранга въ настоящее время населяютъ ущелья Алтайскихъ горъ между вершинами рр. Кобдо и Булгуна (Потанинъ, *ib.*, стр. 34). Такимъ образомъ, ихъ нынѣшнія кочевья отброшены къ юго-западу отъ истоковъ р. Енисея и оз. Косогола, гдѣ ихъ застали полководцы Чингиса. Въ видахъ разъясненія времени и причинъ этого передвиженія мною собраны нижеслѣдующія историческія указанія.

Въ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 446, мы читаемъ: «По умиротвореніи урянхайцевъ въ 1756 г. имъ отданъ былъ Улань-комъ. Въ слѣдующемъ году, по случаю безпокойствъ, произведенныхъ на границѣ возмущившимися ойратами, дурботскіе князья просили о перекочевкѣ въ Улань-комъ съ тѣмъ, чтобы обратить его въ земледѣльческую колонію, а самими кочевать у оз. Ихэ-Араль въ Кобдо'скомъ округѣ. На это послѣдовало разрѣшеніе. Но вскорѣ черезполосное кочевье найдено было неудобнымъ, и Улань-комъ окончательно былъ назначенъ для кочевья дурботамъ, а урянхайцамъ отведено было кочевье въ Кобдо'скомъ округѣ. Но они, въ виду плохого собольяго промысла здѣсь, перекочевали на южную сторону Алтая, къ Иртышу». Такимъ образомъ, мы съ точностью знаемъ время, когда алтайскіе урянхайцы поселились на мѣстахъ своихъ теперешнихъ кочевій; но въ поясненіе этого извѣстія я не могу найти въ исторической литературѣ Средней Азии какихъ либо указаній на то, откуда прикочевали они въ Улань-комскую озерную котловину. Можетъ быть изъ Западнаго Алтая (см. «Мэнь-гу-ю-му-цзи», примѣчаніе 478), но можетъ быть также и изъ мѣстъ ихъ кочевій, лежавшихъ къ сѣверу отъ Пекина (указаніе на соболиный промыселъ не дѣлаетъ ли послѣднее предположеніе мало вѣроятнымъ?), потому что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что урянхи, о которыхъ упоминаетъ Минская исторія, были алтайскими выходцами, а не природными монголами, какъ это, повидимому, думаетъ Покотилъ (ор. *cit.*, стр. 114). Существуетъ достовѣрное извѣстіе о переселеніи въ XIII вѣкѣ урянхайцевъ на востокъ. Архим. Палладій говоритъ, со словъ исторіи Юаньской династіи, объ урянхайцахъ, поселенныхъ въ 1293 г. въ районѣ земель Амурскаго бассейна. Но мнѣ кажется, что Палладій, помѣщая урянховъ, выведенныхъ Хубилаемъ изъ Алтайскихъ горъ, «по близости къ Амуру», руководствовался скорѣе догадкой, чѣмъ точными указа-

сти Ту-му ¹⁾. Огромный обозъ и множество плѣнныхъ, среди коихъ былъ и самъ императоръ, достались на долю побѣдителей. Но тутъ только обнаружилось, что Эсень не обладалъ рѣшительностью и талантами настоящаго полководца. Онъ не съумѣлъ оцѣнить выгодъ своего положенія, созданнаго тумуской катастрофой, и вмѣсто того, чтобы идти прямо на Пекинъ, повернулъ на сѣверъ. Между тѣмъ въ Пекинѣ успѣли уже поставить на царство новаго императора, брата Инъ-цзуна, первое тяжелое впечатлѣнiе отъ понесеннаго пораженія улеглось, и когда, наконецъ, Эсень появился подъ стѣнами столицы, населеніе послѣдней приготовилось дать кочевникамъ мужественный отпоръ. Видя это, Эсень не рѣшился

ніями. Дѣйствительно, Шоттъ, упоминающій о томъ же событіи («Ueber die ächten kirgisen», въ «Abhandlungen d. Kön. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin», 1864, стр. 461), говоритъ, что енисейскіе турки поселены были въ древней землѣ, называвшейся Наянь («in dem fischreichen alten lande Najan»). Но о странѣ Но-янь авторы «Мэнь-гу-ю-му-цзи» (стр. 196) сообщаютъ, что это не какая-либо древняя область, а позднѣйшее измѣненіе слова До-янь. До-янь же есть наименованіе одного изъ трехъ военныхъ вѣншихъ округовъ, на которые въ 1389 г. были раздѣлены урянхайскія земли, лежавшія къ сѣверу отъ Да-нинъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, мнѣ кажется, нельзя не вывести того заключенія, что Хубилай переселилъ урянхайцевъ (я думаю, что это были ойра-урянхайцы, состоявшіе въ родственныхъ связяхъ съ Чингисханидами) не куда-либо на Амуръ, а въ ту часть юго-восточной Монголіи, которая нынѣ занята кочевьями монголовъ-харачинъ (карцинь). Авторъ сочиненія «Си-чжай-оу-дэ» (Поповъ, «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ», стр. 199) считаетъ даже нынѣшнихъ карциньцевъ за прямыхъ потомковъ урянхайцевъ-цзирмотовъ (?). Но съ этимъ предположеніемъ, какъ кажется, не вполне согласны авторы «Мэнь-гу-ю-му-цзи» (стр. 161—162), которые принимаютъ карциньцевъ за потомковъ Аруктая, нашедшихъ пріютъ среди урянхайцевъ. См. однако у Потанина («Очерки», etc., вып. IV, стр. 664) указаніе на Ровинскаго, который нашелъ имя урянхай, прилагаемое къ чистымъ монголамъ, въ Восточной Монголіи, на пути между Нерчинскомъ и Пекиномъ.

Начиная съ 1633 года, китайская исторія вовсе не упоминаетъ о восточныхъ урянхайцахъ, о западныхъ же говоритъ лишь то, что въ 1755 г. какъ алтайскіе, такъ и саянскіе (тубшинъ) урянхайцы добровольно подчинились маньчжурамъ, почему и остались на своихъ прежнихъ кочевьяхъ (извлеченіе, сдѣланное изъ «Зеркала маньчжурской словесности» синологомъ о. Аввакумомъ; приведено Сельскимъ въ введеніи къ статьѣ Пермикина «Озеро Косоголь и его нагорная долина», напечатанной въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXIV, 1856) — извѣстіе, которое противорѣчитъ нѣсколько приведенному нами выше изъ «Мэнь-гу-ю-му-цзи». Такимъ образомъ, намъ остается только предположить, что часть урянхайцевъ, смѣшавшись съ восточными монголами Аруктаева вѣдомства, образовали карциньскій аймакъ, другая же часть, стѣсненная надвинувшимися съ сѣвера маньчжурами, ушла на западъ (Покотиловъ, *op. cit.*, стр. 217), гдѣ и поселилась первоначально въ области Западнаго Алтая. Отсюда уже они перешли сначала въ долину Уланъ-комъ, затѣмъ въ окр. Кобдо и, наконецъ, въ мѣста своихъ настоящихъ кочевій. Эта безпріютность и исканіе свободныхъ земель не доказываетъ ли косвенно, что алтайскіе урянхайцы были въ XVIII в. еще чуждымъ Алтаю народомъ?

Я заключаю настоящую историческую справку указаніемъ на ошибку Іакинфа, который въ своей «Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», на стр. 41 писалъ: «Въ 1209 г. Чингисъ-ханъ еще завоевалъ урянхайцевъ, которые тогда кочевали на нынѣшнихъ карциньскихъ земляхъ».

¹⁾ Бретшнейдеръ (*op. cit.*, II, стр. 165) замѣчаетъ, что ур. Ту-му находилось между Калганомъ и Пекиномъ, къ западу отъ Хуай-лай-сяня. Подробное описаніе этого сраженія и послѣдующихъ событій читатель найдетъ у de Mailla, X, стр. 210 и слѣд.

на генеральный приступъ и, ограничившись двумя-тремя мелкими схватками съ китайскимъ гарнизономъ, отступилъ къ Да-тунъ-фу. Послѣдующія дѣйствія ойратовъ отличались крайней нерѣшительностью и закончились безславнымъ для нихъ миромъ въ 1450 году.

Разногласія между ханомъ Токто-буха (То-то-бу-хуа) и Эсеномъ, возникшія еще до похода ойратовъ въ Китай, послѣ побѣдъ, одержанныхъ тамъ послѣднимъ, получили новую пищу и, наконецъ, привели къ открытому разрыву между ними. Токто-буха искалъ опоры у восточныхъ монголовъ, но союзники были разбиты въ рѣшительномъ сраженіи при Туруфану-хара; Токто-буха бѣжалъ, но былъ настигнутъ и убитъ ¹⁾.

Шмидтъ приурочиваетъ Туруфану-хара къ Турфану ²⁾, что уже потому недопустимо, что отсюда Токто-буха бѣжалъ къ Кэрулэну и Кэнтэйскимъ горамъ ³⁾.

Послѣ смерти Токто-бухи Эсень рѣшился объявить себя хаганомъ (1454 г.), съ чѣмъ безъ возраженій согласился и пекинскій дворъ. Но не такъ взглянули на этотъ поступокъ Эсеня ойратскіе главари, среди коихъ далеко еще не угасло уваженіе къ потомкамъ Чингисъ-хана. Противъ Эсеня составился заговоръ, который вскорѣ затѣмъ перешелъ въ открытое возмущеніе. Разбитый на голову бунтовщиками, Эсень бѣжалъ, бросивъ семью и имущество, и былъ убитъ (1456 г.). Такъ жалко кончилъ человекъ, испытавшій на себѣ всѣ милости и превратности судьбы и достигшій одно время такого могущества, что обладай онъ большими дарованіями, онъ легко могъ бы покончить съ Минской династіею и основать въ Китаѣ свою собственную ⁴⁾.

Со смертью Эсеня кончилось на время и политическое могущество ойратовъ; на сцену вновь выступили восточные монголы, которымъ удалось скинуть ненавистное иго, наложенное на нихъ Тогономъ.

Одинъ изъ ихъ главарей, Болай по имени, розыскалъ Маркэра (Мергусъ-хаса), сына Токто-бухи, и провозгласилъ его ханомъ съ

¹⁾ Согласно съ Сананъ-Сэцэномъ, своимъ тестемъ изъ личной къ нему неприязни. См. Schmidt «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», стр. 159.

²⁾ «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», стр. 406.

³⁾ «Taissong Chaghan (т. е. Токто-буха) floh aus der Schlacht auf seinem schellen Falben in der Absicht den Kentei-chan zu erreichen und über den Fluss Kerulen zu setzen». Schmidt, op. cit., стр. 159. Ср. Покотилъ, «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династїи Минъ», стр. 81.

⁴⁾ Покотилъ, op. cit., стр. 86. О послѣднихъ дняхъ жизни Эсеня см. «Алтанъ-Тобчи», перев. Гомбоева, въ «Зап. Имп. Археол. Общ.», XIV, 1858, стр. 56—57.

титоломъ сяо-ванъ-цзы. Маркэръ кочевалъ въ Чахаръ, и съ этого момента вся жизнь и исторія Монголіи переносится на югъ, къ границамъ Китая.

Года правленія Маркэра сопровождались частыми грабительскими набѣгами восточныхъ монголовъ на сѣверные предѣлы Китайской имперіи, которые прекратились лишь въ 1462 году вслѣдствіе неурядиць, возникавшихъ въ степи. Въ разгаръ этихъ неурядиць Маркэръ былъ убитъ. Слѣдовавшіе же за нимъ монгольскіе ханы стали столь быстро смѣняться, что, по словамъ «Минъ-ши», становится уже невозможнымъ въ точности услѣдить за ними¹⁾.

Такая непрочность ханскаго престола сопровождалась процессомъ децентрализаціи власти, усиленіемъ родовыхъ старшинъ и распаденіемъ монгольскихъ племенъ. Такого распаденія не избѣгли даже ойраты: часть ихъ ушла на р. Гань-гань²⁾, имѣя во главѣ сына Эсеня, Хорхудая, часть же откочевала въ Хами, гдѣ, вѣроятно, и поселилась между Хотунъ-тамомъ, Баркулемъ и Номомъ. Къ исходу XV вѣка монголы, кочевавшіе вдоль всей сѣверной границы Китая, къ западу отъ урянхайцевъ, распались уже на множество поколѣній³⁾, которыя пользовались почти полной автономіей, причемъ власть хановъ, титуловавшихся Сяо-ванъ-цзы, признавалась еще только въ Чахаръ и съ 1473 года въ Ордосъ.

Въ XVI вѣкѣ среди монголовъ замѣтно усилилось стремленіе къ передвиженію на югъ—въ Ордосъ, Куку-норъ, Амдо и Тибетъ. Это влеченіе на югъ одинъ китайскій сановникъ мѣтко характеризовалъ въ такихъ выраженіяхъ: «всѣ племена монгольскія разсѣялись въ поискахъ за водой и хорошими пастбищами, и войска ихъ разъединились».

Первыя попытки монголовъ проникнуть въ Ордосъ (Хэ-тао) относятся еще ко времени правленія императора Чжэнъ-туна (1445—1450). Во времена же правленій императоровъ Тянь-шуня и Чэнъ-хуа (1457—1488) передвиженіе это приняло настолько внушительныя размѣры, что китайцамъ пришлось здѣсь снять свои аванпосты и отодвинуть на югъ свои поселенія.

Въ 1473 г. ордосскіе монголы избрали своимъ ханомъ нѣкоего Маньдагула. У этого Маньдагула оказались, однако, соперники: урян-

¹⁾ Покотилловъ, *op. cit.*, стр. 89.

²⁾ Успенскій («Страна Куку-норъ или Цинъ-хай») приравниваетъ р. Гань-Гань къ Кэму, т. е. верхнему Енисею; Покотилловъ же (*op. cit.*, стр. 91) полагаетъ, что правильнѣе отождествить ее съ р. Орхономъ.

³⁾ Успенскій, *ib.*, стр. 98—99.

хайскій князь Доголанъ-тайши и могущественный старшина Мао-ли-хай, съ которыми ему на первыхъ же порахъ и пришлось помѣриться силами. Но онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ и на короткое время сталъ единственнымъ повелителемъ восточныхъ монголовъ. Однако время его правленія все же не обошлось безъ внутреннихъ смуть, которыя послѣ его смерти перешли въ открытое столкновение между его преемникомъ, правнукомъ Эсеня, Даянъ-ханомъ и Измаиломъ-тайши (Исама), правившимъ поколѣніями монголовъ, кочевавшихъ къ западу отъ урянхайцевъ. Междоусобная война эта окончилась лишь со смертью Измаила, послѣдовавшей по однимъ источникамъ въ 1483 г., по другимъ же въ 1488 г.

Изъ послѣдующихъ событій внутренней жизни монголовъ пріобрѣтаетъ особое значеніе бунтъ Ибура-тайши (Ибарай, Ибири). Ибура хотя и убилъ ордоскаго намѣстника Даянъ-хана, но былъ не въ силахъ оказать серьезное сопротивление послѣднему и бѣжалъ со своими приверженцами ¹⁾ на западъ, къ Куку-нору ²⁾.

Монголы, явившіеся съ Ибурой-тайши на Куку-норъ, проявили себя тамъ грабежомъ и насиліями. Въ очень короткое время они опустошили всю страну между Хуанъ-хэ и уроч. Гасъ, между Ганъ-чжоу и Сунъ-панемъ. Впрочемъ, съ ихъ дѣятельностью мы успѣли уже познакомиться нѣсколько выше: это они положили конецъ существованію Аньдинскаго и Цюйсяньскаго княжествъ въ 1512 г.

Съ легкой руки Ибуры на Куку-норъ стали отовсюду стекаться монголы, недовольные общимъ положеніемъ дѣлъ у себя на родинѣ; самъ же Ибура не долго тамъ оставался, и уже около 1530 г. мы его снова видимъ кочующимъ близъ Ордоса, въ горахъ Хэ-лань-шань, ³⁾ гдѣ онъ и былъ убитъ ордосскимъ княземъ Цзи-нанемъ (въ 1533 году).

Несмотря на возникавшія время отъ времени безпорядки въ степи, восточные монголы къ началу XVI столѣтія замѣтно усилились. Это усиленіе прежде всего сказалось въ цѣломъ рядѣ опустошительныхъ набѣговъ, предпринятыхъ ими въ предѣлы Китая. Собственно говоря, со времени смерти Эсеня пограничныя китайскія области въ рѣдкіе годы не испытывали нашествій кочевниковъ, но

¹⁾ Принадлежавшими къ поколѣнію Ордосъ. Ср. «Алтанъ-Тобчи», стр. 74—76.

²⁾ Успенскій, *ib.*, стр. 157.

³⁾ Въ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 415, сказано: «Горы Хэ-лань извѣстны у туземцевъ подъ именемъ Ала-шань».

эти нашествия, въ особенности въ первое время, имѣли скорѣе характеръ разбойничьихъ набѣговъ, чѣмъ правильно организованныхъ экспедицій; и только со времени вступленія на престолъ Даянъ-хана монголы стали уже предпринимать болѣе отдаленные и правильно задуманные походы въ Китай.

Особенно участились вторженія восточныхъ монголовъ въ сѣверные предѣлы Китая въ послѣдніе 15—20 лѣтъ правленія императора Цзя-Цзина (1522—1567). Въ 1550 и 1567 годахъ монголы, дѣйствовавшіе обыкновенно въ такихъ случаяхъ порознь, соединялись даже для совмѣстнаго нападенія на имперію, причемъ главныя ихъ силы доходили до Пекина. И хотя миръ, заключенный въ 1568 г. съ однимъ изъ монгольскихъ князей Алтанъ-ханомъ (Аньда китайскихъ лѣтописей¹⁾) и обезпечилъ на нѣкоторое время спокойствіе на границѣ, однако оно далеко не было полнымъ; со смертію же Алтанъ-хана, послѣдовавшей въ 1582 году, когда децентрализація монголовъ достигла наивысшаго развитія, не проходило уже года, чтобы чахары и урянхайцы не беспокоили сѣверо-восточныхъ предѣловъ имперіи. Такъ продолжалось до покоренія восточныхъ монголовъ маньчжурами, которые начали свое сплошное передвиженіе на югъ въ 1633 году. Впрочемъ, въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія покорены были маньчжурами далеко не всѣ восточные монголы²⁾. Ордосцы и халхасцы еще долго послѣ того пользовались полной самостоятельностью.

Послѣ удачныхъ походовъ Ибуры-тайши въ области Куку-нора, страна эта стала пользоваться завидной славой у ордосскихъ монголовъ. Въ 1559 г., какъ ею, такъ и сопредѣльной съ нею горной страной Амдо, овладѣлъ вышепомянутый ханъ Алтанъ³⁾, который, посадивъ одного изъ своихъ сыновей на Куку-норѣ⁴⁾, другого въ Сунъ-панѣ, къ югу отъ Хуанъ-хэ, въ 1561 г. возвратился обратно въ Ордосъ. Одновременно съ Алтанъ-ханомъ откочевали на западъ и роды Чэчень-тайши, занявшіе подъ свои кочевья столь извѣстныя въ исторіи «Ильмовыя долины» (Юй-гу).

¹⁾ De Mailla, op. cit., X, стр. 318, пишетъ Yenta (Яньда).

²⁾ Въ 1634 г. Тай-цзунъ, желая возможно болѣе подорвать силы Китая, отправилъ свои войска на чахаровъ и разбилъ на голову ихъ хана Ликдана, со смертію котораго прекратилось поколѣніе монгольскихъ хановъ на югѣ Гоби (Позднѣвъ, «Монгольская лѣтопись Эрдэніинъ Эрихэ», стр. 124). Подробнѣе это важное событіе изложено у Горскаго — «Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома» (въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», I, стр. 147).

³⁾ «Алтанъ-Тобчи», стр. 80.

⁴⁾ Власть куку-норскихъ монголовъ распространялась въ это время и на земли, лежавшія къ западу отъ Цзя-юй-гуаня.

Въ 1588 г. въ Сининской области впервые появились бѣжавшіе отъ турфанцевъ ойраты; будучи однако послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ китайскими войсками отброшены къ сѣверу, они поселились на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня ¹⁾. Для поясненія этого факта мы должны еще разъ вернуться къ культурнымъ странамъ Восточнаго Тянь-шаня.

¹⁾ Успенскій, *ib.*, стр. 164.

ГЛАВА III.

Исторія умалчиваетъ о томъ, какой конецъ постигъ династію идикотовъ Уйгуріи ¹⁾. Между тѣмъ этотъ моментъ обусловилъ распадѣніе, а потому и временное ослабленіе княжества. Идикотамъ наслѣдовали Чингисханиды, которые, введя удѣльную систему дробленія земель, очень скоро довели нѣкогда богатую страну до бѣдности и ничтожества.

Еще при Юаняхъ отъ нея отдѣлилось Хами ²⁾. Въ то же время коренныя уйгурскія поселенія стали обособляться въ самостоятельныя владѣнія; таковы—Турфанъ, Хо-чжоу и Лукчинъ. Исторія Турфана, какъ и всѣхъ остальныхъ княжествъ, на которыя распалась Уйгурія, вплоть до половины XV вѣка представляется мало интересной; но съ этого времени политическое значеніе этого владѣнія быстро усиливается, что подтверждается и китайскою лѣтописью: «Въ началѣ Минской династіи, говоритъ историкъ «Минъ-ши», Турфанъ, находясь между двумя сильными государствами:

¹⁾ Мы знаемъ только, что идикоту Баурчаку (Klaproth считаетъ болѣе правильнымъ писать — Barchu-Alte-Tieghen; см. «Mémoires relatifs à l'Asie», II, стр. 332) наслѣдовали его сыновья и внуки (Klaproth, ib., стр. 336). Засимъ, въ «Географіи Китайской имперіи», составленной въ концѣ XVIII столѣтія по повелѣнію императора Цянь-луна, мы находимъ еще нижеслѣдующее важное указаніе: «Dans le territoire de Karachar il y a encore dix beg ou princes de la troisième à la septième classe, qui gouvernent les mahométans d'Yugour» (Klaproth, ib., стр. 346). Нѣтъ ли здѣсь, однако, какой-либо ошибки въ передачѣ китайскаго текста Клапротомъ? Впрочемъ, это указаніе вполне согласуется съ сохранившимся въ Турфанѣ и Хами преданіемъ, что уйгуры продолжали еще долго жить въ окрестностяхъ этихъ городовъ послѣ того, какъ потеряли первенствующее положеніе въ земляхъ восточнаго Притяньшанья (см. «Оп. пут. въ З. Кит.» т. I, стр. 458). Въ той же книгѣ Клапротъ (стр. 358) имѣется указаніе: «Sous Chi-tsou (Khoublai-khan) on y (т. е. въ Бишбалыкѣ) établit un gouvernement sous le titre de Youan-sai-fou (Юань-сай-фу). При этомъ, однако, не говорится, кому было ввѣрено управленіе этой страной.

²⁾ Успенскій, «Нѣсколько словъ объ окр. Хами», стр. 3.

Хотаномъ ¹⁾ и Могулистаномъ, былъ слабъ. Впослѣдствіи же, съ паденіемъ могущества этихъ двухъ сосѣдей, онъ сталъ понемногу усиливаться и даже подчинилъ небольшія сосѣднія княжества: Лючэнъ и Хо-чжоу» ²⁾).

Это китайское указаніе требуетъ, впрочемъ, значительныхъ поясненій и исправленій, ибо Турфанъ возвысился не самъ по себѣ, а потому, что могулистанскіе ханы, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ въ 1422 году ³⁾, впослѣдствіи перенесли сюда и свою резиденцію.

Хотя Джучи и Джагатай получили изъ арміи отца только по 4 тысячи человѣкъ ⁴⁾, большею частью притомъ изъ неполнѣ еще омонголенныхъ тюрковъ, а потому военныя силы ихъ состояли изъ подвластныхъ тюркскихъ племенъ, тѣмъ не менѣе власть Джучидовъ и Джагатаидовъ была крѣпка, пока не исчезъ страхъ, вну-

¹⁾ О границахъ Хотана временъ Минской династіи мы находимъ нижеслѣдующее указаніе въ китайской географіи: «Le pays de Ju-thian est limitrophe à l'orient de la forteresse de Khiou-sian (Цюй-сянь), au nord de I-li-ra-li (Или-балыкъ; такъ назывался Могулистанъ), et du côté du nord-est de Soutcheou». Ab. Rémusat — «Histoire de la ville de Khotan», стр. 103.

²⁾ Покотилловъ, *op. cit.*, стр. 98.

³⁾ Бретшнейдеръ, *op. cit.*, II, стр. 194. Григорьевъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ» стр. 330), ссылаясь на мусульманскаго историка Хайдеръ-Рази, автора «Тарихи-Хайдери», полагаетъ, что Турфанъ былъ присоединенъ къ Могулистану нѣсколько ранѣе, а именно въ 1369 г., одновременно съ Бишбалыкомъ. Въ нѣкоторомъ противорѣчій съ этимъ извѣстіемъ находятся слѣдующія показанія китайскихъ историковъ: «Въ 1377 г. китайцы предпринимали походъ противъ Турфана (какъ отдѣльнаго владѣнія) ради наказанія его князя за проявленныя имъ хищническія наклонности (Покотилловъ, *op. cit.*, стр. 97); и въ 1422 г. Увейсь-ханъ овладѣлъ Турфаномъ, изгнавъ оттуда владѣтеля, нѣкоего «In-ghi-rh-ch'a (Ингырча). Оба факта доказываютъ, что до 1422 г. Турфаномъ управляла особая линія князей. Впрочемъ, возможно допустить, что Хызръ-ходжа удовольствовался лишь обложеніемъ Турфана данью, Увейсь же ханъ рѣшилъ уничтожить и послѣдніе признаки самостоятельности Турфана. (Помянутая выдержка изъ «Тарихи Хайдери» находится у Quatremère въ «Not. et Extr. des map.», XIV, 1, стр. 512).

Считаю умѣстнымъ исправить здѣсь ошибку Григорьева, писавшаго: «Въ Кара-Ходжа встрѣтили пословъ Шахъ-Рока, для составленія списка ихъ свитѣ, китайскіе чиновники, изъ чего приходится заключить, что городъ этотъ въ означенное время (т. е. въ 1420 г.) находился уже опять въ зависимости отъ Китая («Китайскій или Восточный Туркестанъ», стр. 323). Заключеніе это неправильно и основано на неполнѣ ясно усвоенномъ текстѣ. У Абдеръ-Раззака сказано «Les envoyés partis de ce lieu (Tourfan) le 2e jour de redjeb, arrivèrent le 5 à Karakhodjah. Le 10e jour du même mois, des habitants du Khata se présentèrent, inscrivirent les noms des ambassadeurs et le nombre des personnes attachées à leur suite. Le 19e on s'arrêta dans la ville Ata-Soufi. Le 21e on arriva dans la ville de Kamil» («Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 1, стр. 389). Изъ сего слѣдуетъ, что китайскіе чиновники встрѣтили посольство Шахъ-Рока не въ Кара-Ходжѣ, а гдѣ то на восточной границѣ тогдашнихъ турфанскихъ владѣній, можетъ быть, въ Янчи. Въ самомъ дѣлѣ, посольство прошло путь отъ Кара-Ходжа до Хами въ 16 дней. Мы сдѣлали тотъ же путь въ 14 дней, считая же дневки — также въ 16 дней. Взявъ за мѣрило длину нашихъ переходовъ, которые, впрочемъ, въ пустынѣ и не могутъ особенно сильно варьировать, мы должны будемъ принять, что пограничная станція между Хами и Турфаномъ находилась въ котловинѣ Янчи.

⁴⁾ Березинъ. Переводъ Рашидъ-эд-Дин'овой «Исторіи Чингисъ-хана», стр. 144.

шенный завоеваніемъ и пока тюркскіе роды и племена, продолжавшіе сохранять родовой бытъ и кочевой образъ жизни, не почувствовали своей силы, благодаря въ особенности раздорамъ между Чингисханидами за власть и удѣлы, при которыхъ одерживали верхъ тѣ, кто привлекалъ на свою сторону сильнѣйшіе роды тюрковъ. Сознаніе родами своей силы, при естественномъ ихъ стремленіи къ самостоятельности, неизбѣжно должно было привести къ разложенію улусовъ Джучіева и Джагатаева ¹⁾).

Уже въ началѣ XIV столѣтія населенныя кочевниками сѣверныя земли Джагатаева улуса стали явно обнаруживать признаки самостоятельности. Послѣдняя усилилась послѣ того, какъ въ 1346 году Джагатаидъ Хассанъ-ханъ былъ убитъ возмущившимися противъ него родовичами, и въ Мавераннагрѣ возникли смуты ²⁾). Пользуясь ими, Тоглукъ-Тимуръ успѣлъ подобрать подъ свою власть всѣ племена, кочевавшія между Тянь-шанемъ и истоками Оби и Иртыша, и съ огромною арміей перешелъ въ 1359 г. черезъ Сейхунъ ³⁾). Въ очень короткое время онъ покорилъ весь Мавераннагръ и, такимъ образомъ, вновь соединилъ подъ однимъ скипетромъ почти всѣ земли, входившія нѣкогда въ составъ Джагатаева улуса.

Преемники Тоглукъ-Тимура оказались, однако, уже не въ силахъ удержать въ своей власти всей унаслѣдованной ими территоріи. Уступая значительно въ военныхъ талантахъ знаменитому своему современнику Тамерлану ⁴⁾), они отступили сперва за Сейхунъ (въ 1307 г.), а затѣмъ и далѣе на востокъ. Не довольствуясь, однако, и этимъ, Тимуръ въ 1389 г. предпринялъ свой опустошительный походъ внутрь Могулистана ⁵⁾), причемъ его войска до-

¹⁾ Аристовъ, «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», etc. (Отд. оттискъ изъ «Живой Старины» за 1896 г., вып. III и IV, стр. 39).

²⁾ Исторію этой эпохи читатель найдетъ у Хондемира («Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane», extr. du «Habib essiier» de Khondemir par Defrémery въ «Journal Asiat.» 1852, XIX, стр. 274—279), а также у Шерефъ-эд-Дина — «Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan», trad. en français par Petis de la Croix, I, и у d'Ohsson'a, op. cit., IV.

³⁾ Такъ называлась въ то время Сыръ-Дарья. Cherefeddin-Ali — «Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan», trad. en français par Petis de la Croix, I, стр. 26—27.

⁴⁾ Исторія возвышенія Тамерлана и его войнъ съ могулистанскими ханами довольно полно изложена у Иванина — «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азиатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ». См. также Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 226—230.

⁵⁾ Могулистаномъ называлась восточная часть Джагатаева улуса; западной его границей была р. Или; такимъ образомъ, онъ обнималъ Илійскій край, Джунгарію и Восточный Туркестанъ до границъ Уйгуріи.

ходили до крайнихъ предѣловъ владѣній Хызръ-ходжи, сына Тог-лукъ-Тимурова ¹⁾).

Послѣдній походъ Тамерлана въ Могулистанъ, не имѣвшій особенныхъ результатовъ, такъ какъ войска его, не видя нигдѣ непріятеля, уже отъ береговъ Иртыша возвратились обратно, относится къ 1400 г. ²⁾. Въ этомъ же году скончался и Хызръ-ходжа, оставивъ послѣ себя четырехъ сыновей, не замедлившихъ вступить въ открытую борьбу между собой изъ за престола и власти.

Этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться внукъ Тамерлана, мирза Искендеръ, правившій въ Андиджанѣ. Онъ вторгся въ Кашгарію и почти безъ сопротивленія овладѣлъ всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ до Кучи и Хотана. Однако, онъ не сумѣлъ закрѣпить за собой этихъ земель и уже въ слѣдующемъ году вынужденъ былъ вернуться въ Фергану.

Кто въ это время властвовалъ въ остальномъ Могулистанѣ въ точности неизвѣстно. Мохаммедъ-Хайдеръ-Гуреканъ, авторъ «Тарихи-Рашиди», называетъ Мохаммедъ-хана, второго сына Хызръ-ходжи; китайская же лѣтопись утверждаетъ, что Мохаммедъ-ханъ вступилъ на престолъ лишь послѣ смерти своего старшаго брата Шама-Джигана ³⁾. И въ дальнѣйшемъ ходѣ престолонаслѣдія мы видимъ такія же несогласія обоихъ источниковъ: Хайдеръ-мирза преемникомъ Мохаммедъ-хана, умершаго въ 1415 г., ставитъ сына его, Ширъ-Мохаммеда, китайская же лѣтопись между обоими помѣщаетъ еще и имя Накши-Джигана, сына Шама-Джигана ⁴⁾.

¹⁾ У Шерефъ-эд-Дина читаемъ: «Mirza-Omar-cheik traversa la montagne Doubechin Andour et arriva à Sara-Coja» («Histoire de Timur-bec», etc., II, стр. 46). Это, несомнѣнно, сел. Кара-Ходжа въ Турфанскомъ округѣ.

²⁾ Всѣхъ походовъ Тамерлана противъ могуловъ было восемь. См. «Histoire de Timur-bec» I, стр. 220, 223, 255, 264, 274, 367; II, стр. 35—55, 66—70. Ср., однако, Хондемира «Исторію монгольскихъ хановъ Туркестана», гдѣ говорится, что между Тимуромъ и Хызръ-ходжей заключенъ былъ мирный договоръ (ib., стр. 282).

³⁾ Согласно съ этой лѣтописью показываютъ и нѣкоторые мусульманскіе историки. См. Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 233.

Абдеръ-Раззакъ («Malta-assaadein ou madjma-albahreïn», перев. Quatremère, въ «Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques», XIV, 1843, стр. 156) пишетъ совершенно опредѣленно: «L'émir Khodaïdaï avait compté sur les secours du Mongolistan, et se flattait que Mohammed-khan, souverain de cette contrée, le seconderait de tout son pouvoir. Mahommed-khan envoya à son secours son frère nommé Schama-Djihhan ou Schah-Djihhan...» И далѣе (стр. 197 и 199): «L'émir, Scheikh Nour-eddin s'étant rendu auprès de Mohammed-khan, souverain des Mongols, ce prince avait envoyé à son secours Schama-Djihhan, et que tous deux étaient arrivés près de Sairam». «Mohammed-khan désigna un corps de 15,000 hommes, qui, sous le commandement de son frère Schama-Djihhan, fit une incursion dans le Ma-wara-annahar».

⁴⁾ Согласно съ нею говоритъ и Абдеръ-Раззакъ: «Un serviteur apporta la nouvelle, que Mohammed-khan, roi du Mongolistan, était mort et avait eu pour successeur au trône son petit-fils

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ 1420 ¹⁾ по 1425 годъ, когда въ Могулистанъ вторгся самаркандскій правитель Мирза Улугъ-бекъ ²⁾, страною этой управлялъ уже Ширъ-Мохаммедъ.

Ширъ-Мохаммеду наслѣдовалъ его племянникъ Вейсь (Увейсь)-ханъ. Китайскіе и мусульманскіе историки вполне согласно рисуютъ его мужественнымъ и энергичнымъ правителемъ. Съ небольшою кучкой своихъ приверженцевъ онъ успѣшно боролся со своимъ дядей и неизмѣнно оставался побѣдителемъ во всѣхъ своихъ безчисленныхъ стычкахъ съ ойратами. Въ 1422 г. онъ овладѣлъ Турфаномъ и, поселившись въ его окрестностяхъ, не разъ предпринималъ оттуда далекія поѣздки на югъ, въ горы Чоль-тагъ и котловину Лобъ, для охоты на дикихъ верблюдовъ ³⁾. Но охотясь и воюя, Вейсь-ханъ не забывалъ и другихъ обязанностей правителя. Такъ, мусульманскіе историки упоминаютъ о томъ, что, благодаря его заботамъ, въ окрестностяхъ Турфана было проведено много новыхъ карысей ⁴⁾.

По смерти Вейсь-хана, послѣдовавшей въ 1428 году, между двумя его сыновьями—Юнусомъ и Иса-Буга возгорѣлась борьба за престолъ, которая окончилась торжествомъ послѣдняго и бѣгствомъ Юнуса къ Мирзѣ Улугъ-беку. Какія событія внѣшней жизни сопровождали правленіе Иса-Буги, въ точности намъ неизвѣстно. Надо думать однако, что, возникшая при Вейсь-ханѣ, борьба съ ойратами не прекращалась и при его преемникѣ. Это я заключаю изъ того факта, что между 1452 и 1455 годами Узъ-Тимуръ-тайши, предводительствуя калмыками, прошелъ не только Могулистанъ и Четэ ⁵⁾, но и вторгся въ предѣлы Кипчакскаго царства, откуда,

Khizr-khodjah-oglan-Nakschi-Djihan, fils du Schama-Djihan (ib., стр. 277). Извѣстно также, что въ 1416 г. Шахъ-Рокъ принималъ пословъ Накши-Джигана (Абдеръ-Раззакъ, ib., стр. 296).

¹⁾ Вейсь-ханъ воевалъ со своимъ дядей Ширъ-Мохаммедомъ уже въ 1420 году.

²⁾ Улугъ-бекъ былъ сыномъ Шахъ-Рока и внукомъ Тимура.

³⁾ Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 234.

⁴⁾ О томъ, что такое «карысь», см. т. I, стр. 326.

⁵⁾ Подъ именемъ Четэ, Четэйскаго улуса, была извѣстна сѣверо-западная часть улуса Джатаева. Границами его были на востокѣ р. Или, на западѣ Кипчакское царство, на югѣ Кара-тау и Тянь-шань. Дегинъ и другіе ориенталисты производятъ это имя отъ нѣкогда здѣсь обитавшаго народа юэчжи, ѣда, ѣта, геты и проч. (см. Bretschneider, op. cit., II, стр. 225, прим. 1013). Это словопроизводство Григорьеву («Восточный Туркестанъ», стр. 314) не кажется невѣроятнымъ. По китайскимъ извѣстіямъ, въ V вѣкѣ къ сѣверу отъ Полоны (Ферганы) существовало владѣніе Чжеше (см. Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азии», III, стр. 138); это — Ташкентъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что нѣкоторые мусульманскіе историки употребляютъ терминъ Четэ въ качествѣ синонима Могулистана. См. объясненіе слова «Четэ» у Аристовъ, op. cit., стр. 343. Совершенно новое толкованіе этому географическому наименованію даетъ L. Cahun («Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405», стр. 44): «Les Turcs l'appelaient d'un nom commun à leur langue et à celle des Mongols: *tchété*, «la frontière, les Marches». C'était là, que les anciens

повернувъ къ югу, долиной Сейхуна достигъ предѣловъ Мавераннагра и, опустошивъ какъ эту страну, такъ и Ташкентъ, вернулся назадъ въ западную Монголію ¹⁾). Въ 1456 г. Иса-Буга вторгся въ Фергану, въ отместку за что тогдашній правитель Самарканда Абу-Саидъ освободилъ Юнуса и, снабдивъ войсками, отправилъ его противъ брата. Юнусъ взялъ Кашгаръ, но при Аксу, столкнувшись съ Исанъ-Бугой, потерпѣлъ полное пораженіе, послѣ чего едва спасся бѣгствомъ въ Самаркандъ.

Иса-Буга умеръ въ 1462 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Дусть-Мохаммедъ, который умеръ въ 1466 году, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Кепека. Престолъ перешелъ къ Юнусу, первой заботой котораго было удалить Кепека въ Турфанъ, гдѣ мальчикъ вскорѣ затѣмъ и былъ умерщвленъ ²⁾).

Въ 1472 г. въ предѣлы Могулистана вторглись ойраты, которые нанесли Юнусу жестокое пораженіе при р. Или и преслѣдовали остатки его арміи до р. Сейхуна. Юнусъ нашелъ убѣжище у правителя Ташкента и вернулся назадъ ³⁾ лишь послѣ того, какъ ойраты покинули его земли.

Въ это время въ Кашгаріи, находившейся въ зависимости отъ хановъ Могулистана и управлявшейся со временъ Тоглукъ-Тимура наслѣдственными беками, возникли крупные беспорядки. Столь извѣстный въ исторіи Восточнаго Туркестана Абу-Бекръ возсталъ противъ своего дяди Мохаммедъ-Хайдеръ-мирзы и, нанеся какъ ему, такъ и Юнусу, рядъ поражений, объявилъ себя въ 1480 г. правителемъ Алтышара ⁴⁾).

Турфанъ, не играя роли столицы Могулистана, тѣмъ не менѣе много выигралъ отъ своего присоединенія къ владѣніямъ этого полукочеваго государства ⁵⁾). Онъ богатѣлъ и развивался съ каж-

Turcs, et leurs prédécesseurs, les Tie-le, et les prédécesseurs des Tie-le, connus ou anonymes, faisaient séjour pour réposer leurs chevaux, reprenaient haleine avant de risquer le passage du Yaxartes», etc.

¹⁾ Howorth — «History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century», II, стр. 688.

²⁾ Существуетъ, однако, указаніе, что Кебекъ княжилъ въ Турфанѣ, хотя и недолго, такъ какъ уже въ 1469 году исторія застаётъ тамъ нѣкоего Али, правившаго страной съ титуломъ султана. Мнѣ не удалось выяснитъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находился этотъ Али къ хану Юнусу. Судя однако по титулу — «султанъ», что соотвѣтствуетъ русскому — «царевичъ», можно думать, что Али былъ однимъ изъ сыновей Юнуса или его ближайшимъ родственникомъ.

³⁾ Магометанскіе историки сообщаютъ, что ташкентскій правитель держалъ Юнуса у себя въ плѣну и что изъ этого плѣна послѣдній былъ освобожденъ однимъ изъ могулистанскихъ эмировъ.

⁴⁾ Эпоха царствованія Абу-Бекра довольно полно изложена у Quatremère («Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 2, стр. 482—487) и у Григорьева («Китайскій или Восточный Туркестанъ», стр. 316—322).

⁵⁾ Указать съ точностью, какой изъ городовъ Могулистана служилъ ему столицей, трудно. Юнусъ нѣкоторое время жилъ въ Аксу; но родовичи потребовали отъ него перехода на сѣверные

дымъ годомъ и вскорѣ пріобрѣлъ такое политическое значеніе, что ему китайская лѣтопись стала приписывать дѣйствія, которыя несомнѣнно совершены были силами всего Могулистана. Къ такимъ дѣйствіямъ прежде всего слѣдуетъ отнести завоеваніе княжества Хами, а затѣмъ и набѣги на область Хэси.

Ко времени усиленія Турфана Хами переживалъ бурную эпоху: прямая линія правившихъ въ оазисѣ Чингисханидовъ пресѣклась; и это обстоятельство незамедлило вызвать въ странѣ крупныя безпорядки, которые вскорѣ и довели ее до полнаго истощенія силъ и невозможности противустоять грабительскимъ набѣгамъ кочевыхъ монголовъ. Наконецъ, перевѣсъ получилъ нѣкій Ба-та-му-эррѣ и ханьша Ну-вэнь-да-ши-ли, мать покойнаго князя, державшая сторону аньдинскаго князя, другого претендента на хамійскій престолъ, должна была временно удалиться въ Ку-юй¹⁾. Событіе это слѣдуетъ отнести къ концу шестидесятыхъ годовъ XV столѣтія, а въ 1472 году, вслѣдствіе смерти князя Ба-та-му-эррѣ, въ Хами вновь возникли междоусобія.

Этимъ-то моментомъ, по словамъ китайской лѣтописи, и рѣшилъ воспользоваться турфанскій владѣтель Али, съ 1469 года правившій областью съ титуломъ султана²⁾. Какъ и слѣдовало

склоны Тянь-шаня. Мы видѣли также, что Вейсь-хань облюбовалъ Турфанъ. Однако, несомнѣнно, что не эти города, а или древній Бишбалыкъ или Или-Балыкъ долженъ былъ служить столицей Могулистану; можетъ быть даже, оба въ этой роли чередовались, а потому Могулистанъ и отождествлялся то съ Бишбалыкомъ, то съ Или-балыкомъ. Безусловно, однако, невѣрно указаніе проф. Н. Веселовскаго, что столицей Джагатаидовъ былъ городъ Бишбалыкъ на р. Или («Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 20 полутомъ, стр. 516»). Такого города никогда не существовало. Немаловажную ошибку дѣлаетъ и Хондемиръ («Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane», extraite du «Nabib essier» de Khondémir par Desfrémery въ «Journal Asiatique», 1852, XIX, стр. 77), указывающій на Бишбалыкъ, какъ на столицу Джагатая. Какъ мы видѣли выше, Бишбалыкъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ Джагатаева улуса лишь Хызр-ходжей. У Джувейни (Ala-Eddin-Ata-Mélik-Djouveïni, въ «Journal Asiatique», 1852, XX, стр. 399) читаемъ: «Ses quartiers (т. е. Джагатаевы), pendans le printemps et l'été, se trouvaient dans Almalik et Koutak».

¹⁾ Покотиловъ (op. cit., стр. 94) не даетъ указанія на мѣстоположеніе этого Куюй'я. Я отыскалъ такое указаніе у Палладія, въ его письмѣ къ А. Е. Влангали, опубликованномъ въ «Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» за 1873 г., IX, стр. 304—306. Вотъ что онъ пишетъ: «Когда хамильцы были тѣснимы отъ турфанскихъ султановъ, минское правительство построило для нихъ особый городъ въ 400 ли отъ Су-чжоу, на пути къ Хами, гдѣ и поселило ихъ. Этотъ городъ извѣстенъ въ китайской исторіи подъ именемъ Ку-юй-чэнь (обширныя развалины и слѣды водопроводовъ видны до сихъ поръ), но сами туземцы называли его Далту, неизвѣстно на какомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько времени турфанцы двинулись на Куюй и поселенцы его бѣжали въ Ганьсу». Я думаю, что Куюй стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Хуй-хуй-пу, хотя такое приурочиванье и не соотвѣтствуетъ приведенному выше разстоянію въ китайскихъ ли отъ г. Су-чжоу.

²⁾ Изъ того факта, что Али сносился съ Пекиномъ какъ самостоятельный правитель, слѣдуетъ вывести заключеніе, что въ это время Турфанъ пріобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность. Али наслѣдовалъ Кепеку и умеръ раньше Юнуса. Со смертью Али престолъ турфанскій перешелъ

ожидать, въ Хами онъ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія, но, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ, онъ сразу же поставилъ себя въ непріязненные отношенія къ пекинскому двору, считавшему хамійскаго князя въ числѣ вассаловъ Китая. Впрочемъ, китайское правительство не обнаружило особаго желанія съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту поправныхъ правъ. Это видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что сперва оно пыталось натравить на турфанскаго султана хандунцевъ и чигиньцевъ, и только тогда уже, когда этотъ планъ совершенно не удался, оно рѣшилось, наконецъ, снарядить экспедицію противъ Турфана. Но походъ этотъ ничѣмъ не окончился; экспедиціонный отрядъ, составленный изъ всякаго сброда, разбрелся, не дойдя даже до Булунцира. Между тѣмъ легко доставшаяся Али побѣда надъ хамійцами возбуждала въ немъ жажду къ новымъ завоеваніямъ. Онъ напалъ на ойратовъ, разбилъ ихъ и, полонивъ до 10,000 человѣкъ, вернулся обратно. Въ 1478 г. Али скончался, а съ нимъ вмѣстѣ закончилось и кратковременное существованіе Турфана, какъ полунезависимаго владѣнія.

Юнусъ-ханъ умеръ въ Ташкентѣ въ 1496 г. Но еще задолго до его смерти его обширная монархія распалась на двѣ части, причемъ на долю его старшаго сына Мохаммеда, унаслѣдовавшаго титулъ «старшаго хана», достался Ташкентъ и земли Четэйскаго улуса, на долю же младшаго сына, султана Ахмеда¹⁾, Или-балыкъ, весь Уйгуристанъ и Кашгарія, находившаяся, впрочемъ, отъ могулистанскихъ хановъ лишь въ номинальной зависимости.

Ахмедъ-ханъ былъ человѣкомъ большой энергіи. За нимъ сохранилось прозвище «Илачи-ханъ», что значитъ — «ханъ, жаждущій крови», данное ему за его частыя стычки съ ойратами²⁾. Его борьба съ хамійскими князьями была, однако, не столь удачной, такъ какъ привела, послѣ возстаній въ 1482, 1489 и 1495 годахъ, къ признанію за ними полной самостоятельности. Впрочемъ, въ это время все вниманіе Ахмеда сталъ отвлекать Западъ, гдѣ

къ младшему сыну Юнуса — Ахмеду, который правилъ здѣсь нѣкоторое время съ титуломъ султана почти совершенно самостоятельно. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, этотъ Ахмедъ-султанъ пошелъ войной на отца и овладѣлъ всѣмъ Могулистаномъ (т. е. страной, на западъ простиравшейся до р. Или).

¹⁾ Китайцы считаютъ этого Ахмеда сыномъ Али. Принятіе же имъ ханскаго титула относятъ къ 1494 г. (De Mailla, op. cit., X, стр. 258).

²⁾ Quatremère (въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, стр. 485) пишетъ: «le prince sanguinaire».

совершенно неожиданно выдвинулась новая сила въ лицѣ узбековъ ¹⁾.

Мохаммедъ-ханъ, покоривъ Самаркандъ въ 1497 г., ввѣрилъ его управленіе узбеку Мохаммедъ-Шейбани-хану. Съ этимъ Шейбани-ханомъ поднялось и прикочевало изъ Кипчакскихъ степей въ Мавераннагръ значительное число узбекскихъ поколѣній, которыя и осѣли въ долину р. Зеравшана. Но такое усиленіе Шейбани-хана не входило въ расчетъ Мохаммедъ-хана; между эмиромъ и ханомъ возникли натянутыя отношенія, не замедлившія перейти въ открытую вражду: Шейбани собралъ войска, переправился черезъ Сейхунъ и подступилъ къ Ташкенту. Въ эту критическую минуту подоспѣлъ на помощь брату Ахмедъ-султанъ съ 1,500 чел. конницы ²⁾. Но этихъ вспомогательныхъ силъ оказалось слишкомъ недостаточно; оба брата были разбиты и въ бѣгствѣ захвачены въ плѣнъ. Ахмедъ-султанъ освободился изъ него только въ 1504 году, но по дорогѣ въ Могулистанъ умеръ ³⁾.

Ахмеду наслѣдовалъ сынъ его Мансуръ, правившій Могулистаномъ съ 1504 по 1544 г.

Въ 1513 г. онъ покорилъ Хами ⁴⁾. Выше мы видѣли, что та же участь постигла и владѣнія ша-чжоу'скихъ и чигиньскихъ монголовъ. Въ 1518 г. Мансуръ-ханъ, не довольствуясь захватомъ китайскихъ земель, лежавшихъ къ западу отъ Цзя-юй-гуаня, про-

¹⁾ Имя узбековъ первоначально давалось тюркскимъ племенамъ восточной части Джучіева улуса для отличія ихъ отъ джагатайцевъ или племенъ улуса Джагатаева. Ранѣе Узбекъ-хана, царствовавшего съ 1312 по 1342 г., оно не встрѣчается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало отъ имени этого государя. Во второй половинѣ XV вѣка, когда отложившіяся части тюркскихъ родовъ приняли наименованіе казаковъ, оставшіяся вѣрными Абуль-хаиръ-хану и его потомству части тѣхъ же родовъ удержали названіе узбековъ. Въ составѣ узбековъ играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренныхъ монголовъ и сѣверо-восточныхъ тюркскихъ племенъ, составлявшихъ «полкъ» Джучи, и жившее службою ханамъ и вообще Чингисханидамъ служилое сословіе (Аристовъ, *op. cit.*, стр. 146—147). Хондемиръ («Исторія Монголовъ», пер. Григорьева, стр. 49) пишетъ: «Улусъ узбековъ ведетъ свое начало отъ Узбекъ-хана».

²⁾ Это была не первая помощь, оказанная Ахмедъ-султаномъ своему брату. Еще раньше онъ прогналъ изъ подъ Ташкента казаковъ, нанеся имъ послѣдовательно три пораженія.

³⁾ Что касается Мохаммедъ-хана, то онъ былъ нѣсколько позднѣе умерщвленъ по приказанію Шейбани-хана (см. Хондемиръ, «Ист. монг. хан. Туркестана», I. с., стр. 287). Событіе это имѣло мѣсто въ Ходжентѣ.

⁴⁾ Всѣ войны Хами и Турфана сопровождались эмиграціей коренныхъ хамійцевъ въ Хэси. Китайская лѣтопись утверждаетъ даже, что въ 1526 г., когда Мансуръ-ханъ въ послѣдній разъ занялъ своими войсками Хами, изъ послѣдняго бѣжали всѣ его жители и поселились частью въ Су-чжоу, частью въ Ша-чжоу (*De Mailla, op. cit.*, X, стр. 305). Это извѣстіе подтверждается преданіемъ современныхъ хамійцевъ, которые рассказываютъ, что они — пришлый народъ (см. Матусовскій въ «Очеркахъ Сѣверо-Западной Монголіи» Потанина, I, стр. 166; а также «Оп. пут. въ З. Кит.», I т., стр. 317). Мансуръ-ханъ былъ приверженцемъ ислама. Не подъ его ли давленіемъ послѣдніе буддисты-уйгуры покинули Хамійскій оазисъ?

никъ за Великую стѣну и осадилъ Су-чжоу. Однако осада эта должна была быть вскорѣ снята, такъ какъ изъ Турфана получили тревожныя вѣсти о нашествіи на Могулистанъ ойратовъ подъ предводительствомъ нѣкоего Болю-вана ¹⁾. Изъ этого факта мы должны заключить, что побѣдоносные походы Вейсь-хана и султана Ахмеда ни мало не ослабили ойратовъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и заявляли о себѣ опустошительными набѣгами на Бишбалыкъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, столкновение закончилось миромъ. Нѣсколько времени спустя мы даже видимъ Мансуръ-хана въ союзѣ съ Болю-ваномъ вторично нападающимъ на Су-чжоу. Но затѣмъ наступаетъ новый разладъ между турфанцами и ойратами, завершившійся полнымъ разгромомъ послѣднихъ въ 1530 г. Получивъ отпоръ на западѣ, ойраты устремили свои взоры на югъ. По словамъ китайской лѣтописи, нападенія ихъ на Су-чжоу, Гань-чжоу и Куку-норъ участились на столько, что не на шутку встревожили даже восточныхъ монголовъ. Алтанъ-ханъ ²⁾ двинулся противъ нихъ лично, но былъ ими разбитъ и отброшенъ къ границамъ Гань-су ³⁾. Послѣдующія событія намъ неизвѣстны, но уже въ 1588 г. мы снова встрѣчаемся съ партіей ойратовъ, которые, спасаясь отъ меча турфанцевъ, проникаютъ въ долину Сининской рѣки.

Это бѣгство ойратовъ заставляетъ насъ думать, что къ концу XVI вѣка восточный Могулистанъ былъ еще достаточно силенъ. Но исторія не сохранила намъ имени того, кто въ это время управлялъ имъ. Изъ преемниковъ Мансура намъ извѣстенъ только его сынъ Ша-ханъ (1545—1570), о которомъ упоминаютъ какъ мусульманскіе, такъ и китайскіе историки ⁴⁾. Но какая судьба постигла это государство засимъ? Патеръ Гоэсъ, который посѣтилъ Восточный

¹⁾ U de Mailla, op. cit., X, стр. 288, читаемъ, что Болю-ванъ дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ китайцами.

²⁾ О немъ см. выше, стр. 81.

³⁾ Успенскій, op. cit., стр. 163. Ср., однако, «Алтанъ Тобчи», стр. 80, и монгольскую лѣтопись Сананъ-Сэцэна («Geschichte der Ost-Mongolen u. ihres Fürstenhauses», etc., aus dem mongolischen übersetzt von S. Schmidt, стр. 209), утверждающихъ нѣчто совершенно обратное, а именно, что Алтанъ-ханъ нанесъ ойратамъ рѣшительное пораженіе въ 1552 году.

⁴⁾ Согласно китайскимъ извѣстіямъ, Ша-хану наследовалъ его братъ Ма-хей-ма (Мохаммедъ), ранѣе отнявшій у Ша-хана, при помощи ойратовъ, часть Хамійскаго оазиса; но противъ него тотчасъ же возстали три его брата, причемъ одинъ изъ нихъ, по имени Софэй (Суфи?), успѣшилъ даже принять титулъ султана и отъ своего имени снарядилъ посольство въ Китай, что случилось до 1573 г. Все это достаточно темно. Откуда взялись у Мохаммеда еще три брата? И не слѣдуетъ ли считать Софэй-султана за Суфи-султана кашгарскаго, пятаго сына Рашида? Тогда и время присоединенія Уйгуристана къ Кашгаріи опредѣлится 1570 годомъ (ср. Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 198). Предположеніе это подтверждается словами Хайдеръ-Рази, который писалъ: «Абдъ-эл-Латифъ-султанъ правилъ городомъ Аксу и всеѣмъ остальнымъ Могулистаномъ». Quatremère, въ «Notices et Extraits des manuscrits», XIV, стр. 511.

Туркестанъ въ 1603—1605 годахъ, утверждаетъ, что Турфанъ и Хами въ его время входили въ составъ земель Кашгарскаго царства и управлялись намѣстникомъ изъ Чалыша, т. е. Карашара. Это возможно, такъ какъ со временъ Абу-Саида, второго сына султана Ахмеда, Кашгаріей правила преемственно младшая линія хановъ Могулистана. Въ 1514 году Абу-Саидъ отнялъ у Абу-Бекра Яркендъ, а вскорѣ затѣмъ овладѣлъ и всей остальной его территоріей¹⁾. Историки рисуютъ этого правителя крайне предприимчивымъ человѣкомъ, что, впрочемъ, легко заключить и изъ его дѣйствій; такъ, онъ перенесъ свое оружіе на западъ и югъ отъ Памира и овладѣлъ какъ Бадакшаномъ, такъ и всей Пригиндукушской страной. Онъ умеръ въ 1533, передавъ свой престолъ сыну Абдъ-эр-Рашиду, правившему государствомъ до 1566 года и прославившемуся побѣдой надъ казаками, съ которыми дотолѣ могулы не могли помѣряться силами²⁾. Борьба съ казаками³⁾ и киргизами⁴⁾ продолжалась и при сынѣ Абдъ-эр-Рашида, Абдъ-эль-

¹⁾ За исключеніемъ, однако, Бая и Кучи (Вельяминовъ-Зерновъ, «Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», т. II, стр. 200), въ которыхъ княжилъ единоутробный братъ Мансура — Бабачакъ-султанъ.

²⁾ Григорьевъ, *op. cit.*, стр. 322. Въ союзѣ съ узбеками шейбанидскими (Вельяминовъ-Зерновъ, т. II, стр. 220—223 и 331).

³⁾ Объ образованіи киргизъ-казачьяго союза мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія у Аристова (*op. cit.*, стр. 40—41). Распаденіе улуса Джучіева началось во второй четверти XV вѣка образованіемъ въ западной половинѣ улуса независимыхъ ханствъ Крымскаго и Казанскаго и довершилось въ третьей четверти того же вѣка гибелью Абуль-хаиръ-хана и образованіемъ союза киргизъ-казачьяго. Въ 1455 г. отъ Абуль-хаира отложились султаны Гирей и Джанибекъ, которые съ присоединившимися къ нимъ частями различныхъ тюркскихъ родовъ нашли убѣжище въ Джагатаевомъ улусѣ, на р. Чу. Недовольство ханомъ продолжалось, однако, возрастая и закончилось въ 1465—1466 гг. со смертью Абуль-Хаиръ-хана и нѣсколькихъ его сыновей въ бою съ возставшими родоначальниками. Тогда восточная часть улуса Джучи распалась окончательно. Часть составлявшихъ его родовъ присоединилась къ казакамъ, собравшимся около султановъ Гирея и Джанибека, часть же, оставшаяся на нѣкоторое время безъ главы и организаціи, ушла затѣмъ съ Шейбани-ханомъ въ Самаркандъ.

Это толкованіе происхожденія казацкаго союза заимствовано Аристовымъ у Мохаммедъ-Хайдера, автора «Тарихи-Рашиди» (см. Вельяминовъ-Зерновъ, «Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», V, стр. 271—273).

⁴⁾ По мнѣнію Аристова (*op. cit.*, стр. 121), нынѣшніе кара-киргизы суть потомки отдѣлившейся ранѣе III вѣка до Р. Хр. вѣтви киргизскаго племени, которая кочевала въ III столѣтіи до Р. Хр. между Танну-ола и восточнымъ Тянь-шанемъ и которая образовала на западной границѣ хунновъ союзъ усуньскій. Отсюда покоренные хуннами усунни, около половины II вѣка до Р. Хр., были двинуты въ западный Тянь-шань. Здѣсь усуньскій союзъ послѣ Р. Хр. распался и составлявшіе его роды и второстепенные союзы были послѣдовательно подчиняемы тукіэсками, карлыками, кара-киданами, монголами, кокандцами и, наконецъ, русскими. Занимавшіе горную часть западнаго Тянь-шаня роды кара-киргизовъ успѣли и до настоящаго времени сохранить свою племенную обособленность, обитавшіе же въ прилегающихъ съ сѣвера къ Тянь-шаню степяхъ должны были вступить въ сложные союзы съ племенами кангловъ и дулатовъ и потерять самостоятельное родовое существованіе, за исключеніемъ поколѣнія сары-уйсунъ, которое со-

Латифъ, который даже погибъ съ ними въ бою, имѣя всего лишь 29 лѣтъ отъ роду. Ему наследовалъ на престолѣ Кашгаріи его братъ Абдъ-эль-Керимъ, на которомъ всѣ наши свѣдѣнія о Джатаидахъ Могулистана, къ сожалѣнію, и прекращаются. Однако, въ мусульманскихъ лѣтописяхъ находится еще одно крайне для насъ важное указаніе, а именно, что правителемъ г. Кашгара послѣ смерти Суфи-султана, послѣдовавшей около 1570 года, былъ его

хранило свое имя и нѣкоторую обособленность среди дулатовъ и прочихъ поколѣній большой орды.

Самыхъ усуней Аристовъ считаетъ народомъ смѣшаннаго происхожденія, помѣсю динлиновъ (бѣлокурой и голубоглазой расы) и тюрковъ («Живая Старица», 1894 г., вып. III и IV, стр. 459—465).

Такъ какъ Аристовъ напечаталъ еще не вполне законченное изслѣдованіе о происхожденіи кара-киргизовъ, причемъ не указавъ даже всѣхъ тѣхъ данныхъ, на основаніи коихъ онъ пришелъ къ столь интересному выводу, то теперь еще не время заниматься его проверкой. Я позволю себѣ только вывести на справку нижеслѣдующія свидѣтельства китайской исторіи. Комментарь «Исторіи Старшаго Дома Хань» Янь Шы-гу, жившій въ половинѣ VII вѣка, писалъ нижеслѣдующее: «Усунцы обликомъ весьма отличны отъ другихъ иностранцевъ Западнаго края. Нынѣ иностранцы съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть потомки ихъ». Это означаетъ, что усунь, жившіе между Куръ-кара-усу и Иссыкъ-кулемъ, могли имѣть лишь ничтожную примѣсь тюркской крови. Далѣе въ китайской исторіи говорится: «Жеужане нѣсколько разъ нападали на Усунь, что и заставило усунцевъ переселиться въ Луковыя горы», т. е. на Памиры (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о народахъ Ср. Азии», III, стр. 162). Мнѣ кажется, это важное указаніе, котораго не слѣдовало бы обходить при обсужденіи столь сложнаго вопроса, какимъ является, несомнѣнно, вопросъ о происхожденіи кара-киргизской народности. «Усунь ушли на Памиръ...» Не они ли должны считаться предками голубоглазыхъ и бѣлокурыхъ шугнанцевъ и другихъ гальча? Впрочемъ, для объясненія бѣлокураго цвѣта волосъ шугнанцевъ можно обойтись и безъ этой гипотезы, такъ какъ извѣстно, что древніе иранцы принадлежали къ бѣлокурой расѣ. У кашгарцевъ (Іакинфъ, *ib.*, стр. 224) эти особенности древнеиранскаго типа сохранились даже въ VII вѣкѣ.

Если бы усунь положили основаніе народу кара-киргизскому, то несомнѣнно, что въ его средѣ мы встрѣтили бы и теперь не мало бѣлокурыхъ. Между тѣмъ этого нѣтъ. За свои многолѣтнія странствованія по Памиру, Алаю и Тянь-шаню я только однажды встрѣтилъ рыжеволосаго, съ зеленовато-голубыми глазами, но съ совершенно монгольскимъ складомъ лица, кара-киргиза рода Барги (въ Талдыкскомъ ущельѣ). Шатеновъ было достаточно, преимущественно среди родовъ: Канглы, Команъ и Кара-Багышъ (въ Андижанскомъ уѣздѣ), Монголь, Тогай, Саякъ и Султы (въ дол. Нарына), Барги и Кипчакъ (на Алаѣ); среди киргизовъ родовъ Сары-Багышъ и Чирыкъ (въ долину Нарына), Чумъ-багышъ (на кашгарскомъ склонѣ Тянь-шаня), Таитъ (на Алаѣ), Кыдырша (въ Каратегинѣ), Кипчакъ, Чигитырь, Кыдырша, Найманъ (на Памирѣ) шатены — большая рѣдкость. Я не видѣлъ послѣднихъ среди памирскихъ кара-киргизъ родовъ: Дульбаръ-наурсъ, Сары-таитъ (на р. Мургабѣ), Кара-таитъ (у подошвы Музь-тага), Кизыль-аякъ, Утынчи, Кочкаръ (въ ур. Тагарма), Таитъ (на р. Акъ-су), Бустангъ и Тулясъ (на р. Мазаръ) и среди кара-киргизъ р. Ульджакъ, кочующихъ близъ укр. Гульчи. Наибольше свѣтловолосымъ изъ всѣхъ каракиргизскихъ родовъ я считаю родъ Барги, кочевья котораго находятся на сѣверныхъ склонахъ Алайскихъ горъ.

При этомъ считаю не лишнимъ отмѣтить странное противорѣчіе между вышеприведенными извѣстіями, приводимыми Іакинфомъ, и тѣмъ, что пишетъ Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. 166): «Quand les Sian-pi (сяньбийцы) devinrent puissants, ils subjuguèrent aussi les Ou-sun (насколько, однако, извѣстно, сяньбийцы только во II вѣкѣ распространяли свою власть такъ далеко на западъ), et les forcèrent, par des incursions continuelles, d'abandonner leur pays et de se retirer à l'occident et au nord-ouest. Cet événement eut lieu au commencement du IV siècle. Une partie de la nation se dispersa dans le pays situé sur le Iaxartes supérieur (стало-быть

братъ Мохаммедъ-султанъ, шестой сынъ Рашида. Не этого-ли Мохаммедъ-султана засталъ іезуитъ Гоэсъ правителемъ всей Кашгаріи ¹⁾?

Если это предположеніе вѣрно, то вся дальнѣйшая исторія Могулистана намъ становится ясной. Со смертью Ша-хана власть надъ всѣмъ Притяньшаньемъ переходитъ къ потомкамъ Рашида, правившимъ страной изъ Яркенда. Интересы этихъ послѣднихъ

въ Ферганѣ?) et dans la Transoxiane, une autre se retira dans la partie méridionale de la steppe des Kirghiz, qui avoisine l'Irtyche. En 619 ils devinrent sujets des Thou-khiu, et il paraît qu'ils ont fini par se confondre avec cette dernière nation». Я не знаю, гдѣ во всемъ изложенномъ кончается китайскій авторъ, а гдѣ начинается Клапротъ, но во всякомъ случаѣ указаніе на начало IV вѣка, когда усилившіеся сяньби, будто бы, покорили усуньцевъ, не совсѣмъ точно.

Краткая исторія сяньбійцевъ слѣдующая: «Въ 93 г. по Р. Хр. они овладѣли наслѣдіемъ хунновъ — почти всей Монголіей. Однако они не имѣли общаго главы и каждый ихъ аймакъ управлялся самостоятельно (см. Іакинфъ, «Записки о Монголіи», II, стр. 53). Около 150 г. нѣкто Таньшихай объединилъ сяньбійскія поколѣнія и простеръ свои завоеванія на сѣверъ до Томска, на западъ до р. Или; но въ 235 г. могущество сяньбійцевъ пало окончательно и союзъ ихъ распался. Впрочемъ, два восточныхъ поколѣнія ихъ, Мужунъ и Тоба, успѣли быстро усилиться и даже основать въ Сѣверномъ Китаѣ двѣ смѣнившія одна другую династіи — Янь (352—440) и Вэй (386—557). Въ 399 г. первый императоръ послѣдней династіи Тоба-Гуй простеръ свои завоеванія до Тарбагатая, но эта страна вскорѣ отнята была у него жеужаньцами, которые, овладѣвъ Джунгаріей и Халхою, основали здѣсь, въ 402 г., независимое царство. Къ этому времени именно и слѣдуетъ приурочить бѣгство усуней на югъ, въ Цунъ-линь, гдѣ ихъ, вѣроятно, и засталъ уже, въ 436 г., посоль императора Тоба-Дао. Что касается до нижеслѣдующихъ мѣстъ китайской лѣтописи: «При дворѣ (рѣчь идетъ о княжествѣ Тоба) произошло великое смятеніе... Юйлюй возведенъ на престолъ. Онъ на западѣ завоевалъ древнія усуньскія земли, на востокѣ покорилъ все, лежащее отъ Уги на западъ. Имѣя отборную конницу, Юйлюй въ 318 г. сдѣлался сильнымъ воиномъ въ сѣверной странѣ. Но уже въ 321 г. открылись смятенія въ его домѣ и... Юйлюй былъ убитъ» (Іакинфъ, *op. cit.*, I, стр. 193). И дальше: «Поколѣнія раздѣлились и разсѣялись. Но Шеигянь соединилъ ихъ, установилъ штатъ чиновниковъ и издалъ уголовные законы; наконецъ... народъ успокоился. Послѣ сего съ востока отъ Сумо на западъ до Полона (Ферганы?), съ юга отъ Инь-шань на сѣверъ до песчаной степи, все покорилось ему» (Іакинфъ, *ib.*, стр. 194) — то я толкую ихъ иначе, чѣмъ Клапротъ, Іакинфъ и Аристовъ. Въ первой выдержкѣ я обращаю вниманіе на слова «древнія усуньскія земли». Я думаю, что если бы здѣсь рѣчь шла объ Илійскомъ краѣ, то китайскій лѣтописецъ не вправѣ былъ бы употребить такое выраженіе. Ясно, что онъ говоритъ здѣсь о мѣстахъ болѣе раннихъ кочевій усуней, которыя я приурочиваю къ южному Алтаю (*ср.* Бретшнейдеръ, *op. cit.*, I, стр. 123). Сверхъ того, Юйлюй княжилъ всего лишь 3—4 года и ему некогда было думать о столь дальнихъ завоеваніяхъ. Равнымъ образомъ и Шеигянь въ два года (337—339) не могъ оборудовать всего того, что ему приписываетъ лѣтопись, если предположить, что онъ оружіемъ подчинилъ себѣ всѣ земли до Ферганы. Гораздо естественнѣе представить себѣ, что нравственное обаяніе этого князя было столь велико, что ему охотно подчинились многіе народы и въ ихъ числѣ восточно-туркестанцы. То же самое повторилось и столѣтіемъ позже, что видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Владѣтель усуньскій былъ въ восторгѣ отъ даровъ дома Вэй и, принимая ихъ, сказалъ: Слышно, что владѣнія Полона и Чжеше, представляя въ мысляхъ доброты дома Юань-вэй, желаютъ быть его вассалами и представлять ему дань, но сожальютъ, что не имѣютъ дороги», etc. (Іакинфъ, *op. cit.*, III, стр. 138).

Предположеніе Риттера («Землевѣдѣніе Азіи», II, 1859 г., стр. 130), что усунь, покинувъ Тянь-шань, частью удалились въ Уральскія горы, послѣ всего вышесказаннаго, конечно, не нуждается въ опроверженіи.

¹⁾ Или, можетъ быть, его младшаго брата Мохаммедъ-Баки? (См. Quatremère въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, стр. 488).

сосредоточились преимущественно на Западъ; Востокъ же, главнымъ образомъ Уйгуристанъ, управляемый намѣстникомъ изъ Чалыша, теряетъ свое первенствующее значеніе и мало по малу поглощается ойратами.

«Бытъ джунгарскихъ родовъ, пишетъ Позднѣевъ¹⁾, за вторую половину XVII вѣка представляетъ собою одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ въ исторіи джунгарскихъ поколѣній. Причины этой темноты лежатъ, конечно, отчасти въ сложности самой джунгарской жизни того времени, отчасти въ незначительности нашихъ свѣдѣній о ней». Мнѣ кажется, однако, что темнота эта сопровождается всю исторію калмыковъ, съ самаго момента возникновенія ойратскаго союза до эпохи Амурсаны. Всего же менѣе извѣстна намъ исторія вторичнаго усиленія калмыковъ, связаннаго съ паденіемъ могущества хановъ Могулистана.

Послѣ смерти Эсеня, послѣдовавшей въ 1457 году, ойраты всего только однажды, а именно въ 1472 году, проникли до р. Или. Засимъ мы слышимъ о нихъ очень мало, хотя надо думать, что пограничныя столкновенія между ними и ханами Могулистана не прекращались до 1530 года, когда имъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ султаномъ Мансуромъ. Лишившись надежды овладѣть южной Джунгаріей, ойраты, тѣснимые съ востока монголами²⁾, съ одной стороны двинулись долиной Чернаго Иртыша³⁾ на сѣверо-западъ и тамъ достигли рѣкъ Ишима и Тобола⁴⁾, съ другой устремились на югъ, за Нань-шань, къ Куку-нору.

Эти передвиженія ойратовъ въ поискахъ свободныхъ земель особенно усилились въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, когда къ вызвавшей ихъ причинѣ присоединилась другая, а именно, когда во главѣ чоросовъ всталъ воинственный и энергичный потомокъ Эсеня — Хутугайту Хара-хула⁵⁾, предпринявшій объединеніе всѣхъ ойратскихъ поколѣній подъ своею властью.

Властолюбивые замыслы Хара-Хулы встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны родовичей, причемъ слабѣйшіе изъ нихъ

¹⁾ Письмо, приложенное къ книгѣ Н. И. Веселовскаго — «Посольство къ зюнгарскому Хунь-тайчжи Цэвань-Рабтану Ивана Унковскаго», стр. 239.

²⁾ Pallas — «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften», I, стр. 36—37; Позднѣевъ — Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ Эрихэ», стр. 103—104.

³⁾ Schmidt, *op. cit.*, стр. 211; Галсань-Гомбоевъ — «Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами» въ «Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. XIV, стр. 86—87.

⁴⁾ Впрочемъ, такъ далеко на западъ выдвинулись торгоуты лишь въ 1620 году.

⁵⁾ Съ конца XVI в. до 1634 г. (Григорьевъ, *op. cit.*, стр. 351; Іакинфъ, «Историческое обозрѣніе ойратовъ», стр. 44). Палласъ, однако, пишетъ: «In den Kindheitsjahren des Charachulla und also ohngefähr zu Anfang des 17-ten Jahrhunderts, waren, etc.» (*op. cit.*, стр. 36).

должны были уклониться въ стороны наименьшаго сопротивленія, а именно, въ слабо заселенныя Прииртышскія степи и на Куку-норь¹⁾.

Хара-Хулѣ наследовалъ Хотохоцинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Батуръ хунъ-тайши (1634 — 1653)²⁾. Преслѣдуя программу своего отца, онъ вынудилъ большую часть торгоутовъ покинуть Семипалатинскія и Акмолинскія степи и откочевать еще далѣе къ западу, на Каспій и Волгу (1636 г.), остальную же часть присоединиться къ хошоутамъ, которые, во главѣ со своимъ княземъ Туру-Байху Гуши-ханомъ, незадолго передъ симъ ушли за Наньшань. Событіе это, имѣвшее крупное значеніе для послѣдующей исторіи Тибета, слѣдуетъ отнести къ 1638 году³⁾.

Тибетъ управлялся въ это время двумя владыками: свѣтская власть сосредоточивалась въ рукахъ тангутскаго князя Цзанба, духовная въ рукахъ далай-ламы и его перваго министра (диба)-Сангэ.

Въ 1643 году диба Сангэ, поссорившись съ княземъ Цзанба, убѣдилъ далай-ламу просить помощи у Гуши-хана противъ сего послѣдняго. Гуши-ханъ не замедлилъ отозваться на зовъ живого Будды, но разъ утвердившись въ Тибетѣ, не пожелалъ уже возвращать захваченную такъ легко власть въ руки честолюбиваго министра и, оставивъ при далай-ламѣ и баньчэнѣ-эрдени въ качествѣ совѣтниковъ своихъ двухъ сыновей, обложилъ провинцію Камъ податью въ свою пользу⁴⁾. Такимъ образомъ совершилось объединеніе всѣхъ земель между Бэй-шанемъ⁵⁾ и Гималаями, Батангомъ и Лехомъ, подъ властью хошоутскихъ князей, которые, на первыхъ

¹⁾ О внутреннемъ состояніи калмыцкихъ кочевій этой эпохи даетъ намъ вѣрное понятіе нижеслѣдующее представленіе теленгутскаго князя русскимъ властямъ, сдѣланное въ 1608 году: «Калмыковъ уже нельзя застать на домашнихъ кочевьяхъ; они не токмо съ Алтынъ-ханомъ урянхайцевъ и Козачью ордою войну ведутъ, но и сами между собою въ несогласіи; нѣкоторые же улусы отъ нихъ отпали и никого не пропускаютъ». Цитировано Іакинфомъ изъ «Сибирской Исторіи» Фишера, стр. 212 и слѣд. (см. «Истор. обозр. ойратовъ», стр. 34).

²⁾ У Палласа, *op. cit.*, стр. 39, читаемъ: «Er (Baatur) starb um 1665».

³⁾ Успенскій, *op. cit.*, стр. 166; Іакинфъ, «Историческое обозрѣніе ойратовъ», стр. 46.

⁴⁾ Отецъ Иларіонъ, «Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ», въ «Трудахъ членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ», II, стр. 455.

⁵⁾ Хошоуты кочевали не только къ югу отъ Нань-шаня, но и къ сѣверу отъ него (Успенскій, *op. cit.*, стр. 167). «Въ 1660 г., читаемъ мы у Успенскаго далѣе (стр. 169), внукъ Гуши-хана Гуньбу сдѣлалъ покушеніе напасть на Гань-чжоу, желая вымѣстить на яркендскомъ посольствѣ обиду, причиненную яркендцами подвластнымъ ему кочевникамъ. Гуньбу кочевалъ за проходомъ Цзя-юй-гуань, въ сосѣдствѣ съ Хами, такъ что чжунгарскіе и магометанскіе послы изъ Туркестана неминуемо должны были проходить чрезъ его кочевье. Когда посольство пришло въ Су-чжоу, Гуньбу рѣшился сдѣлать нападеніе; но губернаторъ перевелъ посла для безопасности въ Гань-чжоу; Гуньбу, собравъ тысячу всадниковъ, двинулся на Гань-чжоу, гдѣ уже все было подготовлено, чтобы дать ему отпоръ, почему онъ и долженъ былъ возвратиться».

порахъ, пользовались особымъ расположеніемъ богдыханскаго правительства, въ особенности послѣ существенной помощи, оказанной ими маньчжурскимъ войскамъ, въ дѣлѣ усмиренія возстанія саларскихъ магометанъ (въ 1653 году). Гуши-ханъ скончался въ 1660 г., передавъ власть надъ хошоутскимъ аймакомъ своему сыну Даши-Батуру.

Между тѣмъ на сѣверѣ, со смертью Батура хунъ-тайши, успѣвшаго распространить свои владѣнія на западъ до р. Чу (въ 1643 году)¹⁾, центральная власть въ Джунгаріи пала. Исторія не сохранила намъ имени того изъ сыновей Батура, который унаслѣдовалъ его верховную власть надъ всѣми ойратами²⁾; да этотъ пробѣлъ и неваженъ, такъ какъ уже въ исходѣ шестидесятихъ годовъ въ средѣ ойратовъ возникли междоусобія. Такъ, намъ извѣстно, что «въ 1659 году Цэцэнъ-батуръ³⁾, Сэнгэ⁴⁾, Цуйкеръ (Цохоръ?) и другіе покорили Джунгарію»⁵⁾ или, точнѣе, Джунгарскій аймакъ, и что въ слѣдующемъ году Цэцэнъ-ханъ вкупѣ съ уже помянутымъ Сэнгэ и хойтскимъ княземъ Султаномъ-тайши предпринялъ походъ противъ хошоутскаго князя Аблая⁶⁾, закончившійся взятіемъ Аблай-кита и бѣгствомъ части хошоутовъ на Волгу. Но если ойраты и не имѣли послѣ смерти Батура общаго, всѣми признаннаго, главы, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что уже около 1660 г. всѣ джунгарскіе отоки были объединены подъ властью Сэнгэ, который простеръ свои завоеванія на сѣверъ до Красноярска (1667 г.)⁷⁾.

Сэнгэ былъ убитъ своими старшими братьями Цзотба Батуромъ и Цэцэномъ-тайши въ 1671 году⁸⁾. Это убійство вызвало на сцену знаменитаго Галдана Бошокту, единоутробнаго брата Сэнгэ.

¹⁾ Аристовъ, *op. cit.*, стр. 45. Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ Аристовъ столь точное указаніе. У Фишера («Сибирская Исторія», стр. 444—445) говорится только, что въ 1635 году глава калмыковъ Батуръ хунъ-тайши воевалъ съ туркестанскимъ (казацкимъ) ханомъ Ишимомъ и успѣлъ даже плѣнить его сына Джегангиръ-султана (у Фишера — Янгиръ-султана); въ 1643 же году Батуръ овладѣлъ лишь двумя казацкими родами Алатъ-киргизскимъ и Токманскимъ. Если «Токманскій» производитъ отъ Токмакъ, русскаго поселенія, а, можетъ быть, тогда урочища на р. Чу, то Аристовъ, конечно, правъ. Ср. Вельяминовъ-Зерновъ, *op. cit.*, II, стр. 378; Іакинфъ, *op. cit.*, стр. 55.

²⁾ См. то, что пишетъ Позднѣвъ по сему поводу. *Op. cit.*, стр. 241—246.

³⁾ Вѣроятно, старшій сынъ Батура.

⁴⁾ По однимъ источникамъ 5-й, по другимъ — 6-й сынъ Батура.

⁵⁾ Позднѣвъ, I. с.

⁶⁾ Аблай былъ однимъ изъ сыновей Гуши-хана.

⁷⁾ Палласъ, *op. cit.*, стр. 40. См. также «Примѣчанія» Арсеньева къ «Путешествію Николая Спафарія», стр. 189.

⁸⁾ Палласъ пишетъ: «въ январѣ 1671 года». Такое точное опредѣленіе времени дѣлаетъ излишнимъ то, что по этому поводу пишетъ Позднѣвъ въ своихъ комментаріяхъ къ историческимъ извѣстіямъ, сообщаемымъ И. Унковскимъ, стр. 247.

Галданъ, получивъ извѣстіе о случившемся, сложилъ съ себя духовное званіе, немедленно покинулъ Тибетъ ¹⁾ и уже осенью того же года объявился въ своихъ родныхъ кочевьяхъ, въ долину Чернаго Иртыша. Хотя первоначальная дѣятельность Галдана въ Джунгаріи и не вполне намъ извѣстна, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые факты, которые сохранила исторія, позволяютъ думать, что, едва вступивъ на родную почву, онъ уже принялся за осуществленіе своихъ властолюбивыхъ мечтаній. Такъ, еще въ томъ же, 1671, году онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону Алдара-тайши, а два года спустя и своего брата Даньджина хунь-тайши ²⁾. Усилившись такимъ образомъ, онъ въ 1673 году объявилъ войну своему дядѣ Цохорь-тайши, но былъ имъ разбитъ и бѣжалъ въ Ала-шань, къ хошоутамъ. Не смотря на эту первую неудачу, онъ къ 1675 году успѣлъ уже настолько оправиться, что съ успѣхомъ отразилъ нападеніе Цохора-Убаши; въ слѣдующемъ же году нанесъ Цэцэнъ-хану рядъ пораженій въ долину р. Или и тѣмъ самымъ до такой степени устрасилъ своихъ братьевъ Цзотба-батура и Цзорику-хотоци, что тѣ рѣшились бѣжать на Куку-норъ, гдѣ и присоединились къ хошоутамъ подъ общей фамиліей Чорось.

Въ 1678 году ³⁾ Галданъ перенесъ свое оружіе за предѣлы Джунгаріи. Онъ проникъ въ Ала-шань и здѣсь нанесъ рѣшительное пораженіе Очирту-Цэцэнъ-хану, котораго поймалъ и убилъ, а аймакъ его разсѣялъ. Нѣкоторыя поколѣнія хошоутовъ успѣли, однако, спастись бѣгствомъ въ предѣлы Китая, откуда они возвратились въ покинутыя кочевья лишь въ 1686 году ⁴⁾.

Въ 1679 году ⁵⁾ Галданъ овладѣлъ Восточнымъ Туркестаномъ. Совершилось это событіе при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ 1603 года всѣ историческія свѣдѣнія о Восточномъ Туркестанѣ, какъ мы это видѣли, прекратились; тѣмъ не менѣе мы съ увѣренностью можемъ сказать, что тамъ по прежнему продолжали властвовать Джагатаиды, которые, слѣдуя обычаю дробить свои владѣнія на удѣлы, снова выдѣлили къ сороковымъ годамъ XVII столѣтія Турфанъ въ полунезависимое владѣніе. Это мы заклю-

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, Галданъ въ 1671 году былъ въ гостяхъ у Алашаньскихъ хошоутовъ.

²⁾ См. родословную у Палласа.

³⁾ У Позднѣва (Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ Эрихэ», стр. 175) событіе это отнесено къ 1676 году.

⁴⁾ «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 116.

⁵⁾ По другимъ же источникамъ въ 1680 г. См. Позднѣвъ — комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 249.

чаемъ изъ факта установившихся, начиная съ 1646 года, посольскихъ сношеній между маньчжурами и турфанскими владѣльцами ¹⁾, которые искали въ Пекинѣ защиты отъ ойратовъ, успѣвшихъ уже къ этому времени подчинить себѣ всѣ коренныя земли Могулистана ²⁾.

Послѣдующія двадцать лѣтъ еще болѣе усилили ойратовъ. Что касается Восточнаго Туркестана, то его раздирали въ это время внутреннія распри, порожденныя борьбою религіозныхъ партій Ишкія и Исакія ³⁾.

XIV и XV столѣтія особенно замѣчательны для среднеазиатскаго мусульманства появленіемъ многихъ учителей, которые пріобрѣли славу святыхъ и чудотворцевъ. Самаркандъ и Бухара были средоточіемъ религіозной учености востока, и развившійся тамъ казуизмъ достигъ, наконецъ, и Кашгара. Одинъ изъ потомковъ Мохаммеда, происходившій въ ближайшемъ колѣнѣ отъ Имама-Ризы, ходжа Махтуми-азямъ пріобрѣлъ богословскую извѣстность въ Бухарѣ. По пріѣздѣ около половины XV вѣка въ Кашгаръ ⁴⁾, онъ былъ встрѣченъ народнымъ уваженіемъ и получилъ отъ кашгарскихъ хановъ обширныя помѣстья. Послѣ его смерти его сыновья Имамъ-Калянъ и ходжа Исаакъ-Вали были почтены такимъ же уваженіемъ и сдѣлались религіозными патронами мусульманъ Восточнаго Туркестана. Съ этого времени ходжи начали пользоваться большимъ значеніемъ, причемъ образовались двѣ партіи, отличавшіяся не столько существомъ ученія, сколько характеромъ и качествами лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ. Послѣдователи Имама-Каляна стали называться Ишкія, а послѣдователи ходжи Исаака-Вали—Исакія; впоследствии же было усвоено первымъ названіе «бѣлогорцевъ», а послѣднимъ «черногорцевъ».

Вскорѣ послѣ зарожденія этихъ партій проявилась и вражда между ними, сперва, конечно, лишь религіознаго характера, но затѣмъ, когда кругъ каждой партіи значительно расширился, когда

¹⁾ Григорьевъ, *op. cit.*, стр. 352; Позднѣевъ, I. с., стр. 252.

²⁾ Событіе это слѣдуетъ отнести къ 1643 году. Впрочемъ, уже со смертью Юнусова сына Мохаммедъ-султана, убитаго Шейбани-ханомъ въ 1508 году, кочевыя племена, населявшія Четэ и долину Или, присоединились къ союзу казаковъ Касимъ-хана, сына Джанибека (см. Вельяминовъ-Зерновъ, *op. cit.*, II, стр. 139—383).

³⁾ Валихановъ — «О состояніи Алтышара въ 1858—1859 гг.» (въ «Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1861, III, стр. 34 и слѣд.).

⁴⁾ Григорьевъ, *op. cit.*, стр. 355. Согласно свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Мирзой-Шемсомъ Бухари въ его «Запискахъ», изд. Григорьевымъ, стр. 33. Наливкинъ («Краткая исторія Коқандскаго ханства», стр. 50) даетъ болѣе опредѣленное указаніе: «Махдумъ-Азамъ былъ уроженцемъ Касана, жилъ по большей части въ Самаркандѣ и похороненъ неподалеку отъ этого города, въ Дахбидѣ, въ 949 (1542) году».

все населеніе Алтышара раздѣлилось на два непріязненные лагеря, къ религіознымъ распрямъ присоединились уже и стремленія къ политическому преобладанію.

Вѣроятно въ 1678 году кашгарскій ханъ Измаиль, ревностный черногорецъ, принудилъ Аппака-ходжу, главу бѣлогорской партіи, челоуѣка, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ среди кашгарскаго населенія, покинуть отечество. Ходжа пробрался въ Кашмиръ, оттуда въ Тибетъ, представился далай-ламѣ и успѣлъ настолько расположить его въ свою пользу, что тотъ отправилъ его къ Галдану съ письмомъ, въ коемъ излагалась просьба помочь Аппаку утвердиться въ Кашгаріи. Галданъ воспользовался случаемъ и при содѣйствіи приверженцевъ ходжи взялъ Яркендъ, послѣ чего, по видимому, безъ всякаго труда покорилъ и весь остальной Восточный Туркестанъ. Аппака онъ оставилъ правителемъ въ Яркендѣ, семью же хана увелъ за собою въ Джунгарію.

Вскорѣ затѣмъ Аппакъ-ходжа, можетъ быть, для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ мусульманъ, которые, конечно, не могли не смотрѣть на него какъ на предателя своего отечества, сложилъ съ себя свѣтскую власть, вызвалъ изъ Ушъ-Турфана брата Измаиль-хана, Мохаммедъ-Эмина, и, объявивъ его ханомъ, убѣдилъ его сдѣлать набѣгъ на джунгаровъ. Мохаммедъ-Эминъ вторгся въ калмыцкіе улусы, разбилъ ихъ стойбища и возвратился съ 30 тысячами плѣнныхъ обоюго пола, скотомъ и имуществомъ; но затѣмъ до того испугался своего поступка, что бѣжалъ въ горы, гдѣ и былъ убитъ однимъ изъ своихъ спутниковъ.

Аппакъ снова принялъ свѣтскую власть. Послѣ же его смерти, вдова его, желая доставить верховную власть своему сыну Мехди, успѣла, при помощи дервишей, убить старшаго сына Аппака, ходжу-Яхью, но вслѣдъ затѣмъ и сама пала подъ ножомъ какого-то фанатика. Пользуясь раздорами въ семьѣ Аппака, другой братъ Измаиль-хана, Акбашъ, утвердился въ Яркендѣ и вызвалъ туда же главу черногорской партіи Даніеля-ходжу. Между тѣмъ кашгарцы, бывшіе всегда ревностными бѣлогорцами, призвали къ себѣ Ахмеда-ходжу, сына ходжи Яхьи, и провозгласили его ханомъ. Какъ и слѣдовало предвидѣть, обстоятельство это вызвало кровопролитную войну между Кашгаромъ и Яркендомъ. Кашгарцы, вспомошествоваемые кара-киргизами, осадили Яркендъ. Яркендскій ханъ Ашемъ, изъ казацкихъ султановъ, призванный въ этотъ городъ послѣ того, какъ Акбашъ-ханъ, неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ сыномъ Аппака, Мехди, уѣхалъ въ Индустанъ, разбилъ съ своими казаками на голову кашгарцевъ; но

вскорѣ и этотъ ханъ изъ боязни интригъ покинулъ Яркендъ, оставивъ въ немъ правителемъ Даниеля-ходжу.

Въ это время полчища калмыковъ вступили въ предѣлы Восточнаго Туркестана съ тѣмъ, чтобы отомстить кашгарцамъ за набѣгъ Мохаммедъ-Эмина. Даниель-ходжа воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подслужиться къ хунъ-тайшѣ, и со своими яркендцами присоединился къ калмыцкому войску. Но Галданъ, взявъ Кашгаръ и поставивъ тамъ правителемъ не хана, а указанное народомъ лицо, съ титуломъ хакимъ-бека, не оставилъ и Даниеля въ Яркендѣ. Оба ходжи должны были раздѣлить одинаковую участь и въ роли почетныхъ узниковъ поселиться въ Джунгаріи ¹⁾.

Пока все изложенное происходило въ Алтышарѣ, Галданъ продолжалъ свои завоеванія на западѣ.

Еще въ 1598 г. казацкій ханъ Тевеккель, пользуясь беспорядками, сопровождавшими паденіе Шейбанидовъ въ Мавераннагрѣ, овладѣлъ городами Ташкентомъ и Туркестаномъ (Ессы) ²⁾ со всей окрестной страной. Съ тѣхъ поръ эти города почти постоянно находились въ рукахъ казаковъ, такъ какъ астраханская династія, замѣстившая бухарскихъ Шейбанидовъ, была не въ силахъ вытѣснить ихъ изъ завоеваннаго ими края. Только послѣ того, какъ на сцену выступили новые ихъ враги въ лицѣ джунгаровъ, казаки начали понемногу слабѣть. Слабость эта и принудила ихъ въ послѣдствіи, т. е. уже въ XVIII столѣтіи, покинуть сначала Ташкентъ, а потомъ и Ессы съ близъ-лежащими городами, и искать спасенія въ подданствѣ Россіи ³⁾.

Мы видѣли, что уже въ 1643 году Батуръ хунъ-тайши отнялъ у казаковъ Илійскій бассейнъ. Послѣдовавшія затѣмъ среди ойратовъ смуты пріостановили дальнѣйшее ихъ движеніе на западъ, но послѣднее стало неизбежнымъ ⁴⁾ послѣ того, какъ Галданъ вновь объединилъ подъ своею властью большинство калмыцкихъ поколѣній ⁵⁾.

Въ 1681 г. Бошокгу проникъ за р. Чу и осадилъ Сайрамъ, но не могъ взять этого города, вслѣдствіе чего въ 1683 г. вновь послалъ туда войско, которое, впрочемъ, едва-ли имѣло лучшій успѣхъ, хотя и захватило въ плѣнъ двухъ казацкихъ султановъ.

¹⁾ Валихановъ, *ibid.*

²⁾ И даже на время Ферганой и Самаркандомъ. Вельяминовъ-Зерновъ, *op. cit.*, стр. 348—349.

³⁾ Вельяминовъ-Зерновъ, *ib.*, стр. 382.

⁴⁾ Вельяминовъ-Зерновъ, *ib.*, стр. 380—381.

⁵⁾ Аристовъ пишетъ (*op. cit.*, стр. 45), что калмыки уже въ 1625 г. утвердились на Таласѣ, но онъ не указываетъ источника, откуда заимствовалъ это свѣдѣніе.

Осенью того же года онъ покорилъ тянь-шаньскихъ кара-киргизовъ и проникъ въ Фергану, гдѣ воевалъ въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ, приче́мъ одинъ изъ его отрядовъ, какъ кажется, доходилъ до р. Мургаба, на Памирѣ, и даже до Сарыкола¹⁾. Въ томъ же 1685 г. его полководцемъ Рабтаномъ былъ взятъ и разрушенъ Сайрамъ²⁾.

Въ 1688 г. Галданъ впервые вступилъ въ Халху, чѣмъ и положилъ начало войнамъ, обезсилившимъ оба отдѣла монголовъ и сдѣлавшимъ ихъ вскорѣ легкой добычей маньчжуровъ.

Даянъ-ханъ, о которомъ упоминалось выше, правилъ восточными монголами изъ Халхи, гдѣ кочевья его находились у южныхъ подножій Хангая³⁾. Послѣ его смерти, старшіе его сыновья откочевали къ югу и, основавшись у Великой стѣны, сдѣлались родо-правителями поколѣній, принадлежащихъ нынѣ цзасакамъ такъ называемыхъ «внутреннихъ монгольскихъ хошуновъ»; самый же младшій изъ сыновей Даянъ-хана—Гэрэсанца, согласно обычаю монголовъ, остался у очага своего отца и, получивъ въ удѣлъ 13 отоковъ, жилъ на старыхъ его кочевьяхъ, у южныхъ отроговъ Хангайскихъ горъ.

Гэрэсанца Цзалаиръ хунъ-тайши, умирая, раздѣлилъ свой аймакъ по числу сыновей на семь хошуновъ или удѣловъ, обосновавъ при этомъ дѣленіе Халхи на двѣ стороны—правую и лѣвую. Отъ этихъ-то семи сыновей и ведутъ свою родословную всѣ современные намъ князья и ханы Халхи⁴⁾.

Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ поколѣній халхаскіе князья сохранили еще живую связь съ чахарскими владыками, признавая ихъ старшинство надъ собою. Но затѣмъ связь эта утерялась и въ Халхѣ объявились свои ханы въ нисходящихъ линіяхъ трехъ сыновей Гэрэсанцы: старшаго—Ашихая и двухъ другихъ, получившихъ въ удѣлъ восточныя, самыя отдаленныя земли Халхи, граничащія на западѣ съ рѣкою Тола. Такъ какъ дробленіе земель на удѣлы продолжалось и впослѣдствіи, приче́мъ каждый изъ родо-

¹⁾ Дангнымъ-баш'скіе киргизы, передавая мнѣ легенду о происхожденіи развалинъ «Кызъ-курганъ», лежащихъ нѣсколько ниже Гуджадбая, по р. Дангнымъ-дарьѣ, начали свой рассказъ словами: «Это было задолго до прихода сюда калмыковъ. Одинъ ханъ захотѣлъ жениться на своей родной сестрѣ. Дѣвушка убѣжала въ эти горы и построила себѣ курганъ на неприступной скалѣ» и т. д. Въ долинѣ р. Акъ-Байталъ указываютъ на мѣсто, служившее сборнымъ пунктомъ для калмыцкихъ отрядовъ. Вообще, о калмыкахъ еще не забыли на Памирѣ.

²⁾ Позднѣвъ — Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 249—250.

³⁾ Позднѣвъ — Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ Эрихэ», стр. 94.

⁴⁾ Позднѣвъ, *op. cit.*, стр. 96.

правителей удерживалъ свою внутреннюю самостоятельность, то ко времени возникновенія у ойратовъ единой державіи мы видимъ Халху раздѣленной на множество княжествъ, изъ коихъ каждое руководилось въ своей внѣшней политикѣ не общими для всей Халхи интересами, а, главнымъ образомъ, своими собственными.

Такое внутреннее состояніе Халхи, не смотря на то, что князья ея не болѣе столѣтія тому назадъ тѣснили и громили ойратовъ, какъ нельзя болѣе способствовало планамъ Галдана, и, конечно, вся Монголія, а съ ней вмѣстѣ и вся средняя Азія отъ Сыръ-Дарьи до Большаго Хингана и отъ Великой стѣны до Сибири вновь объединилась бы подъ его властью въ одну обширную степную монархію, если бы такому объединенію не воспрепятствовали маньчжуры.

Первые шаги Галдана въ Халхѣ были, однако, несовсѣмъ удачны. Посланный имъ въ началѣ 1688 г. отрядъ подъ начальствомъ Дорчжи-чжоба былъ разбитъ на голову Чихунемъ-дорчжи, главой Тушету-хановскаго аймака. Тогда Галданъ во главѣ 30 тысячнаго отряда самъ перешелъ черезъ Хангайскія горы и, не встрѣчая нигдѣ серьезнаго сопротивленія, побѣдоносно прошелъ черезъ всю Халху до р. Кэрулэна. При приближеніи его войскъ цэцэнъ-хан'овцы и тушету-хан'овцы, бросая на произволъ судьбы свое достояніе, бѣжали массами на югъ, ища защиты у маньчжуровъ¹⁾. Паника и анархія, охватившія Халху, поставили въ самое затруднительное положеніе энергичнаго Чихуня-дорчжи, который съ трудомъ могъ сосредоточить на р. Толѣ сравнительно небольшія силы халхасовъ своего и Сайнъ-нойон'овскаго аймаковъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство побудило Галдана повернуть отъ Кэрулэна назадъ. Обѣ арміи сошлись близъ ур. Уругай, гдѣ и произошло генеральное сраженіе, длившееся три дня и рѣшившее судьбу Халхи окончательно. Чихунь-дорчжи былъ разбитъ, бѣжалъ къ сунитскимъ границамъ²⁾ и, собравъ здѣсь сеймъ, объявилъ, что дальнѣйшее

¹⁾ Только немногіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ на сѣверъ, въ предѣлы Россіи, еще менѣе халхасцевъ успѣло добраться до привольныхъ пастбищъ на Куку-норѣ (см. Успенскій, *op. cit.*, стр. 172).

²⁾ Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 36, сказано: «Черезъ одно поколѣніе отъ Туру-болота, потомка Чингисъ-хана въ 16 колѣнѣ, земля перешла къ тайцзи Хунцзиту-мэргэну, давшему своему племени названіе Сунитъ». Несомнѣнно, однако, что племенное наименованіе «Сунитъ» болѣе ранняго происхожденія, да и носящій его народъ не монгольскаго, а тюркскаго корня. Въ «Documents historiques sur les Tou-kioue» мы читаемъ: «Au jour Ting-weï du deuxième mois de la quatrième année de la période de Khai-hoang (584), dix mille personnes, hommes et femmes, de la horde turque appelée Sou-ni vinrent faire leur soumission». («Journal Asiatique», 1864, III, стр. 493). Къ тюркамъ же причисляетъ сунитовъ и Рашидъ эд-Динъ («Исторія монголовъ». Введеніе. «Зап. Импер. Археол. Общ.», XIV, 1858, стр. 7).

самостоятельное существованіе Халхи невозможно, а потому ей остается только вступить въ чье-либо подданство: Россіи или Китаю. Большинство сейма склонилось на сторону послѣдней державы, и осенью 1688 года главная масса халхасовъ присягнула маньчжурамъ.

Вмѣшательство послѣднихъ въ монгольскія дѣла стало съ этой поры неизбѣжнымъ; тѣмъ не менѣе императоръ Канси медлилъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и только тогда уже, когда всѣ средства къ мирному ихъ улаженію были исчерпаны, онъ отдалъ, наконецъ, приказъ маньчжурскимъ войскамъ выступить за границу.

Первое столкновеніе маньчжуровъ съ джунгарами закончилось не въ ихъ пользу. Ихъ полководецъ Аранай, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, главнымъ образомъ, сборныя дружины халхасовъ, былъ разбитъ на голову, послѣдствіемъ чего было вторженіе Галдановыхъ войскъ въ кочевья внутреннихъ монголовъ. Почти не встрѣчая сопротивленія, Галданъ дошелъ до ур. Уланъ-бутунъ, находящагося всего лишь въ 700 ли разстоянія отъ Пекина. Но здѣсь онъ столкнулся съ главными силами маньчжуровъ, которые и нанесли ему жестокое пораженіе (1690 г.). Джунгары бѣжали. Китайскій лѣтописецъ говоритъ, что «Галданъ побѣждалъ на сѣверъ Шамо какъ безумный». Оно такъ и было. Галданъ бѣжалъ, не зная ни дня, ни ночи; онъ потерялъ почти всѣхъ своихъ верблюдовъ, весь свой багажъ; умершихъ дорогой отъ голода и изнеможенія было такое множество, что когда онъ, наконецъ, прибылъ въ Кобдо, отъ его стотысячной арміи едва осталось нѣсколько тысячъ воиновъ¹⁾.

Это пораженіе Галдана хотя и не заставило его разстаться съ мечтами о покореніи Халхи, тѣмъ не менѣе было столь полно, что ему понадобилось не менѣе четырехъ лѣтъ, чтобы уврачевать свои раны и собрать достаточно сильную армію для новаго нападенія на своихъ восточныхъ сосѣдей.

Лѣтомъ 1695 г. онъ перешелъ р. Орхонъ и быстрыми переходами направился въ долину р. Кэрулэна; на этотъ разъ, однако, онъ не посмѣлъ приблизиться къ границамъ Китайской имперіи и, ограбивъ цэцэнъ-хан'овцевъ, вернулся обратно.

Канси рѣшился выступить противъ джунгаровъ лишь въ слѣдующемъ году. Лично предводительствуя среднимъ корпусомъ маньчжурской арміи, онъ встрѣтился съ Галданомъ на берегахъ р. Кэрулэна; но Галданъ не осмѣлился дать здѣсь сраженіе императорскимъ войскамъ и отступилъ къ р. Толѣ, гдѣ, однако, не ожи-

¹⁾ Позднѣвъ, *op. cit.*, стр. 217—218.

данно для себя, столкнулся съ западнымъ корпусомъ той же арміи, который, преодолевъ чрезвычайныя трудности и потерявъ при этомъ около половины лошадей, только что прибылъ сюда изъ Нинъ-ся¹⁾; тѣмъ не менѣе маньчжуры одержали настолько полную побѣду, что Галданъ бѣжалъ съ поля битвы всего лишь во главѣ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ²⁾. Почти одновременно другая армія Галдана, подъ начальствомъ Арабтана, была на голову разбита хотохойскимъ (урянхайскимъ) княземъ Гэндуномъ.

Но всѣ эти неудачи не сломили упорства Галдана, который, будучи доведенъ даже до такой крайности, при которой главной заботой являлся вопросъ о дневномъ пропитаніи, не соглашался склонить свою шею передъ могущественнымъ маньчжурскимъ монархомъ, дѣлавшимъ ему съ этою цѣлью самыя лестныя предложенія. Это вынудило Канси отправить противъ него въ 1697 г. новую армію. Галданъ не дождался, однако, ея прибытія и отравился³⁾. Его вѣрный сподвижникъ Даньцила взялъ тогда его прахъ, жену и дѣтей и съ ними направился въ становище Цэванъ-Рабтана, но по пути раздумалъ и рѣшилъ передаться маньчжурамъ. Этотъ планъ ему, однако, не удался, такъ какъ, будучи настигнутъ отрядомъ Цэванъ-Рабтана, онъ долженъ былъ бросить все и искать спасенія въ бѣгствѣ. Такимъ образомъ уже на долю Цэванъ-Рабтана выпала обязанность представить Канси Галдановъ прахъ и его

¹⁾ Очевидно, что корпусъ этотъ шель тѣмъ же путемъ, коимъ дважды пользовался и Пржевальскій для пересѣченія Гоби между Ала-шанемъ и Ургой (см. «Монголія и страна тангутовъ», I, гл. XIV, «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 87 и слѣд.)

²⁾ Эти побѣды маньчжуровъ объясняются, главнымъ образомъ, превосходствомъ ихъ вооруженія. У ойратовъ почти вовсе не было тогда ружей, маньчжуры же располагали даже артилеріей.

³⁾ Палласъ, *op. cit.*, стр. 41, Іакинфъ — «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ», стр. 87, Позднѣевъ — «Монгольская лѣтопись Эрдэнийнъ Эрихэ», стр. 257, Унковскій — «Посольство къ зюнгарскому хунь-тайчжи Цэванъ-Рабтану», стр. 186. Надо думать, однако, что это — позднѣйшая версія. Современники этого событія, сообщая въ своихъ донесеніяхъ императору Канси о скоропостижной смерти Галдана, ни словомъ не упоминаютъ о томъ, чтобы смерть эта послѣдовала отъ самоотравленія. Такъ, главнокомандующій маньчжурской арміей писалъ императору: «Le Séssan Eleute Tsikir (ойратскій зайсанъ Цигирь), à qui je demandai ensuite quel avait été le genre de mort du Kaldan, me répondit:—Le Kaldan tomba malade le 13 de la troisième lune à la pointe du jour et mourut la nuit suivante: nous ne savons point de quelle maladie» (de Mailla, *op. cit.*, XI, стр. 279). Генераль Хонанта, командовавший другимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Хами, доносилъ въ свою очередь: «Le mahométan, porteur de la lettre de Tarhanbec, a qui je demandai de quelle maladie était mort le Kaldan: — Ce prince, répondit-il, voyant que les peuples de Koentchar lui avaient manqué de parole, se livra aux accès de la plus noire mélancolie; il n'écoula plus, que son désespoir, et passa plusieurs jours sans qu'on pût lui persuader de prendre de la nourriture. Il lui survint un violent mal de tête; au fort des douleurs il fit appeler Tantsila et le 13, sur le midi, il expira» (ib., стр. 282). Наконецъ, китайскій посоль, котораго извѣстіе о смерти Галдана застигло въ ставкѣ Цэванъ-Рабтана, рапортовалъ такъ: «Le Kaldan a été frappé d'une mort presque subite» (ib., стр. 292).

семью ¹⁾. Тогда, говоритъ китайскій лѣтописецъ, все на востокъ отъ Алтая стало принадлежать имперіи и предѣлы Халхи были отодвинуты на западъ на тысячу ли ²⁾. Къ западу же отъ Иртыша утвердился Цэванъ-Рабтанъ.

Цэванъ-Рабтанъ былъ сыномъ Сэнгэ. Убѣдившись, что Галданъ ищетъ его смерти ³⁾, онъ въ 1690 г. бѣжалъ отъ него въ

¹⁾ Позднѣевъ пишетъ слѣдующее: «Даньцила спѣшилъ представить ко двору его трупъ, его жену и его дѣтей, но Цэванъ-Рабтанъ напалъ на Даньцилу у горъ Алтайскихъ и, отнявъ у него его драгоценныя подарки (т. е. трупъ, жену и дѣтей Галдана), представилъ ихъ отъ себя императору («Матер. для ист. Халхи», стр. 257). Но фактъ передачи Цэванъ-Рабтаномъ императору Канси праха Галдана и членовъ его семьи получаетъ совершенно иное освѣщеніе, если мы обратимся къ подлиннымъ документамъ, касающимся этого дѣла и опубликованнымъ de Mailla (op. cit., XI, стр. 292—304).

На требованіе выдать дѣтей и останки Галдана, Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ: «Quand à la fille de ce rebelle, ce n'est point l'usage des Eleutes d'étendre leur vengeance sur les filles de leurs ennemis; et les cendres du Kaldan, quand même ou les remettrait entre les mains de l'empereur, ne pourraient rien ajouter au triomphe de Sa Majesté». Когда и на повторенное требованіе, мотивированное необходимостью, согласно существующему въ Китаѣ обычаю, истребить весь родъ бунтовщика, Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ отказомъ, то ему было послано письмо, въ коемъ императоръ Канси, между прочимъ, писалъ: «Si vous refusez de le faire, non seulement vous perdrez dans mon esprit tout ce que vous avez fait ci-devant pour obtenir mon amitié, je vous interdurai encore toute communication avec la Chine et ne permettrai plus à aucun de vos sujets d'y venir faire le commerce». Но и эта угроза не имѣла желаннаго дѣйствія. Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ: «J'ai déjà fait entendre plus d'une fois aux envoyés de l'empereur, que, suivant la coutume de nous autres Eleutes, notre vengeance ne s'étend pas jusqu'aux os d'un ennemi mort, ni jusqu'à ses femmes et ses filles. Cependant comme je craindrais en refusant cette satisfaction à l'empereur, qu'il conçût quelque fâcheux soupçon contre moi, je remettrai ces tristes restes du Kaldan qu'il me demande. Pour ce qui est de Tchontsihaï, fille de ce malheureux han, outre qu'elle est ma cousine germaine, encore un coup, notre vengeance, à nous autres Eleutes, ne s'étend point aux personnes du sexe, et je prie l'empereur de ne point insister sur cet article». Но императоръ оказался неумолимъ и Цэванъ-Рабтанъ долженъ былъ исполнить его волю (ib., стр. 304).

²⁾ Въ 1703 г., по распоряженію Канси, цзасактухановцы, бѣжавшіе на Куку-норъ, были возвращены и поселены въ Алтаѣ, на урочищахъ, прилегающихъ къ Черному Иртышу и по р. Урунгу. (Позднѣевъ—«Матер. для исторіи Халхи», стр. 271).

³⁾ Палласъ, op. cit., I, стр. 42; Іакинфъ, op. cit., стр. 65; Позднѣевъ — Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 252. Это наиболѣе распространенная версія причины разрыва между Цэванъ-Рабтаномъ и его дядей Галданомъ. Мнѣ сдается, однако, что распространителемъ этихъ слуховъ явился самъ Цэванъ-Рабтанъ, который такимъ путемъ хотѣлъ замаскировать главную причину своего разрыва съ дядей, коренившуюся въ его непомѣрномъ честолюбіи. Унковскій передаетъ намъ, что Цэванъ-Рабтанъ былъ въ отсутствіи, когда Галданъ рѣшился устранить со своего пути обоихъ племянниковъ. Какъ убилъ онъ Сономъ-Рабтана — неизвѣстно. Одни говорятъ, что при помощи веревки, другіе — что при помощи яда. Какъ бы то ни было, объ этомъ фактѣ Цэванъ-Рабтанъ узнаетъ уже только по возвращеніи въ ставку Галдана и послѣ свиданія съ этимъ послѣднимъ и притомъ отъ какого то ламы. Все это крайне неправдоподобно, и я охотнѣе допускаю, что лама, изъ за личныхъ видовъ, воспользовавшись скоропостижной смертью Сономъ-Рабтана, выдумалъ всю эту исторію о покушеніи. Во всякомъ случаѣ, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла не слѣдуетъ упускать изъ вида, что помимо Сонома и Цэвана у Сэнгэ былъ еще третій сынъ Данжимъ Умбу, на жизнь коего, насколько то намъ извѣстно, Галданомъ покушенія сдѣлано не было.

У de Mailla (op. cit., XI, стр. 224) приведена другая причина ссоры Галдана и Цэванъ-Рабтана: «La cause des démêlés de ce dernier (т. е. Цэванъ-Рабтана) avec le Kaldan venait de ce que celui-ci avait enlevé à Tséouang-rabdan la princesse Hohaï, qui lui était promise en mariage.

Турфанъ ¹⁾. Въ Турфанѣ онъ собралъ своихъ привержен-

D'ailleurs, en 1688, le Kaldan étant venu camper à Op, Sounomou-rabdan, frère de Tséouang-rabdan, qui l'accompagnait, mourut subitement. Tséouang-rabdan, qui soupçonna le Kaldan, d'être l'auteur de sa mort, marcha contre lui à la tête de 5,000 hommes, le défit, et le poursuivit jusqu'au pays de Pouctacrin-habitchar. Il répondit au Kaldan, qui lui envoya demander la cause de cette attaque imprévue, que c'était pour le punir de l'affront qu'il lui avait fait en enlevant la princesse Hohai, et venger la mort de son frère. Après la défaite de son ennemi, Tséouang-rabdan entra dans ses états et enleva sa femme avec une partie de ses sujets; depuis ce temps leur inimitié s'était accrue au point, qu'ils étaient devenus irréconciliables». Эти слова принадлежатъ ойратамъ, передавшимъ маньчжурамъ. Эта же версия помѣщена и въ «Общей біографіи торгоутовъ» (см. «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 442).

¹⁾ Позднѣевъ полагаетъ (Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 252), что этотъ фактъ служитъ надежнымъ доказательствомъ тому, что Турфанъ ни въ это, ни въ предшествовавшее сему событію время не находился въ зависимости отъ Галдана. Онъ подкрѣпляетъ свой выводъ нижеслѣдующими мѣстами лѣтописи «Вань-гунъ-сай илэтунь улабунь». «Въ 1646 г. турфанцы добровольно подчинились маньчжурамъ. Въ 1667 г. Канси утвердилъ правителемъ Турфана Кумуда. Въ 1671 г. этотъ Кумуда за преданность маньчжурскому дому былъ повышенъ въ своемъ званіи. Въ 1686 г. онъ со своими турфанцами, по повелѣнію Канси, охранялъ кочевья поддавагося въ ту пору маньчжурамъ Хороли». Но, мнѣ кажется, что всѣ эти факты доказываютъ лишь то, что уже съ половины XVII вѣка турфанцы стали отчаяваться въ возможности отстоять свою самостоятельность собственными силами, почему и старались заручиться поддержкой маньчжуровъ. Но въ эту эпоху маньчжуры были еще не въ состояніи оказать Турфану существенной помощи, такъ какъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ боролись съ многочисленными претендентами на наслѣдіе Миновъ, и Турфанъ долженъ былъ раздѣлить участь остальныхъ земель Восточнаго Туркестана.

Палласъ, *op. cit.*, I, стр. 40, пишетъ, что Турфанъ и Хами были завоеваны Галданомъ въ 1679 г. Другихъ указаній на время присоединенія Турфана къ владѣніямъ Галдана мы не имѣемъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ фактѣ такого присоединенія сомнѣваться нельзя въ виду нижеслѣдующихъ указаній китайской исторіи:

«Когда китайскій посоль въ 1692 г. прибылъ въ Хами, то въ 5 ли отъ города на него напали джунгары, въ числѣ 500 человекъ» (*de Mailla, op. cit.*, XI, стр. 165).

«Путь отступленія въ сторону Хами и Турфана былъ отрѣзанъ Галдану, такъ какъ въ обоихъ городахъ Цэванъ-Рабтанъ содержалъ гарнизоны силой въ 500 человекъ каждый» (*ib.*, стр. 227).

«Въ 1696 г. Канси предложилъ Цэванъ-Рабтану узнать, не скрылся ли Галданъ въ Хами (*ib.*, стр. 231), гдѣ у него оставалось еще много сторонниковъ среди мусульманъ» (*ib.*, стр. 225).

«Боязнь встрѣтить недружелюбный пріемъ въ Турфанѣ и другихъ городахъ, зависимыхъ отъ Цэванъ-Рабтана, заставила яркендскаго хана Абдъ-эр-Рашида (Абдулишэ) просить у Канси охранныхъ грамотъ» (*ib.*, стр. 231).

«Въ своей рѣчи къ высшимъ сановникамъ государства императоръ Канси сказалъ: Галданъ былъ сильнымъ противникомъ. Отнятые имъ у мусульманъ города въ числѣ 1,200 и среди нихъ Самаркандъ, Бухара, Сайрамъ, Яркендъ, Кашгаръ, Турфанъ и Хами, а также захваченныя имъ земли бурутовъ, какъ нельзя лучше свидѣлствуютъ объ его военныхъ талантахъ и храбрости его войскъ. Халха напрасно старалась противопоставить ему всѣ свои силы: въ теченіе одного года онъ успѣлъ разсѣять ихъ и уничтожить» (*ib.*, стр. 284—285).

«На вопросъ Цэванъ-Рабтана, добровольно ли онъ призналъ себя вассаломъ Китая, хамійскій князь отвѣчалъ, что къ этому склонилъ его императоръ, который далъ ему понять, что послѣ пораженія Галдана сюзеренныя права послѣдняго на Хами должны перейти къ нему, побѣдителю джунгаровъ» (*ib.*, стр. 269).

Считая, что вышеприведенными свидѣтельствами исторіи вполне устанавливается фактъ присоединенія Галданомъ къ владѣніямъ Джунгарскаго царства Хами и Турфана, я рѣшаю дальѣе утверждать, что тогда какъ Хамійское княжество уже въ 1696 г. отдѣлилось отъ Джунгаріи, Турфанъ не переставалъ и въ послѣдующее время нести иго калмыковъ (*ср. Klaproth —*

цевъ¹⁾, послѣ чего, воспользовавшись оплошностью Галдана, напалъ на него врасплохъ (гдѣ—неизвѣстно) и нанесъ ему рѣшительное поражение. Послѣдствіемъ этого удачнаго набѣга было быстрое усиленіе Цэванъ-Рабана. Ему уже незачѣмъ было скрываться въ Турфанѣ. Онъ перешелъ на Бороталу²⁾ и овладѣлъ всей страной на западъ отъ Джунгарскаго Ала-тау. Послѣ поражений, понесенныхъ Галданомъ въ Халхѣ, всѣ земли до Иртыша были уже въ его власти; сторонники Галдана рѣдѣли, и къ 1697 г. фактическимъ

«Abhandlung über die Uiguren», стр. 47 и 51). Заключаю я это изъ того факта, что Цэванъ-Рабанъ предъявилъ хамійскому вану требованіе выслать въ Турфанъ людей, принадлежавшихъ къ свитѣ несчастнаго сына Галдана, противузаконно, будто бы, задержанныхъ имъ въ Хами въ качествѣ плѣнныхъ (ib., стр. 268). См. также карту Унковскаго и текстъ, стр. 191, гдѣ говорится: «войска китайскія шли черезъ пограничный городъ Камыль, который съ Контайшею граничитъ къ городу Турфану»; а также Позднѣва, ib., стр. 259.

Что касается года бѣгства Цэванъ-Рабана въ Турфанъ, то я остановился на 1690 по нижеслѣдующимъ соображеніямъ:

Передавшіеся маньчжурамъ ойраты донесли правительству богдохана, что Сономъ-Рабанъ скоропостижно скончался въ 1688 г.

Въ 1690 г. императоръ Канси, который внимательно слѣдилъ за событіями въ Монголіи, послалъ узнать у «Цэванъ-Рабана, скитавшагося въ изгнаніи, о причинѣ ссоры его съ дядей» (Іакинфъ, op. cit., стр. 73; de Mailla, op. cit., XI, стр. 153).

Первое посольство, отправленное Цэванъ-Рабаномъ, прибыло ко двору въ 1691 г.

Между тѣмъ Позднѣвъ пишетъ (комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 251): «Я могу, какъ мнѣ кажется, указать совершенно точно годъ бѣгства Цэванъ-Рабана изъ Чжунгаріи. Я нашелъ его, читая изданный на маньчжурскомъ языкѣ дневникъ китайскаго посланника Боочжу, командированнаго къ Цэванъ-Рабану въ 1702 г. Боочжу влагаетъ, между прочимъ, въ уста Цэванъ-Рабана слѣдующія слова: «послѣ того, какъ убѣждалъ я отъ Галдана въ лѣто лошади...» Соображая всѣ, какъ предъидущія, такъ и послѣдующія обстоятельства, мы находимъ, что Сэнгэ былъ убитъ, а Галданъ возвратился изъ Тибета въ Зюнгарію въ годъ свиньи — 1671; послѣ этого года свиньи ближайшіе годы лошади падаютъ на 1678 и 1690 года. Но въ 1690 г. мы видимъ Цэванъ-Рабана уже сильнымъ зюнгарскимъ княземъ (ср. съ тѣмъ, что пишетъ о семъ Позднѣвъ ниже, на стр. 253; мѣсто это мнѣ кажется совершенно неяснымъ. Какъ могъ Цэванъ-Рабанъ попасть въ ур. Уланъ-Бутунъ? Въ «Матеріалахъ для исторіи Халхи», стр. 275, положеніе Цэванъ-Рабана въ эту эпоху рисуется изъ слѣдующихъ словъ: «Послѣ поражения Галдана при Уланъ-Бутунѣ (въ 8 лунѣ 1690 г.) Цэванъ-Рабанъ тайкомъ вернулся въ Или, расположилъ свои кочевья на р. Бороталѣ и съ помощью семи своихъ друзей началъ собирать своихъ разсѣявшихся данниковъ». Что же заставило Позднѣва, 4 года спустя, измѣнить свое мнѣніе о «силѣ» Цэванъ-Рабана?) и слѣдовательно бѣжать отъ Галдана онъ могъ только въ 1678 г.». Выводъ этотъ, однако, уже потому ошибоченъ, что въ 1678 г. Цэванъ-Рабану было всего лишь 13 лѣтъ. (Онъ родился въ 1665 г.; Палласъ, op. cit., I, стр. 42). Унковскій же сообщаетъ намъ, что во время покушенія Галдана на жизнь своихъ племянниковъ всѣ три сына Сэнгэ «были уже въ возрастѣ и въ службѣ быть имѣли при дядѣ своемъ начальными людьми, паче же Цаганъ Араптанъ и Соломъ Араптанъ въ службѣ счастье имѣли» (ib., стр. 184).

¹⁾ Послѣдующій ходъ историческихъ событій въ Джунгаріи изложенъ мною такъ, какъ я его себѣ представляю.

²⁾ Такъ какъ Цэванъ-Рабанъ пробылъ въ Турфанѣ лишь весьма короткое время, то понятна и ошибка Унковскаго, заставившаго Цэванъ-Рабана бѣжать изъ Галдановой ставки прямо на Бороталу. Впрочемъ, въ ту же ошибку впали и китайцы. Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» мы читаемъ: «Во время возмущенія Галдана, Цэванъ-Рабанъ перекочевалъ на Боротала» (стр. 137). См. Ком. Позднѣва на сообщ. Унк., стр. 252.

владѣтелемъ Джунгаріи былъ уже не грозный нѣкогда Бошоктуханъ, а его болѣе податливый и ловкій племянникъ ¹⁾).

Войны Галдана совершенно истощили страну ²⁾. Но Цэванъ-Рабтанъ не далъ ей времени оправиться. Едва успѣлъ утвердиться онъ на престолѣ, какъ предпринялъ походъ противъ казаковъ. Чѣмъ окончился этотъ походъ, въ точности намъ неизвѣстно ³⁾, хотя мы и имѣемъ указанія на то, что побѣдителями остались джунгары ⁴⁾.

Въ 1702, а, можетъ быть, и въ 1703 г. ⁵⁾, часть волжскихъ торгоутовъ подъ предводительствомъ Санджи-Чжаба, сына Аюки-хана, возвратилась въ Джунгарію ⁶⁾. Цэванъ-Рабтанъ воспользовался благопріятно слагавшимися для него обстоятельствами, выгналъ Санджи-Чжаба изъ Джунгаріи, подданныхъ же его расселилъ по разнымъ улусамъ ⁷⁾. Китайцы пишутъ, что усилившись такимъ образомъ, Цэванъ-Рабтанъ сталъ надменно сноситься съ пекинскимъ дворомъ. Дѣйствительно, есть основаніе думать, что именно въ это время Цэванъ-Рабтанъ замыслилъ сдѣлаться самостоятельнымъ ханомъ всѣхъ ойратскихъ поколѣній и возстановить сполна прежнія границы Джунгаріи. Извѣстно, что до времени возникновенія войнъ Галдана джунгары занимали своими кочевьями мѣста вплоть до низовьевъ р. Кобдо, далѣе же къ востоку, въ Уланъ-комѣ и урочищахъ по Кэму и Кэмчику жили смѣшанно съ халхасами ⁸⁾; послѣ же пораженія Галдана кочевья халхасовъ раздвинулись далеко на западъ, такъ что заходили на юго-западные склоны Алтая и простирались вплоть до р. Чернаго Иртыша. На эти то земли и предъявилъ свои притязанія Цэванъ, заявивъ маньчжурскому правительству, что мѣста къ востоку отъ р. Или вплоть до Кэми и Кэмчика искони принадлежали джун-

¹⁾ Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить то бѣдственное положеніе, въ какомъ очутился Галданъ послѣ своего пораженія на р. Толъ, а также его бѣгство на сѣверо-западъ, а не на западъ, въ Тарбагатайскія горы или на берега р. Или. Маньчжуры, покоривъ Галдана, овладѣли и всѣми его землями. Ясно, что къ 1697 г. онъ уже не простирался къ западу отъ Урунгу.

²⁾ Позднѣвъ — «Матер. для исторіи Халхи», стр. 275; ком. на сообщ. Унк., стр. 262; Иакинфъ, *op. cit.*, стр. 90.

³⁾ Иакинфъ, *ib.*, стр. 90.

⁴⁾ Позднѣвъ — Ком. на сообщ. Унк., стр. 257; de Mailla, *op. cit.*, XI, стр. 539. Какъ кажется, походъ этотъ открылъ цѣлый рядъ пограничныхъ войнъ съ казаками, успѣхъ коихъ клонился то въ одну сторону, то въ другую (Унковскій, *op. cit.*, стр. 193).

⁵⁾ Позднѣвъ — Ком. на сообщен. Унк., стр. 256; Палласъ, *op. cit.*, стр. 69, событіе это относитъ къ началу 1704 г.

⁶⁾ Торгоуты, какъ кажется, остановились въ долинѣ р. Караталъ. Цэванъ-Рабтанъ обманымъ образомъ захватилъ Санджи-Чжаба въ горахъ Алтынъ-Емель (Унковскій, *op. cit.*, стр. 189).

⁷⁾ Унковскій, *op. cit.*, стр. 189.

⁸⁾ Позднѣвъ — «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 276.

гарамъ и должны быть теперь возвращены имъ. Маньчжуры, получивъ это дерзкое требованіе Цэвана-Рабтана, отвѣтили на него отказомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядились принять соотвѣтствующія мѣры къ обузданію дерзкихъ стремленій властолюбиваго князя.

Мѣры эти сводились, главнымъ образомъ, къ укрѣпленію пограничной линіи въ области Алтая и Иртыша. Но сюда Цэванъ-Рабтанъ и не направилъ своихъ главныхъ силъ. Превосходно знакомые съ характеромъ и особенностями этой страны, его полководцы, располагавшіе ничтожными силами, держались здѣсь особой тактики; не доводя дѣла до рѣшительнаго сраженія, они старались безпокоить маньчжуровъ мелкими стычками, появлялись то здѣсь, то тамъ, и хотя всегда побитые, они, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ успѣхомъ исполняли свое назначеніе—удерживать непріятеля за Иртышомъ¹⁾.

Главное вниманіе Цэванъ-Рабтана обращено было на югъ, въ сторону Тибета и Куку-нора, гдѣ, на пространствѣ отъ Гималаевъ до Ала-шаня, продолжали безгранично властвовать хошоуты.

Въ эту эпоху Тибетъ переживалъ смутное время. Дибя все еще не могъ помириться съ мыслью играть въ Тибетѣ подчиненную роль, навязанную ему еще Гуши-ханомъ²⁾. Интригуя противъ преемниковъ послѣдняго и ихъ покровителей—маньчжуровъ, онъ игралъ въ распряхъ Галдана и Канси видную, но двусмысленную роль. Пораженіе и смерть Галдана поколебали, но не рушили его плановъ. Успѣвъ завлечь въ сѣти своихъ интригъ и Цэванъ-Рабтана, онъ въ то-же время рѣшилъ дѣйствовать за свой рискъ и страхъ, и когда его попытка отравить Лацзанъ-хана³⁾ не удалась, онъ выступилъ противъ него съ войскомъ, но былъ имъ разбитъ и убитъ (1705)⁴⁾.

Лишившись въ лицѣ дибя дѣятельнаго союзника, Цэванъ-Рабтанъ, тѣмъ не менѣе, не оставилъ своего плана овладѣть

¹⁾ De Mailla, op. cit., XI, стр. 540. Къ различнымъ эпизодамъ этой партизанской войны должны мы, безъ сомнѣнія, отнести тѣ побѣды маньчжуровъ и ихъ союзниковъ халхасовъ и хотохойтовъ, о которыхъ такъ много разсказываютъ намъ монгольскія лѣтописи. См. Позднѣевъ, «Матер. для ист. Халхи», стр. 277—285.

²⁾ Хотя Успенскій («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай») и от. Иларіонъ («Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ» въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ») согласно показываютъ, что дибя, погубившій тангутскаго хана Цзанба, продолжалъ заправлять дѣлами въ Тибетѣ и въ началѣ XVIII столѣтія, тѣмъ не менѣе, протекшій шестидесятилѣтній періодъ времени не можетъ не возбудить на этотъ счетъ нѣкоторыхъ сомнѣній.

³⁾ Лацзанъ-ханъ — титуль. Потомки Гуши-хана, правившіе въ Тибетѣ, именовались Лацзанъ-ханами, на Куку-норѣ же и въ Ала-шанѣ—Очирту-ханами (Позднѣевъ — «Мат. для ист. Халхи», стр. 313).

⁴⁾ От. Иларіонъ, op. cit., стр. 467.

кочевьями хошоутовъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился овладѣть Хами и въ 1713 году, подѣ пустымъ предлогомъ, вторгся въ этотъ оазисъ. Въ слѣдующемъ году онъ на голову разбилъ высланную противъ него китайскую армію въ уроч. Отунъ-коза ¹⁾, преслѣдовалъ ее до Хами, взялъ этотъ городъ и подвергъ всю страну полному разоренію ²⁾. Засимъ онъ предпринялъ рядъ вторженій въ предѣлы хошоутскихъ владѣній, однако безъ особеннаго успѣха. Но на ряду съ этимъ онъ задумалъ и привелъ въ исполненіе непримѣрный по своей смѣлости планъ. Расчитывая застать Лацзанъ-хана врасплохъ, онъ въ ноябрѣ 1716 года отправилъ въ Тибетъ отрядъ въ 6,000 человекъ, подѣ предводительствомъ Цэрэна-дундоба, съ приказаніемъ пробраться къ Лхасѣ черезъ Тенгринорскій проходъ. Положительно неизвѣстно, гдѣ шелъ Цэрэнъ со своимъ отрядомъ до Хотанской области; но надо думать, что онъ прошелъ черезъ г. Аксу ³⁾. «Вступивъ затѣмъ въ Хотанскую область, Цэрэнъ уклонился въ горы, чтобы миновать степныя мѣста, гдѣ обиталъ народъ монгольскаго племени; опасаясь, чтобы здѣсь не открыли его отряда и не дали о томъ вѣсти китайскимъ карауламъ ⁴⁾, онъ шелъ только ночью, а днемъ скрывался въ глубокихъ долинахъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ пути отрядъ джунгаровъ долженъ былъ потерпѣть много отъ суроваго времени года, отъ трудныхъ переходовъ черезъ снѣжныя горы, подѣ вліяніемъ сильно разряженнаго воздуха на высокомъ безплодномъ плоскогоріи и отъ недостатка провіанта ⁵⁾. Наконецъ, въ августѣ слѣдующаго года джунгары вышли на Тэнгри-норъ». Сторонникъ Цэванъ-Рабтана, Шандуръ-Чжабъ, открылъ имъ ворота Будалы. Цэрэнъ, вступивши въ столицу Тибета, схватилъ и умертвилъ

¹⁾ Унковскій подробно описываетъ это сраженіе (ib., стр. 191). На всемъ пространствѣ между Хами и Турфаномъ подходящимъ для засады мѣстомъ можетъ быть только котловина Отунъ-коза. Сюда же выходитъ и такъ называемая калмыцкая дорога. Описание ея и всей окрестной мѣстности см. въ I томѣ «Описанія путеш. въ Зап. Китай», стр. 242—243.

²⁾ У Григорьева («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 361) сказано: «Поразивъ китайцевъ, калмыки вслѣдъ затѣмъ овладѣли Турфаномъ и разорили Хами». Откуда почерпнулъ Григорьевъ это свѣдѣніе о Турфанѣ — мнѣ неизвѣстно.

³⁾ Палладій Каааровъ — «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1850, IV, стр. 256. Дальше мы продолжаемъ его словами.

⁴⁾ Передовой постъ китайцевъ стоялъ въ ур. Гасъ. См. Примѣчанія къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 475; ср. Успенскій, op. cit., стр. 93.

⁵⁾ Путь, пройденный Цэрэномъ, настолько труденъ, пишутъ китайцы, что имъ очень рѣдко пользуются; торговые караваны, идущіе изъ Яркенда въ Тибетъ, избираютъ кружный путь черезъ Ладакъ. См. «Цзинь-динъ-синь-цзянь-чжи-лио» въ переводѣ St. Julien'a («Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 246).

Лацзанъ-хана, послѣ чего, овладѣвъ всей страной, двинулся на сѣверъ, къ Куку-нору, избивая всюду родственниковъ Лацзановыхъ. Разгромъ хошоутскихъ улусовъ продолжался въ теченіе всего слѣдующаго и начала 1719 года. Но въ этомъ году Цэрэнъ былъ отовсюду окруженъ хошоутскими и маньчжурскими войсками, которыя надвигались на него тремя дорогами, изъ Алтая, изъ Синина, и изъ Да-цзянь-лу, черезъ Литанъ; разбитый, тѣснимый отовсюду врагами, Цэрэнъ съ остатками своего отряда долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и прежнею дорогою вернуться въ Джунгарію. Тибетъ остался во власти маньчжуровъ. Такъ безрезультатно окончился походъ, подобнаго которому не знаетъ исторія Средней Азіи.

Не менѣе крупную неудачу потерпѣлъ Цэванъ-Рабтанъ и въ Джунгаріи. Въ 1719 г. онъ лишился княжествъ Хами и Турфана, а въ 1720 г. долженъ былъ допустить переходъ императорскихъ войскъ и на сѣверные склоны Тянь-шаня ¹⁾. Это послѣднее обстоятельство заставило Цэванъ-Рабтана покориться и просить мира, по заключеніи котораго, Канси вывелъ свои войска изъ Джунгаріи, оставивъ, однако, сильные гарнизоны въ Турфанѣ, Хами и Баркулѣ ²⁾. Такіе же гарнизоны были поставлены и къ западу отъ Цзя-юй-гуаня, причемъ изъ этихъ земель образованъ былъ военный округъ Чи-цзинь, въ 1726 г., вмѣстѣ съ его расширеніемъ, переименованный въ Цзинь-ни-тинъ.

Въ 1722 г. императоръ Канси скончался. Этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться внукъ Гуши-хана Лубцзанъ-даньцзинь для того, чтобы устранить вліяніе Китая на дѣла Тибета и Куку-нора. Положившись на поддержку Цэванъ-Рабтана и ламы Цаганъ-Номинъ-хана, пользовавшагося неограниченнымъ вліяніемъ среди тангутовъ, онъ собралъ сеймъ, на которомъ и предложилъ свергнуть иго маньчжуровъ. Но предложеніе это встрѣчено было далеко не сочувственно: не многіе изъ князей приняли его сторону. Тогда Лубцзанъ неожиданно напалъ на остальныхъ и, поразивъ ихъ, заставилъ бѣжать въ предѣлы Китая. Одновременно до 200 тысячъ тангутовъ вторглись въ Сининскую область, предавая все на пути

¹⁾ Позднѣвъ — «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 288. Баркульская долина, впрочемъ, еще въ 1715 г. была занята маньчжурскими войсками. См. Примѣчанія къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 481.

²⁾ У Позднѣва, *ib.*, стр. 288, сказано: «Канси оставилъ гарнизоны въ Урумчи, въ Баркулѣ и въ Хами». Но далѣе (стр. 338) у того же автора читаемъ: «Чтобы раздѣлить силы противниковъ, Юэ-чжунъ-ци командировалъ Цзи-чэнъ-биня напасть на Урумчи, но элюты сами оставили этотъ городъ и еще прежде ушли изъ него неизвѣстно куда».

огню и мечу. Положеніе стало серьезнымъ. Но маньчжурскія власти не растерялись и цѣлымъ рядомъ рѣшительныхъ мѣръ быстро подавили мятежъ. Лубцзань, будучи неоднократно разбитъ, бѣжалъ въ Джунгарію, гдѣ и нашель пріютъ у Цэвана-Работана.

Это возстаніе дало поводъ маньчжурамъ реформировать самоуправленіе кукунорскихъ монголовъ, раздѣливъ ихъ по числу родовъ на знамена и отдѣливъ отъ хошоутовъ (21 знамя), торгоутовъ (4 знамени), хойтовъ (1 знамя), чоросовъ (2 знамени) и халхасовъ (1 знамя). Одновременно отъ Тибета отняты были округа Батанъ и Литанъ и въ Лхассу посланы были китайскіе чиновники и гарнизонъ. Засимъ въ 1726 г. для всѣхъ 48 родовъ фаней (тангутовъ) учреждены были управленія въ городахъ Гуйдэ-тинъ и Сюнь-хуа-тинъ. Всѣми этими мѣрами маньчжуры добились установленія болѣе устойчиваго положенія дѣлъ въ Тибетѣ и Куку-норѣ. Лишенные одинаго главы, ойраты уже не въ силахъ были организовать сколько нибудь серьезнаго возстанія; послѣднія повторялись все рѣже и рѣже; народъ быстро терялъ свою воинственность и, наконецъ, погрузился въ сонъ и апатію, которые и привели его мало-по-малу въ состояніе, которое даже китайцами признано было жалкимъ. Такъ, шэнь-гань-цзунь-ду На-янь-ченъ въ 1822 г. доносилъ: «Монголы большею частью разбѣжались и кочуютъ вблизи китайскихъ лагерей и пикетовъ; другіе поселились вблизи городовъ, ища защиты. Особенно много ихъ бродитъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Сининъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Да-тунъ¹⁾, и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню. Бѣдность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее состраданіе; собрать ихъ и водворить среди нихъ какой-либо порядокъ нѣтъ никакой возможности. Земли къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ на нѣсколько тысячъ ли совершенно опустѣли и по нимъ всюду и свободно разгуливаютъ степные (ѳ) фани, переселившіеся съ южнаго берега Желтой рѣки, собираясь толпами и производя грабежи»²⁾.

Желтая рѣка была положена сѣверной границей тангутскихъ земель въ 1726 г. На лѣвый ея берегъ фани перешли въ 1796 г.; съ этихъ же поръ стремленіе ихъ къ Куку-нору не прекращалось, и въ настоящее время, не смотря на принимавшіяся противъ нихъ

¹⁾ Въ настоящее время здѣсь кочуетъ только нѣсколько семействъ монголовъ. Мы ихъ встрѣтили ниже пикета Пый-фу-хуръ.

²⁾ Успенскій, *op. cit.*, стр. 185.

репрессивныя мѣры, они вытѣснили монголовъ даже изъ ближайшихъ окрестностей озера ¹⁾).

Въ 1723 г. одинъ изъ сыновей Цэванъ-Рабтана, Шуно-Даба, побѣдоносно закончилъ войну съ казаками, отнявъ у нихъ города Сайрамъ и Ташкентъ ²⁾), а четыре года спустя Цэванъ-Рабтанъ скончался, передавъ престолъ сыну своему Галданъ-Цэрэну, при которомъ война между маньчжурами и ойратами возобновилась.

Поводъ къ этой новой войнѣ подали сами джунгары своими разбойничьими набѣгами на предѣлы Китая ³⁾).

Въ 1729 г. императоръ Юнъ-чжэнъ двинулъ противъ нихъ двѣ арміи: одна изъ нихъ должна была оперировать въ Тянь-шанѣ, другая въ Алтаѣ; одновременно были усилены гарнизоны въ Гуй-хуа-ченѣ и на оз. Гасъ ⁴⁾).

Первое столкновение соединенныхъ силъ маньчжуровъ и монголовъ Халхи съ джунгарами окончилось побѣдой послѣднихъ. Полководцы Галданъ-Цэрэна — старшій и младшій Цэрэнъ-дундобы ⁵⁾), нанесли цзянь-цзюню Фурданю жестокое поражение при озерѣ Даинъ-голѣ ⁶⁾), послѣ чего, минуя только что основанный китайскій городъ Кобдо ⁷⁾), вторглись въ Халху. Послѣдовавшее здѣсь раздѣленіе силъ погубило джунгаровъ. Ихъ отряды во всѣхъ послѣдующихъ стычкахъ съ халхасами были разбиты и съ большимъ урономъ должны были отступить обратно въ Джунгарію.

Въ отместку за это поражение Галданъ-Цэрэнъ двинулъ противъ халхасцевъ огромную армію, которая въ слѣдующемъ 1732 г.,

¹⁾ Еще Пржевальскій («Четвертое путешествіе», стр. 130) писалъ: «По пути, какъ и ранѣе при слѣдованіи къ устью р. Балема, намъ часто попадались стойбища тангутовъ, рѣже монголовъ. Первые сильно тѣснятъ послѣднихъ и съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе хозяевами Куку-нора». Мы же, въ 1890 году, обогнувъ озеро, нигдѣ больше монголовъ не встрѣтили.

²⁾ Унковскій, *op. cit.*, стр. 193. Палласъ, *op. cit.*, стр. 43, называетъ Шуно-Даба Лузангъ-Шуну. Левшинъ («Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей», II, стр. 69) ошибочно приписываетъ этотъ походъ Галданъ-Цэрэну, причемъ, ссылаясь на донесенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ Рычкова и Неплюева, говоритъ, что сверхъ упомянутыхъ городовъ былъ взятъ джунгарами еще и г. Турфанъ. Балкашинъ же пишетъ, что въ этомъ году джунгары покорили не только Большую орду и часть Средней, но и Западный Туркестанъ («Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 42).

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ 1729 г. джунгары слѣлали нападеніе на карауль, стоявшій въ ур. Гасъ. Успенскій, *op. cit.*, стр. 183.

⁴⁾ Прим. къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 475.

⁵⁾ Цэрэнъ-дундобъ старшій былъ полководцемъ Цэванъ-Рабтана. Это онъ совершилъ безпримѣрный переходъ съ войскомъ черезъ пустынное, высокое плоскогоріе Хачи и завоевалъ Тибетъ.

⁶⁾ Иначе Хотунъ-хурха-норъ, лежитъ въ верховьяхъ р. Кобдо.

⁷⁾ Городъ Кобдо основанъ былъ въ 4 лунѣ 1731 года. См. Позднѣвъ, «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 335.

подъ его личнымъ предводительствомъ, перешла Черный Иртышъ и вторглась въ Халху. Грабя встрѣчныя кочевья, джунгары добрались до р. Орхона, но здѣсь ихъ настигъ халхаскій князь эфу Цэрэнъ, который и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе ¹⁾. Преслѣдуя ихъ по пятамъ, эфу Цэрэнъ вторично разбилъ Галданъ-Цэрэна при Эрдэни-цзу, гдѣ потоплено было и убито джунгаровъ до 3 тысячъ человѣкъ. За всѣмъ тѣмъ, благодаря бездѣятельности маньчжурскихъ генераловъ, стоявшихъ лагеремъ на р. Байдарикъ и у крѣпости Ха-линь, Галданъ-Цэрэнъ удалось спасти остатки своей арміи и сравнительно безъ особенно большихъ потерь добраться до р. Биджи, лежавшей уже въ джунгарскихъ предѣлахъ. Не смотря на столь чувствительныя пораженія, миръ, заключенный въ 1735 году ²⁾ съ пекинскимъ правительствомъ, оказался для Галданъ-Цэрэна очень выгоднымъ: онъ получилъ обратно Турфанъ и земли между Урунгу и гребнемъ Алтая ³⁾.

Вызванное войною съ Китаемъ отвлеченіе значительныхъ силъ отъ западной границы государства соблазнило казаковъ, которые, воспользовавшись временнымъ ослабленіемъ Галдана, рѣшились отвоевать у него свои земли. Хотя они и успѣли въ этомъ ⁴⁾, но торжество ихъ было непродолжительнымъ: уже около 1738 г. ⁵⁾ Галданъ-Цэрэнъ напалъ на Большую орду, разгромилъ ее и покорилъ ⁶⁾; засимъ въ 1741 г. онъ предпринялъ противъ казаковъ

¹⁾ При Кэрсэнь-чилуту («Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 410).

²⁾ Въ періодъ времени между 1732 и 1735 годами маньчжуры не переставали дѣятельно укрѣплять границу. Съ этою цѣлью былъ, между прочимъ, построенъ въ 1733 г. городъ Уляс-сутай (Прим. къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 374), и гор. Баркуль соединенъ колеснымъ путемъ, черезъ пер. Кошегы-дабанъ, съ гор. Хами. См. «Цзинь-динъ-синь-цзянь-чжи-лю», въ перев. St. Julien'a («Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 239).

³⁾ Граница направлялась вверхъ по Кэмчику до Алтая, засимъ по гребню Алтая, примѣрно, до верховій Урунгу; отсюда сворачивала на югъ, проходила между горами Байтыкъ-Богдо и Хабтыкъ-Богдо, шла далѣе по перевалу Уланъ-усу, восточной окраиной турфанскихъ оазисовъ на Лобъ-норъ и упиралась въ ур. Гасъ (см. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 442; Позднѣвъ — «Матер. для исторіи Халхи», стр. 92). Такимъ образомъ, Турфанъ вновь отошелъ къ Джунгаріи; китайцы же оставили свои гарнизоны лишь въ Хами и Баркулѣ (Позднѣвъ, *ib.*, стр. 365). Ср. Іакинфъ, *op. cit.*, стр. 101, который ошибочно отнесъ заключеніе мирнаго договора къ 1739 г. и къ тому же писалъ, что послѣдній заключенъ къ невыгодѣ Галданъ-Цэрэна.

Надо думать, что китайцы потому такъ легко разстались съ Турфаномъ, что въ это время онъ представлялъ уже безлюдную область, такъ какъ еще въ 1732 году населеніе его, имѣя во главѣ своего князя Эмина-ходжу, бѣжало отъ жестокостей джунгаровъ въ Са-чжоу. Обратнo на родину турфанцы вернулись въ 1755 году (Klaproth—«Abhandlung über die Uiguren», стр. 47 и 51; Ab. Rémusat—«Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale», стр. 66; Іакинфъ — «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 112).

⁴⁾ Левшинъ — «Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ и степей», II, стр. 71.

⁵⁾ Годъ перваго похода Галданъ-Цэрэна противъ казаковъ въ точности неизвѣстенъ.

⁶⁾ Левшинъ, *op. cit.*, стр. 79.

новый походъ и, предавая все огню и мечу, достигъ рѣки Ори ¹⁾. Послѣдующіе четыре года жизни Галданъ-Цэрэна Джунгарія пользовалась полнымъ спокойствіемъ, послѣ же его смерти стала очагомъ междоусобій, которыя и подготовили быстрое паденіе этого царства.

Его преемникъ Цэванъ-Дорчжи-Ачжанъ былъ убитъ ²⁾ въ 1750 г. старшимъ братомъ своимъ Ламой-Дарчжи ³⁾, который съ титуломъ Эрдэни-лама-Батуръ-хунъ-тайши и принялъ власть въ свои руки. Уже будучи ханомъ, онъ умертвилъ втораго брата своего Цэвана-Даши и Даву, сына младшаго Цэрэнъ-дундоба, чѣмъ, однако, не устранилъ всѣхъ своихъ соперниковъ на джунгарскій престолъ. Противъ него выступилъ Даваци, внукъ Цэрэнъ-дундоба старшаго, за спиной котораго орудовалъ столь извѣстный впослѣдствіи Амурсана. Лама-Дарчжи былъ убитъ, и Даваци провозгласилъ себя ханомъ. Но съ его воцареніемъ смуты въ Джунгаріи не прекратились. Противъ него поднялъ оружіе тайши Номохонъ-Цзиргалъ, который принудилъ его бѣжать къ Амурсанѣ. Однако и торжество Номохонъ-Цзиргала было непродолжительно. Онъ былъ схваченъ Амурсаной и казненъ. Даваци снова вернулся на р. Или. Боясь, однако, все возрастающаго могущества Амурсаны, который сталъ явно стремиться къ захвату ханской власти, онъ порѣшилъ заблаговременно съ нимъ покончить. Но Амурсана ушелъ на Иртышъ.

Амурсана хотя и приходился Галданъ-Цэрэну внучатымъ племянникомъ, но такъ какъ былъ хойтомъ по происхожденію, то и не могъ найти поддержки своимъ притязаніямъ среди чоросскихъ родовичей. Отчаявшись составить себѣ среди этихъ послѣднихъ сильную партію, онъ рѣшился передаться китайцамъ, дабы съ ихъ помощью достигъ желанной цѣли—верховной власти въ Джунгаріи. Но Цянь-лунъ разгадалъ его замыслы и если и помогъ ему свергнуть Даваци ⁴⁾, то вовсе не для того, чтобы передать затѣмъ власть въ его руки. Согласно его инструкціямъ, маньчжурскіе генералы остались въ странѣ въ роли правителей, предоставивъ Амур-

¹⁾ Иакинфъ «Ист. обозр. ойратовъ», стр. 102. Левшинъ, *op. cit.*, стр. 148. У Палласа, *op. cit.*, стр. 4, событіе это отнесено къ 1742 г.

²⁾ Иакинфъ — «Ист. обозр. ойратовъ», стр. 106; de Mailla, *op. cit.*, стр. 545. Палласъ, *op. cit.*, стр. 44, пишетъ, что Цэванъ-Дорчжи-Ачжакъ былъ не убитъ, а только ослѣпленъ и сосланъ на житье въ одинъ изъ городовъ Восточнаго Туркестана.

³⁾ Лама-Дарчжи былъ сыномъ наложницы.

⁴⁾ Послѣ неудачнаго сраженія Даваци бѣжалъ черезъ перев. Музь-артъ въ Учъ-Турфанъ гдѣ и былъ схваченъ желавшимъ выслужиться передъ маньчжурами правителемъ (хакимъ-бекомъ) города. вмѣстѣ съ Даваци былъ схваченъ и Лубцанъ-Даньцинъ. Оба были затѣмъ препровождены въ клѣткахъ въ Пекинъ.

санѣ лишь право титуловаться хошуннымъ правителемъ и помощникомъ илійскаго цзянь-цзюня.

Такимъ образомъ надежды Амурсаны рушились. Но это былъ не такой человекъ, чтобы примириться съ постигшей его неудачей. Онъ поднялъ возстаніе и на первыхъ порахъ имѣлъ успѣхъ: два маньчжурскихъ генерала, видя себя не въ силахъ сопротивляться, отравились, третій бѣжалъ въ Баркуль. Такимъ образомъ вся Джунгарія вновь очутилась во власти калмыковъ, но не на долго, такъ какъ уже въ началѣ слѣдующаго 1756 года подоспѣвшія новыя силы маньчжуровъ быстро и почти безъ сопротивленія прошли всю Джунгарію и вступили въ долину р. Или¹⁾. Амурсана бѣжалъ къ казакамъ.

Но маньчжуры не успѣли еще утвердиться въ странѣ, какъ новыя волненія среди калмыковъ, вспыхнувшія одновременно съ возстаніемъ въ Халхѣ, поставили ихъ въ крайне опасное положеніе. Почти всѣ ихъ отряды были или истреблены или разсѣяны. На ихъ счастье, однако, среди калмыковъ не было никакого единомышленника. Чжана-Гарбу убилъ своего дядю, хана чоросскаго Галцзана Дорцзи, и овладѣлъ его кочевьями; въ свою очередь онъ былъ умерщвленъ Галданомъ Дорчжи. Но и Галдана Дорчжи незамедлила постигнуть та же участь. Онъ былъ схваченъ и казненъ тайши Даву, который и поспѣшилъ переслать его голову Императору Цянь-луну²⁾. Съ своей стороны Амурсана, вернувшійся въ Джунгарію, пользуясь раздорами среди чоросскихъ князей, сталъ собирать вокругъ себя своихъ приверженцевъ и, достаточно усилившись, готовился уже объявить себя ханомъ, какъ ему противу-сталъ со своими свѣжими силами генералъ Чжао-хой.

Чжао-хой былъ единственнымъ изъ маньчжурскихъ генераловъ, который не потерялся среди волненій и беспорядковъ, охватившихъ Джунгарію, и сумѣлъ безъ потерь отступить съ р. Джиргалана³⁾ на соединеніе съ высланными къ нему свѣжими подкрѣпленіями. Мѣсто его встрѣчи съ Амурсаной въ точности неизвѣстно⁴⁾; но послѣдній, узнавъ о приближеніи императорскихъ войскъ, не довелъ

¹⁾ Въ «Дай-цинъ-и-гунъ-чжи» сказано: «Генералъ Цэрэнъ преслѣдовалъ Амурсану до Талкинскаго перевала» (перев. St. Julien'a въ «Journal Asiatique», 1846, VIII, 4 série, стр. 389).

²⁾ De Mailla, op. cit., XI, стр. 566.

³⁾ Вѣроятно, здѣсь говорится не о мѣстности къ востоку отъ Кульчи, а о правомъ притокѣ Текеса, гдѣ находилась лѣтняя резиденція чоросскихъ хановъ.

⁴⁾ Іакинфъ, op. cit., стр. 123, говоритъ только, что Амурсана соединился съ прочими князьями на Бороталѣ. Во всякомъ случаѣ, встрѣча его съ Чжао-хоемъ не могла произойти далеко отсюда. Ср. de Mailla, op. cit., XI, стр. 556.

даже дѣла до столкновенія. Онъ бѣжалъ сначала къ казакамъ, а затѣмъ, преслѣдуемый Фудэ по пятамъ, и боясь измѣны, въ Россію. Здѣсь онъ заболѣлъ оспой, отъ которой и умеръ.

Между тѣмъ генералы Чжао-хой и Фудэ продолжали свои завоеванія въ Притяньшаньѣ, причемъ Фудэ прошелъ до крайнихъ западныхъ предѣловъ Джунгаріи, т. е. до Сайрама и Ташкента ¹⁾. Въ слѣдующемъ же году (1758) эти генералы привели въ исполненіе «планъ, достойный твердой политики китайскаго кабинета» ²⁾, т. е. произвели поголовное избіеніе джунгарскаго народа на всемъ пространствѣ между Сайрамомъ ³⁾ и ур. Боробогосунъ ⁴⁾. Одновременно избивались калмыки и далѣе, къ востоку, въ южной Джунгаріи ⁵⁾. Эта безчеловѣчная мѣра навела ужасъ на все калмыцкое населеніе Притяньшанья. Несчастные, избѣгая неволи ⁶⁾ и смерти, искали убѣжища у своихъ заклятыхъ враговъ—у казаковъ, киргизовъ, въ городахъ Восточнаго Туркестана; нѣкоторые, боясь и тутъ быть застигнутыми неумолимыми преслѣдователями, бѣжали еще дальше, въ Тибетъ. Десять тысячъ семействъ ушло въ предѣлы Россіи ⁷⁾. Такимъ образомъ сокрушено было могущество джунгаровъ. Ихъ царство пало и земли ихъ вошли въ границы китайской державы, причемъ, для закрѣпленія за послѣдней новыхъ владѣній, въ занятомъ краѣ былъ построенъ рядъ укрѣпленій и городовъ ⁸⁾, въ коихъ и размѣщены гарнизономъ знаменныя войска.

¹⁾ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», I, стр. 89.

²⁾ Слова Иакинфа, *op. cit.*, стр. 124.

³⁾ Иакинфъ, *op. cit.*, стр. 125, думаетъ, что Фудэ шелъ, избивая джунгаровъ, отъ оз. Сайрамъ-нора, а не отъ города Сайрама; но такое предположеніе невѣроятно уже потому, что между Сайрамъ-норомъ и Боробогосуномъ могло кочевать всего лишь нѣсколько десятковъ семействъ чоросовъ, а не весь джунгарскій народъ; что джунгары въ XVIII в. кочевали въ западныхъ отрогахъ Александровскаго хребта и въ горахъ Кара-тау, видно изъ слѣдующаго мѣста «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи»: «Таласъ лежитъ къ западу отъ Или. Прежде (*anciennement*) здѣсь пасли свои стада джунгары и дурбѣты» («Journal Asiatique», 4 série, VIII, стр. 403). См. также Балкашинъ, «Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 42.

⁴⁾ «Они обыскали всѣ мѣста, куда только беззащитные старики, женщины и дѣти могли укрыться въ сію несчастную для нихъ годину и до одинаго человѣка предали острію меча» Иакинфъ, *op. cit.*, стр. 125. См. также de Mailla, *op. cit.*, XI, стр. 559.

При этомъ, говорятъ, погибло до милліона народа.

⁵⁾ De Mailla, *op. cit.*, XI, стр. 561.

⁶⁾ «Les restes furent distribués aux Mantchéoux et aux Mangous, qui en firent leurs esclaves». De Mailla, *ib.*

⁷⁾ Иакинфъ, *op. cit.*, стр. 126 и 229; Левшинъ, *op. cit.*, стр. 250; у de Mailla сказано, что 20 тыс. семействъ калмыковъ бѣжало въ Россію (*ib.*).

⁸⁾ Въ 1672 г. основаны были города Суйдунъ (Суй-динъ-чэнъ) и Кульчжа (Нинъ-юанъ-чэнъ); въ 1764 г. Новая Кульчжа (Хой-юанъ-чэнъ), въ послѣдствіи (въ 60-хъ годахъ XIX ст., см. т. I, гл. I) разрушенная дунганами; въ 1765 году на мѣстѣ нынѣшняго Урумчи построенъ былъ импанъ, въ 1773 г. перестроенный и сдѣланный окружнымъ городомъ (Ди-хуа-чжоу); въ томъ же году построены укрѣпленія Цитай (преобразовано въ уѣздный городъ въ 1776 г.) и Фуқанъ

Одновременно киргизамъ и казакамъ, признавшимъ китайское подданство ¹⁾, было дозволено занимать опустѣвшія калмыцкія земли ²⁾.

Послѣ завоеванія Джунгаріи Кашгарія наследственно должна была сдѣлаться достояніемъ маньчжуровъ. Но въ это время тамъ разыгрались событія, которыя вынудили Цянь-луна оружіемъ подчинить себѣ эту страну.

Даніель-ходжа оставался въ почетномъ плѣну у калмыковъ до 1720 г., когда Цэванъ-Рабтанъ не только возвратилъ ему свободу, но и ввѣрилъ его управленію всю Кашгарію. Послѣ смерти же Даніеля страна эта раздѣлена была на четыре удѣла: Яркендъ, Кашгаръ, Аксу и Хотанъ, правителями коихъ поставлены были его сыновья. Одинъ изъ послѣднихъ, Юсуфъ-ходжа кашгарскій, воспользовавшись смутами въ Джунгаріи, свергнулъ въ 1754 г. калмыцкое иго, успѣвъ вовлечь въ свои замыслы и остальныхъ князей Алтышара. Такимъ образомъ, когда маньчжуры овладѣли Джунгаріей, Кашгарія уже не входила въ составъ земель, подвластныхъ ханамъ Чоросскимъ.

Первыя попытки китайцевъ овладѣть Восточнымъ Туркестаномъ относятся къ 1755 г. Въ то время въ горахъ Эрень-Хабирга жили въ изгнаніи два сына помянутаго выше Ахмеда-ходжи. Старшимъ изъ нихъ, Бурханъ-эд-Диномъ, и рѣшилъ воспользоваться Цянь-лунъ для своихъ цѣлей.

Когда по Кашгаріи разнеслась вѣсть, что Бурханъ-эд-Динъ выступилъ къ Аксу во главѣ соединенныхъ силъ маньчжуровъ и калмыковъ, приверженцы бѣлогорской партіи стали стекаться къ нему въ огромномъ числѣ. Онъ безъ сопротивленія овладѣлъ Аксу

(преобразовано въ уѣздный городъ, равнымъ образомъ, въ 1776 г.); въ 1766 г. Чугучакъ («Мэнь-гу-ю-му-цзи», примѣчанія, стр. 452; у Матусовскаго — «Географическое обозрѣніе Китайской имперіи», стр. 317, основаніе этого города отнесено къ 1758 г.); въ 1772 г. Гу-чэнь; въ 1776 г. Манась (Суй-лай) и, наконецъ, въ 1781 г. — Куръ-кара-усу. См. «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 465—467, 484—486; Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVI и 99; Матусовскій «Географич. обзоръ Китайской имперіи»; «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», переводъ St. Julien, въ «Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 391—392.

¹⁾ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», стр. 110, 113, 116; то же сочин. въ перев. St. Julien'a, въ «Journal Asiatique», 1846, 4 série, VIII, стр. 409; Іакинфъ «Опис. Чжунг. и Вост. Турк.», стр. 144.

²⁾ Левшинъ, *op. cit.*, стр. 83. Пользуясь беспорядками въ Джунгаріи, казацкій ханъ Аблай уже въ 1755 г. овладѣлъ частью калмыцкихъ земель («Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», I, стр. 99). Къ исходу XVIII столѣтія казаки заняли уже Тарбагатай и долины Зайсана и Чернаго Иртыша («Синь-цзянь-чжи-лю» въ перев. St. Julien'a въ «Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 236); въ началѣ XIX в. Путимцевъ нашелъ кочевья казацкихъ родовъ (кара-киреевъ, кызаевъ, байджигитовъ, наймановъ и др.) южнѣ Тарбагатая, въ горахъ Барлыкскихъ и у южной оконечности оз. Ала-куля. Нынѣ кызаи занимаютъ всю западную часть хр. Боро-хоро до меридіана Джинъ-хо.

и Учъ-Турфаномъ, разбилъ здѣсь, съ помощью передавшихся ему киргизовъ и кашгарцевъ, яркендское ополченіе и, преслѣдуя черногорскихъ ходжей по пятамъ, подступилъ къ Кашгару. Юсуфъ-ходжа незадолго передъ тѣмъ умеръ и кашгарцы, бывшіе всегда приверженцами бѣлогорскихъ ходжей, съ радостью отворили передъ побѣдителями городскія ворота.

Бурханъ-эд-Динъ не надолго задержался въ Кашгарѣ. Не давая черногорцамъ времени оправиться отъ пораженія, онъ двинулся противъ нихъ со всѣми своими силами и осадилъ Яркендъ. Благодаря измѣнѣ, городъ былъ вскорѣ взятъ. Ходжи черногорской партіи бѣжали, но были настигнуты, захвачены въ плѣнъ и казнены¹⁾. Такимъ кровавымъ путемъ удалось, наконецъ, Бурханъ-эд-Дину возстановить единодержавіе въ Алтышарѣ. Но его угнетало сознание своей зависимости отъ маньчжуровъ. Проведя всю свою молодость въ плѣну, испытавъ гнетъ и всевозможныя униженія и достигнувъ теперь свободы и власти, онъ желалъ уже пользоваться ими неограниченно. Таковы были причины перваго бунта кашгарцевъ. Но Бурханъ-эд-Динъ плохо разсчиталъ свои силы. Послѣ незначительнаго, одержаннаго имъ, успѣха онъ былъ разбитъ въ нѣсколькихъ стычкахъ знаменитыми китайскими полководцами Чжао-хоемъ и Фудэ и, сдавая городъ за городомъ, долженъ былъ, наконецъ, искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ бѣжалъ въ Бадакшанъ, но тамъ былъ убитъ мѣстнымъ владѣтелемъ. Такимъ образомъ къ 1759 году маньчжуры стали обладателями всѣхъ земель до Памира, Иссыкъ-куля²⁾ и Бухтармы³⁾, гдѣ владѣнія ихъ и сошлись съ пограничною сибирскою областью Россіи.

Но и далеко за предѣлами этой пограничной линіи народы другъ передъ другомъ спѣшили склониться передъ могущественнымъ Цянь-луномъ. Въ числѣ добровольно покорившимся маньчжурамъ были, между прочимъ, и ханы кокандскіе⁴⁾.

Не довольствуясь этими завоеваніями, Цянь-лунъ въ 1762 г. сталъ готовиться къ походу на Сайрамъ, Ташкентъ и Самаркандъ, но походу этому не суждено было осуществиться. Слухи о дѣлаемыхъ приготовленіяхъ встревожили весь мусульманскій міръ и побудили казацкихъ султановъ и кокандскаго и уратюбинскаго биевъ

¹⁾ Спасся бѣгствомъ въ Индію только сынъ Юсуфа — Назаръ-ходжа.

²⁾ Валихановъ, *op. cit.*, стр. 49. Бассейнъ Нарына былъ отнятъ у китайцевъ кокандцами въ 1831 г.; въ слѣдующемъ же году на Нарынѣ было выстроено кокандцами укр. Куртка.

³⁾ Балкашинъ — «Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 45.

⁴⁾ Ирдана-бій, умершій въ 1778 г., и наслѣдовавшій ему послѣ 3-мѣсячнаго перерыва Нарбута-бій.

просить помощи у могущественнаго кандагарскаго владѣтеля Ахмедъ-шаха. Послѣдній не остался глухимъ къ этой просьбѣ и, несмотря на свою войну съ сейками, выслалъ въ 1763 г. вспомогательный отрядъ на защиту Ташкента. Обстоятельство это заставило Цяньлуна пріостановить отправку войскъ на западъ, а вскорѣ затѣмъ его вниманіе отвлекли безпорядки въ Кашгаріи.

Въ 1765 г. населеніе Учъ-Турфана возстало; броженіе умовъ стало явно обнаруживаться въ Аксу и Яркендѣ. Но китайцы не дали ему разыгратъ; своевременно двинувъ войска, они приступомъ взяли Учъ-Турфанъ и, вырѣзавъ поголовно все его населеніе, этой жестокой расправой навели такой ужасъ на все населеніе Восточнаго Туркестана, что послѣднее въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти послѣдующихъ лѣтъ уже не осмѣливалось посягать на сверженіе китайскаго ига ¹⁾).

Послѣ завоеванія Алтышара китайцами, тамъ уже не оставалось лицъ изъ владѣтельныхъ фамилій. Джагатаидовъ смѣнили ходжи; эти же послѣдніе частью пали въ междоусобной борьбѣ, частью были истреблены китайцами. Изъ потомковъ Аппака-ходжи уцѣлѣлъ только малолѣтній сынъ Бурханъ-эд-Дина Сарымсакъ, заблаговременно увезенный въ Западный Туркестанъ,—обстоятельство, имѣвшее огромное значеніе для дальнѣйшей исторической судьбы Кашгаріи.

Китайцы, сдѣлавшись обладателями Восточнаго Туркестана, внесли мало существенныхъ измѣненій въ административное устройство края. Стала лишь еще болѣе, чѣмъ прежде, чувствоваться децентрализація власти. Каждый изъ городовъ Восточнаго Туркестана: Хотанъ, Яркендъ, Янги-Гиссаръ, Кашгаръ, Учъ-Турфанъ, Аксу и

¹⁾ За этотъ промежутокъ времени изъ событій, имѣвшихъ отношеніе къ интересующей насъ части Средней Азіи, слѣдуетъ упомянуть объ обратномъ переселеніи волжскихъ калмыковъ въ Джунгарію. Они были разселены по Тянь-шаню (въ долинѣ р. Хайду-гола, на Юлдусахъ и въ горахъ отсюда къ сѣверу, востоку и западу, гдѣ они стали граничить съ кочевьями сюда же, незадолго передъ симъ, переселенныхъ чахаровъ; въ долинѣ р. Джиргалты и въ горахъ Борохоро, на востокъ до р. Кійтына; въ долинѣ р. Джинъ-хо и въ ур. Тойли), по Тарбагатаю (въ долинѣ р. Кобукъ) и отсюда на востокъ до кочевій алтайскихъ урянхайцевъ, по Джаиру и, наконецъ, по Алтаю (по р. Булгуну).

Съ небольшими измѣненіями въ размѣщеніи кочевій, вызванными, главнымъ образомъ, дунганскимъ возстаніемъ 1863—1873 гг., торгоуты и до настоящаго времени занимаютъ вышепоименованныя урочища (см. «Опис. пут. въ З. Кит.» т. I; Матусовскій — «Геогр. обзоръ Китайск. импер.», Костенко — «Чжунгарія» въ «Сборникѣ географическ., топографическ. и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», вып. XXVIII). Сверхъ того торгоуты кочуютъ еще и по Эцзинъ-голу. Изъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ объ этихъ торгоутахъ можно сказать лишь слѣдующее. Въ 1705 г. Рабчжуръ, родственникъ Аюки-хана, въ сопровожденіи свиты изъ 500 человекъ, отправился въ Тибетъ на богомолье; на обратномъ пути онъ былъ задержанъ (по распоряженію императора Канси) и поселенъ въ пустынь Сыртынъ; впослѣдствіи же, а именно въ 1731 г., потомуки этихъ торгоутовъ переведены были въ долину р. Эцзинъ-гола.

Куча получили отдѣльное управленіе, во главѣ коего поставленъ былъ хакимъ-бекъ, непосредственно подчинявшійся лишь китайскимъ властямъ ¹⁾. За всѣмъ тѣмъ туземное населеніе съ ненавистью взирало на господство китайцевъ. Главными причинами тому были: высокомеріе послѣднихъ ²⁾, произволь и лихомства, плохой подборъ туземныхъ должностныхъ лицъ, зачастую выходцевъ изъ Турфана и Хами, которые, будучи китайскими ставленниками и притомъ чужеземцами, мало входили въ интересы ввѣреннаго ихъ попеченію населенія, и, наконецъ, разница религій. Авторъ «Си-юй-вынь-цзянь-лу» въ такихъ выраженіяхъ клеймитъ представителей высшей туземной администраціи въ Алтышарѣ: «Беки любятъ наживаться насиліемъ. Гѣснятъ слабыхъ. Если бѣдный скопитъ сколько нибудь имущества, то и стараются высосать оное; почему въ странѣ достаточныхъ домовъ нѣтъ» ³⁾. Не щадитъ тотъ же писатель и китайскихъ администраторовъ края: «Правитель (амбанъ) былъ безтолковъ, распутенъ и золъ, а сынъ его еще подлѣе и глупѣе. Увидя на улицѣ туркестанскую женщину или дѣвушку нѣсколько красивую, не спросивъ даже чья она, забирали ее въ ямынь, гдѣ отецъ съ сыномъ вмѣстѣ беззаконничали. Сверхъ сего, для забавы, приказывали слугамъ и солдатамъ, раздѣвшись до нага, бѣгать съ ними въ запуски, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обратно отпускали» ⁴⁾. При такомъ характерѣ управленія краемъ только страхъ передъ китайскимъ оружіемъ могъ сдерживать въ границахъ покорности туземное его населеніе. Съ годами, однако, воспоминаніе объ учъ-турфанскихъ казняхъ изгладилось изъ памяти народной, слава китайскаго оружія померкла, и населеніе Кашгаріи съ радостью привѣтствовало въ лицѣ Джегангира-турѣ ⁵⁾, младшаго сына Сарымсака-ходжи, своего избавителя отъ китайскаго ига.

Джегангиръ-ходжа, познакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Восточномъ Туркестанѣ и воспользовавшись смертью кокандскаго хана Омара, который за ежегодную субсидію въ 200 ямбъ обязался передъ китайскимъ правительствомъ имѣть строгій при-

¹⁾ Резиденція китайскаго амбана, управлявшаго Кашгаріей, мѣнялась довольно часто и въ такой послѣдовательности: Яркендъ, Кашгаръ, Учъ-Турфанъ и вновь Яркендъ.

²⁾ «При встрѣчѣ съ китайскимъ чиновникомъ на улицѣ, всѣ мусульмане должны были слѣзая съ лошадей. При объѣздѣ города амбанемъ народъ долженъ былъ стоять на улицахъ на колѣняхъ. Если амбанъ шелъ въ капище, то всѣ мусульманскіе чины, не исключая хакимъ-бека, становились у входа на колѣна, со сложенными назади руками» (Куропаткинъ — «Кашгарія», стр. 106).

³⁾ Іакинфъ, «Опис. Чжунг. и Вост. Турк.», стр. 136 и 179

⁴⁾ Іакинфъ, *op. cit.*, стр. 179.

⁵⁾ Валихановъ пишетъ Дженгиръ, Наливкинъ — Джаангиръ.

смотрѣ за ходжами ¹⁾, бѣжалъ въ 1822 году къ киргизамъ ²⁾, гдѣ и сталъ готовиться къ вторженію въ Алтышаръ.

Первая его попытка въ этомъ направленіи была, однако, неудачна. Преданный ему старшина киргизовъ рода Чонъ-багышъ съ урономъ отступилъ отъ стѣнъ Кашгара, и такая же судьба постигла послѣдующія попытки киргизовъ рода Саякъ. Но засимъ послѣднимъ удалось уничтожить высланный противъ нихъ китайскій отрядъ, и эта побѣда была сочтена за счастливое предзнаменованіе. Къ Джегангагиру на «газатъ» стали стекаться ревнители ислама со всѣхъ концовъ Туркестана, и въ 1826 г. союзная армія подъ общимъ начальствомъ андиджанца Иса-датхи вступила въ предѣлы Восточнаго Туркестана. Въ ур. Даулетъ-бахъ Иса-датха нанесъ рѣшительное пораженіе илийскому цзянь-цзюню и при радостныхъ кликахъ народа ввелъ Джегангира въ Кашгаръ ³⁾. Послѣ этого города Яркендъ, Янги-Гиссаръ и Хотанъ возстали противъ китайцевъ, перерѣзали гарнизонъ и разрушили до основанія китайскіе укрѣпленные города (маньчэны, у туркестанцевъ—гульбахи).

Джегангиръ былъ, повидимому, хорошимъ администраторомъ, но плохимъ воиномъ и стратегомъ. Легко овладѣвъ Кашгаромъ, онъ почилъ на лаврахъ и далъ время китайцамъ не только оправиться отъ пораженія, но и стянуть значительныя силы къ Кульчжѣ и Аксу. Со своимъ сбродомъ онъ выступилъ противъ нихъ лишь въ началѣ 1828 г., но при первомъ же столкновеніи былъ разбитъ ими на голову и бѣжалъ къ киргизамъ на Нарынъ. Здѣсь онъ былъ схваченъ своимъ другомъ, упальскимъ бекомъ ⁴⁾, и выданъ китайцамъ, которые отвезли его въ Пекинъ и предали здѣсь ужасной казни ⁵⁾.

Не смотря на успѣшный для китайцевъ исходъ борьбы съ Джегангиромъ, престижъ ихъ власти въ Восточномъ Туркестанѣ былъ сильно поколебленъ. Ходжи убѣдились въ возможности овла-

¹⁾ Валихановъ, *op. cit.*, стр. 53. Mir Abdoul Kerim Boukhary — «Histoire de l'Asie Centrale» trad. par Ch. Schefer («Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», 1876, стр. 217).

²⁾ Впрочемъ, это было уже не первое его бѣгство. См. Наливкинъ — «Краткая исторія Кокандскаго ханства», стр. 117.

³⁾ У Наливкина (*ib.*, стр. 126) обстоятельства бѣгства Джегангира и завоеваніе имъ Алтышара рассказаны иначе. Уже по занятіи Кашгаріи Джегангиромъ, на помощь послѣднему Мадали-ханъ кокандскій привелъ 15-тысячное войско; но съ первыхъ же шаговъ онъ не поладилъ съ Джегангиромъ и послѣ 12-дневной безплодной осады кашгарскаго гульбаха вернулся назадъ.

⁴⁾ Это извѣстіе взято у Куропаткина — «Кашгарія», стр. 116.

⁵⁾ О послѣднихъ дняхъ Джегангира, со словъ Гюка, подробно рассказано у Куропаткина, *ib.*, стр. 116.

дѣть достояніемъ предковъ, и съ этого времени начались ихъ частыя, хотя и неудачныя, попытки утвердиться на престолѣ Кашгаріи.

Уже въ 1830 г. старшій братъ Джегангира, Мохаммедъ-Юсуфъ-ходжа, во главѣ союзныхъ войскъ, состоявшихъ изъ кокандцевъ, ташкентцевъ, кашгарскихъ эмигрантовъ и таджиковъ Каратегина, вторгся вновь въ эту страну и безъ особаго труда овладѣлъ городами: Кашгаромъ, Янги-Гиссаромъ, Яркендомъ, Хотаномъ и Аксу. Съ уходомъ, однако, вспомогательныхъ войскъ, онъ почувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ китайцами, перешедшими въ наступленіе, и бѣжалъ въ Кокандъ, процарствовавъ въ Алтышарѣ всего лишь три мѣсяца ¹⁾.

Слѣдующая попытка ходжей утвердиться въ Кашгаріи относится къ 1847 г. Сюда вторглись съ ничтожными силами семь ходжей изъ фамиліи Аппаковъ, но успѣли взять только Кашгаръ; да и этотъ городъ затворилъ передъ ними ворота, когда до него дошли слухи о пораженіи, нанесенномъ сброду Катта-хана (Ишана-хана-турё) въ долинѣ Яркендской рѣки передовымъ отрядомъ китайскихъ войскъ, шедшихъ изъ городовъ Урумчи и Лянъ-чжоу на выручку яркендскаго гарнизона ²⁾.

Въ 1855 и 1856 годахъ Кичикъ-ханъ-турё и Вали-ханъ-турё пытались овладѣть Кашгаромъ, но безуспѣшно. Наконецъ, въ 1857 г. это удалось Вали-хану. Въ сопровожденіи всего лишь семи чело-вѣкъ онъ перешелъ границу кокандскихъ владѣній, переправился черезъ Кизыль-су, вырѣзалъ по пути китайскіе сторожевые пикеты и, взорвавъ городскія ворота, неожиданно явился на улицахъ Кашгара. Онъ былъ прогнанъ китайцами въ томъ же году, и на этотъ разъ кашгарцы, утомленные войнами, разоренные поборами и обезсиленные предшествовавшими эмиграціями ³⁾, главное же, возмущенные явнымъ предпочтеніемъ, которое оказывалъ Вали-ханъ кокандскимъ выходцамъ, и его непомерной жестокостью, привѣтствовали китайскія войска какъ избавителей.

Изгнавъ въ 1857 г. Вали-хана-турё и снова овладѣвъ всѣмъ Алтышаромъ, китайцы недолго, однако, пользовались своею побѣдою. Возстаніе дунганъ въ западныхъ китайскихъ провинціяхъ Гань-су

¹⁾ Обстоятельства этого вторженія всего подробнѣе изложены у Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 450 и слѣд.

²⁾ Валихановъ, *op. cit.*, стр. 64 и слѣд. Ср. Наливкина, *op. cit.*, стр. 168, и Куропаткина, *op. cit.*, стр. 120—122.

³⁾ Послѣ каждаго бѣгства ходжей изъ Кашгара, народъ эмигрировалъ въ Кокандъ массами. Такъ, въ 1830 г., вслѣдъ за Мохаммедомъ-Юсуфомъ-ходжей, эмигрировало въ Фергану до 70,000 и въ 1847 г. до 20,000 чело-вѣкъ кашгарцевъ.

и Шэнь-си, быстро распространяясь на западъ, охватило всю Джунгарію, а затѣмъ, въ 1862—1863 годахъ, и Кашгарію. Китайцы были поставлены въ отчаянное положеніе. Многія тысячи ихъ погибли; но засимъ они, шагъ за шагомъ, въ теченіе послѣдующихъ 13 лѣтъ, усмирили возстаніе до города Чугучака къ западу, до Манаса и Урумчи къ югу. Въ 1877 г. ихъ войска стянулись къ городу Урумчи и открыли военныя дѣйствія противъ Якубъ-бека, самага талантливаго и могущественнаго противника ихъ, выдвинутаго событіями предшествовавшихъ 13 лѣтъ ¹⁾. Его полководцы были ими разбиты подъ Гумиды, послѣ чего онъ принужденъ былъ очистить Урумчи и отступить къ укрѣпленію Даванчинъ.

Это отступленіе оказалось для него роковымъ. Его приближенные, извѣрившись въ его силахъ и непобѣдимости, другъ передъ другомъ спѣшили передаться китайцамъ, а затѣмъ и самъ онъ палъ отъ руки убійцы ²⁾.

Замѣшательства, вызванныя его смертью, грозная молва о жестокихъ казняхъ, сопровождавшихъ паденіе Манаса, и, наконецъ, слухи о надвигавшихся на Восточный Туркестанъ огромныхъ силахъ непріятели побудили многихъ патріотовъ искать спасенія своей родинѣ въ добровольномъ ея подчиненіи Китаю. Первый примѣръ въ этомъ смыслѣ подалъ Турфанъ, а засимъ съ повинной къ Цзо-цзунъ-тану и Лю-цзинъ-таню явились депутаты и отъ другихъ городовъ Восточнаго Туркестана. Бекъ-кулы-бекъ, старшій сынъ Якуба, чувствуя себя не въ силахъ, въ виду такого оборота дѣлъ, продолжать борьбу съ китайцами, бѣжалъ въ русскіе предѣлы, съ чѣмъ вмѣстѣ пало и эфемерное царство, основанное Якубъ-бекомъ.

По завоеваніи Кашгаріи, китайцы нашли уже за ея рубежомъ русскія войска,—мощную преграду дальнѣйшаго распространенія своихъ владѣній на западъ, но въ то же время и прочную гарантію спокойнаго обладанія занятыми землями. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ миръ въ этой части Средней Азіи не нарушался.

Въ 1881 г. состоялась передача временно занятой нами Кульджи китайцамъ; она сопровождалась массовымъ переселеніемъ таранчей и илійскихъ дунганъ въ наши предѣлы. Этимъ эпизодомъ и закон-

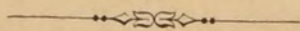
¹⁾ Всего полнѣе эпоха Якубъ-бека изложена у Куропаткина, *op. cit.*, гл. IV, и у Роберта Ша (Shaw) — «Очерки Верхней Татаріи, Ярканда и Кашгара», гл. III.

²⁾ Мнѣ передавали, что Якубъ-бекъ былъ отравленъ хакимъ-бекомъ хотанскимъ Ниязомъ при помощи подговореннаго имъ чилимчи. По совершеніи убійства, Ниязъ бѣжалъ въ Хотанъ, гдѣ и объявилъ себя самостоятельнымъ правителемъ. Самостоятельность эта длилась однако не болѣе года, и, когда Лю-цзинъ-танъ вступалъ въ Кашгарь, Ниязъ былъ въ числѣ первыхъ, изъявившихъ свою покорность богдохану.

чился послѣдній актъ исторіи интересующей насъ части Внутренней Азіи.

Изложенный въ этихъ трехъ главахъ ходъ историческихъ событій за 2000-лѣтній періодъ времени ясно обрисовываетъ ту значительную роль, которую нѣкогда игралъ Бэй-шань и его ближайшія окраины въ политической жизни Средней Азіи.

Отсюда вышли юэчжи и жеужани; здѣсь же черпали свои силы хунны, тукіэ, уйгурскія поколѣнія и государи Тангутскаго царства. Эпоха Чингисъ-хана имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бэй-шаня. Увлеченныя этимъ великимъ полководцемъ въ его стремленіи покорить весь міръ, волны кочевниковъ уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустѣлъ. Его источники живой воды, забитые копытами дикихъ животныхъ, изсякли или образовали соленыя грязи. И вотъ, постепенно, онъ сталъ еще негостепріимнѣе, еще пустыннѣе... Но не навсегда онъ останется такимъ. Человѣческій геній съумѣетъ вызвать его къ новой жизни и залогомъ этому являются его рудныя богатства: его золото, желѣзо, свинецъ и каменный уголь. Но, конечно, не намъ, а только нашимъ потомкамъ доведется быть свидѣтелями зарожденія новой жизни въ Бэй-шанѣ ¹⁾.

¹⁾ Интересно, что тѣ же мысли о будущности Тянь-шаня, а вмѣстѣ съ нимъ и Бэй-шаня, уже давно высказывались китайцами. Такъ, авторъ оды Хунъ-лянь-цзи писалъ слѣдующее: «При Ханьской династіи были постоянныя сношенія съ сѣверо-западными государствами, но такіе люди, какъ Пяо-ци (знаменитый полководецъ Ханьской династіи Хо-цюй-бинь, прославившійся въ концѣ II вѣка до Р. Хр. своими походами на западъ и принесшій изъ одного изъ этихъ походовъ золотого идола, котораго чтили хуннскіе владѣтели) и Чжо-фъ (извѣстный куртизанъ и знаменитый полководецъ императора Вуди, Вэй-цинъ, возведенный въ достоинство чжо-фъ-хоу; умеръ въ 106 г. до Р. Хр.), попирали ногами эти пустыни съ оружіемъ въ рукахъ и потому не имѣли въ виду заниматься изслѣдованіемъ чудесъ этихъ странъ. Бо-ванъ (т. е. Чжанъ-цянь, первый изслѣдователь Восточнаго и Западнаго Туркестановъ, пожалованный титуломъ бо-ванъ-хоу) и Динъ-юань (т. е. извѣстный полководецъ Бань-чао, награжденный титуломъ динъ-юань-хоу) ходили въ отдаленныя страны для того, чтобы прорубить въ нихъ окно изъ Китая и сдерживать ихъ, а потому также не имѣли времени заниматься созерцаніемъ красотъ природы. Быть можетъ, пройдутъ еще сотни лѣтъ прежде, чѣмъ одаренный необыкновенными способностями человекъ откроетъ міру сокровенныя богатства этихъ горъ».

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„Le Pamir et sa faune lépidoptérologique“, 1890, XVII + 577 стр. съ 21 табл. раскр. рис. и картой (составляетъ IV томъ „Mémoires sur les lépidoptères“, издаваемыхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ).

„Описание Амурской области“ (подъ редакц. П. П. Семенова), 1894 г., V + 640 + VIII стр., съ картой. Изд. Министерства Финансовъ. 4 р.

„Описание путешествія въ Западный Китай“, т. I (при участіи М. Е. Грумъ-Гржимайло), 1896 г., XII + 547 стр., съ картой, 25 фототипіями, 5 гравюрами и 1 таблицей. Изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 6 р.
